

ВЕК

ИЛЬЯ БУКРЕЕВ

НЕРОЖДЕННЫХ

Оглавление

Часть I. Вперед, в бездну.....	3
1.....	3
2.....	4
3.....	8
4.....	9
5.....	11
6.....	15
7.....	18
8.....	21
9.....	23
Часть II. В последнюю юность.....	25
1.....	25
2.....	27
3.....	29
4.....	31
5.....	33
6.....	35
7.....	38
8.....	40
9.....	44
10.....	47
11.....	51
Часть III. Кровь человека.....	52
1.....	52
2.....	58
3.....	60
4.....	62
5.....	65
6.....	69
7.....	74
8.....	79
9.....	87
10.....	90

11.....	94
Часть IV. Возмездие.....	99
1.....	99
2.....	103
3.....	108
4.....	110
5.....	112
6.....	117
7.....	120
N.....	129

Часть I. Вперед, в бездну

Сочините в воображении особенный мир. Вы ползете вверх по стене, точнее - по отвесной скале. Будь она покрыта зловонной слизью или луговыми цветами, это бы задало тон восхождению, но нет, поверхность бесплодна, словно вымытая шампунем, как улицы в лучших городах. Стоит заметить, у стены нет ни верха, ни низа. Над головой с вышины струится бледный свет предгрозового часа и его такие крохи, что вы начали забывать, сколько пальцев на ваших ладонях. Под ногами бескрайняя пустота и мрак. Предвосхищая ожидаемый вопрос: карабкаться в сторону бессмысленно, ведь вы внутри своеобразного цилиндра диаметром в десять стадионов. Это известно доподлинно, вы проверяли, просто подзабыли. Итак, день ото дня вы взбираетесь впотьмах по безжизненной скале. Представьте, что восхождению отдана жизнь. Сумей вы это вообразить, то окажетесь в моем реальном мире.

1

«6 часов 00 минут планетарного времени. На территории дежурного поста и близлежащих окрестностях посторонних лиц, предметов и инопланетных существ не обнаружено», - солдат внес запись в электронный журнал осмотра и подписал: «Капрал взвода охраны Мик Лоу». Зевнув, Мик шлепнул планшет на стол и вытянул из бойлера наполненный термос. Сунув теплый баллон за пазуху, он накинул на голову капюшон плаща-накидки, обязательный атрибут на планете, где непрестанно льют дожди, и вышел из сторожки. Противно моросило. Неподалеку, около модулей с антеннами на шатком раскладном стульчике уютился рядовой Соломон, укутавшийся в полы накидки. Невдалеке вырисовывались приземистые купола временной исследовательской станции и грозный колоссальным величием космический корабль-дредноут, похожий на стимпанковский замок в окружении инопланетных хижин. То было единственным, что возвышалось на бескрайней до горизонта равнине, испещренной широкими бездонными дырами. Большею частью пейзаж напоминал потасканную губку для обуви. Сходства добавлял местный мох, целиком покрывавший сушу. Ходить по нему сравнимо с прогулкой в сапогах по залитому водой персидскому ковру с длинным ворсом. Над головой довлело затянутое облаками небо, сквозь которые изредка проступали тусклые пятна двух голубых солнц.

- Спать охота. От давления атмосферы постоянно тяжесть в голове. Сил упадок какой-то, - сказал Соломон, когда заметил вернувшегося напарника.

- Ладно тебе... – отмахнувшись сказал Мик. - Сколько мы в дежурстве, ты постоянно дрыхнешь.

- Чем больше сплю, тем больше хочется. И вообще, чего ради мы торчим под открытым небом? Погода гадкая, поливает не переставая.

- Представь, что ты сейчас там, - сказал Мик, указывая на огромную яму поблизости, - вылезашь уставший, а вокруг ни души. Мы должны быть наготове, всегда.

- Послушай, ты серьезно веришь, что скалолазы вернуться? Почти две недели от них нет новостей. Даже если чудом им удалось сберечь еду, это не отменяет невыносимых условий, которые они терпят. Я молчу про возможных тварей, что обитают в яме. Блин, да их отправили в полную неизвестность.

- Вот! Сам все понимаешь. Я хочу верить. Это единственное, что осталось. При других обстоятельствах, по уму надлежало потратить годы на изучение и подготовку. В том-то и дело, времени нет.

- Если честно говорить, то моя надежда, если когда-то и была, давно испарилась. Сижу здесь в заднице галактики, а мог бы тихо доживать отпущенное с семьей. Да... Хотя, на Земле стало тошно, чувствовал себя как на приготовлениях к всемирной панихиде.

- По мне, так дома всегда лучше. С недавних пор я чаще думаю, не обманулся ли, поменяв родную синицу... А ты с похоронными мыслями, смотри, не вскройся.

- Пошел ты, стоило тогда тащиться сюда. Это так... С утра до вечера кругом серость и дожди, тут клоун в запой уйдет. Выпивки еще нет! Праведники, чтоб их... Скажи, почему нельзя пропустить стаканчик-другой, чтобы ненадолго отвлечься от дерьма вокруг?

- От пивка бы я не отказался. Будешь кофе?

- Наливай, - понуро ответил Соломон, протягивая кружку.

- По крайней мере свезло, что не отправили на ледышку или раскаленный спутник без кислорода.

- Твой стакан наполовину полон?

- Что-то в этом роде, старина.

- Чтоб тебя! – Соломон выронил из рук кружку и поднялся.

- Бежим! Ха-ха! Я ведь говорил! – воскликнул Мик и ринулся вперед.

Щедро отдавая друг друга брызгами из-под подошв, они бежали к яме. Сперва оттуда потянулась ладонь и вцепилась в кабели оборудования на краю, затем выглянула чумазая голова. Подоспевшие солдаты протянули руки карабкающемуся, чтобы помочь забраться, но скалолаз, скорчив перепуганную гримасу, отпрянул назад словно от диких собак. Повинуясь порыву, пальцы соскользнули с мокрого кабеля, и скалолаз покачнулся в пропасть, беспомощно цепляясь за зыбкий мох.

- Поймал! Нет, приятель, тебе сюда!

Мик удачно схватил руку бедолаги и вместе с Соломоном вытащил его на кромку ямы. К удивлению довольных солдат, спасенный отнюдь не обрадовался вызволению, и вместо признательности изо всей мочи пустился наутек.

- Что этот придурок творит? – недоуменно спросил Соломон.

- Держи, а то, глядишь, свалится в другую пропасть! – сорвавшись с места крикнул Мик.

Солдаты догнали ополоумевшего скалолаза и попытались успокоить, заверив, что помощь на подходе, но тот с доисторическим воплем разбросал обоих и продолжил побег. Отсекаемый солдатами, бегущими наперерез, скалолаз в неуверенности бросался то в одну, то в другую сторону, пока неожиданно не плюхнулся в мох без чувств.

- Оно и к лучшему, - сквозь одышку усмехнулся Соломон.

- Что к лучшему? Не дай бог отъедет! - крикнул Мик. - Дуй к посту и сообщи на корабль, что первый вылез! Я постерегу.

2

В чайном свете торшера сержант взвода обеспечения Стирс возлежал на кресле-кушетке, подложив под шею маленькую пуховую подушку. Сквозь полуопущенные веки он плыл взглядом по исполненному в дереве и бархате интерьеру, по вздутым очертаниям кожаных диванов и кресел, тяжеловесных и по-старинному роскошных. Зелено-коричневая гамма вкупе с винтажными лапочками Эдисона вытесняла беспокойство, накрывая теплом. Правительство выдало исключительную медицинскую страховку каждому служащему в космосе от командира флота до уборщика. Вот почему Стирс, тянущий ярмо сантехника, периодически мог разнежено ерзать на поскрипывающей мягкой обивке. С блаженством потягиваясь, он изливал думы главному врачу миссии, а прежде всего штатному психологу, доктору Давиду Шеварднадзе, который застыл за лаковым столом из красного дуба в позе чуткого собеседника.

- Мы там, они здесь. То есть, они там, а мы тут, а какая по счету разница. В сущности, человек лишь пылинка во вселенной. Война раскрыла нам глаза на мир, если отместит раздутую популистскую мишуру. Думаю, неважно отыщем мы что-то на этой планете или нет. Я говорю в масштабе всех миссий, не только нашей. Я склоняюсь к мысли, что мы разлетелись по галактике

единственно затем, чтобы не рисовать веточкой по пыли, сидя на крылечке в ожидании неотвратимого конца, - неспешно тянул служащий.

Поначалу Стирс захаживал временами, теперь же появлялся едва ли не ежедневно. Доктору не пришлось гадать над диагнозом – меланхолия, тоска, легкая апатия, подобным набором терзался каждый первый в экипаже. Однако среди пациентов Стирс выделялся тем, что не нервировал болтовней, для доктора его монологи уподобились пустопорожнему авторскому шоу после полуночи на разговорном радио. Сегодня в кресле побывали четверо, каждый излить душевную боль и горькую историю времен войны, поэтому с помощью линз дополненной реальности доктор сбрасывал утомление за игрой в шахматы. Манипуляции в интерфейсе вершились силой мысли, благодаря чему не требовалось шевелиться и тревожить пациента. Искусственный соперник поставил давно предвиденный и крайне досадный шах, отчего с уст Шеварднадзе сорвалось шепотом:

- Ай-я-ай!

- Что доктор? – отреагировал Стирс.

- А? – Шеварднадзе кинул взгляд на пациента, потом на часы над изголовьем кушетки. – О, вижу, мы засиделись, сержант.

- Да вы что! – Стирс взглянул на затертый механический хронометр на запястье. – Действительно, два часа кряду болтаем.

- К сожалению, мне нужно уходить, поэтому прервемся на сегодня, - доктор захотел скорее отделаться от Стирса, который имел обыкновение полчаса прощаться. – Вы продолжаете принимать антидепрессанты, что я выписал?

- Да, осталась треть упаковки.

- Хорошо, в следующий раз выпишу новый рецепт. Ну, что ж... - доктор встал, используя это испытанное средство завершить встречу. – Идемте.

Они вышли из кабинета. Закрыв магнитный замок, доктор обернулся, но, к досаде, увидел нетерпение в лице Стирса.

- Вам куда? – спросил Стирс.

- Туда, – наугад указал подбородком доктор.

- И мне. Пойдемте, доктор, я хотел добавить в продолжение ...

- Хотя, - замылся доктор, - прежде надо зайти в медблок, так что, до встречи в то же время.

Шеварднадзе подал руку и поспешил удалиться. Вместо выжидания за углом он действительно отправился в медицинский отсек. Раз случилась оказия, отчего не попить чайку с реаниматологом Серовым часов эдак до трех, чтобы успеть принять техника Рибото с посттравматическим расстройством. Страданий досталось всем землянам без исключения, но прошагавшие под ружьем кровавую баню сражений изменились безвозвратно. Работая с системами жизнеобеспечения, Рибото был на повышенном контроле, но Шеварднадзе, к своему сожалению, осознавал, что не имеет даже шанса помочь. Снова пропишет букет пилюль, чтобы пациент оставался скорее машиной, нежели личностью. Это жестоко, но такова реальность, в которой пришлось жить, та правда, о которой не нужно трубить.

Доктор заглянул в ординаторскую и, к удивлению, никого не застал. Обычно там редко когда прохладилось менее полудюжины человек. В реанимационной он нашел санитарок, спешно подготавливавших медицинское оборудование. Не успел доктор вымолвить слово, как получил толчок в спину. Он с негодованием обернулся, но только и успел что посторониться, когда Серов с командой врачей спешно вкатили носилки.

- Кто это? – спросил Шеварднадзе.

- Из ямы вылез! – ответила сестра с буксами на руках, догоняя.

- А остальные?

- Только один, Алексей Медведев.

Пропустив бригаду медиков, Шеварднадзе вошел следом. Темным грязным пятном Алексей лежал в окружении халатов врачей в стерильно белом помещении. В ярком свете ламп приборы ослепительно блестели серебром.

- Пульс пропал!

- Сестра, прошу вас, лепите уже гребаные электроды! Разряд! Еще раз! – рокотал Серов.

- Мамочки мои, что с ним приключилось? – причитала одна из медсестер. – Кожа обтянула кости.

- Истощение! – буркнул Серов. – Растворы готовы? Так чего ждете? Скорее сюда! Моторчик, слава богу, запустили.

Серов взял несколько шприцов и ввел их содержимое Алексею, в то же время сестра вкалывала в вены иглы от пакетов с кровью.

- Где Львович? – спросил Серов.

- Где травматолог? – затараторили медсестры.

- Здесь я. Расступитесь, я должен его осмотреть.

Когда принялись резать одежду, Шеварднадзе решил, что только мешает, кто-кто, а начальник и психолог сейчас явно не требовались. Ему, как главврачу, после непременно доложат о состоянии Алексея, поэтому бессмысленно было ждать подробностей в суматохе.

Шеварднадзе вернулся в кабинет и плюхнулся на диван. Взгляд метался по потолку, выдавая беспокойные мысли. Вскоре позвонил командир корабля.

- Что с Алексеем?

- Жив, большего сказать не могу. Идет госпитализация.

- Значит, он не допрошен?

- Вай ме, полковник, вы понимаете его состояние? Будьте человеком.

- Сами знаете, в какой ситуации работаем.

- Дайте хотя бы день.

- Сутки, не более. Я должен знать, что Алексей видел в яме.

- Понимаю, поэтому и прошу. Нагрузка психики при допросе непременно травмирует и без того ослабленный организм.

- Доктор, мне доложили, что груз при нем.

- Стало быть, удалось?

- Пока рановато отмечать. Будем ждать результаты из лаборатории. Главная задача на сегодня — это успешно отослать добытые образцы. Однако отчет о ходе экспедиции потребен не меньше.

- Полковник, что с остальными из его группы?

- Не знаю, Давид, не знаю. Напоследок напоминаю - информацию жду завтра.

В полдень нового дня Шеварднадзе решил проведать Алексея Медведева, заключив, что, затягивая с визитом, он грозит терпению капитана, склонного в любую минуту отдать приказ выведать сведения по-военному сугубо.

После стабилизации, Алексея поместили в покои с прозрачными стенами при взгляде снаружи, но матово-непрозрачными изнутри. Когда пациент очнулся, то принялся озираться, переполняемый возбуждением, видимо не сознавая, где очутился. Очевидная несуразница, ведь за годы полета в составе экипажа он, как и прочие космонавты, не единожды побывал в каждом отсеке. Дежурный врач отнес замешательство к шоковому состоянию. Однако другую черту поведения оказалось растолковать не под силу - Алексей ни разу не ступил на пол. Он скакал по кровати, столам и шкапам. Будучи отменным скалолазом, он проделывал это без малейшего труда.

- Может Алексей пытался выбраться. Не отыскав путь на свободу, он со временем успокоился и снова оказался на койке, - резюмировал дежурный врач, докладывая Шеварднадзе.

У входа в покои стояли дневальные, на лицах которых вместо привычной скуки обнаружилось беспокойство. Прежде, чем войти, Шеварднадзе пришлось настойчиво уверить, опасавшихся, как бы чего не вышло солдат, не следовать за ним.

Когда доктор закрыл за собой дверь, он не заметил реакции в Алексее, который меланхолично сидел на краю кровати. Однако, каждый шаг нагнетал напряжение в чертах пациента. Шеварднадзе прокрутил в памяти рапорт капрала Лоу о чудаковатом поведении Алексея и начисто отгнал мысль о тактильном контакте и, решив не провоцировать агрессию, присел на стул в метре от кровати. Линзы дополненной реальности отображали метрики пациента. Пульс зашкаливал. Шеварднадзе долго прибывал в недвижении, и только уверившись в относительном успокоении пациента, заговорил.

- Алексей, как ты себя чувствуешь?

Никакой реакции, словно доктора вовсе не было в комнате.

- Сперва хочу выразить благодарность за проделанную работу. Меня переполняет неимоверное восхищение от твоего подвига. Спуститься в неведомое за образцом, о котором ничего неизвестно — это истинный героизм. Я бы никогда не решился.

Ноль эмоций, с равным успехом можно петь дифирамбы гипсовому бюсту.

- Тебе наверняка интересно – добытые образцы переданы в лабораторию, и после первичного изучения их отправят на Землю. Мы полетим следом. Ладно, вижу ты устал, набирайся сил. Я еще зайду, - доктор встал. – Перед уходом еще раз скажу, что восхищаюсь тобой. Пробыть столько времени в ужасающей бездне, во враждебной среде при полном мраке...

Алексей залепетал полушепотом нечто несвязное.

- Что ты сказал? – спросил доктор и настроил слуховые приборы на повышенное восприятие.

Бормотание преобразалось в отдельные фразы. Зрачки расширились. Было похоже, что Алексей разговаривает с бесплотными собеседниками, которые окружили постель, при этом создавалось впечатление они будто бы постоянно ускользали от взгляда. Внезапно Алексей вскочил на матрас и сиганул на этажерку с бельем, уцепился и занял уверенную позу, при этом начав повторять одну и ту же фразу.

Прислушиваясь изо всей мочи, доктор настроил приспособление в ухе на сверхповышенный прием звука с искусственным распознаванием речи. Тогда среди невнятной сумятицы ему удалось разобрать повторявшееся слово «Стена». Пульс больного подскочил до опасного предела. Доктор вынул из халата небольшое устройство размером с перочницу, настроил определенным образом и направил в сторону Алексея. Слово по мановению, Алексей начал затихать, потом обмер и приземлился прямо на подставленные руки Шеварднадзе, который отнес его на кровать и сделал рукой знак дежурному врачу, который с волнением наблюдал за прозрачной стеной. Когда врач подошел к кровати, Шеварднадзе меланхолично заключил:

- Пациент спит. Проведите контрольный осмотр. Помимо этого, я желаю, чтобы Алексея подключили к аппарату, который позволит записать образы его снов.

- Вы поняли, что с ним, Давид?

- Дела его плохи.

Никуда не заглядывая по пути, Шеварднадзе пошел обратно в кабинет. Отворив дверь, он заметил прилегшего на кушетке командира.

- Удобно у вас здесь. Может записаться на прием? Впрочем, довольно о глупостях. Узнали что-нибудь?

- Товарищ полковник, Алексей пока не способен на вразумительный диалог.

- Ну что-то же вы вынесли из посещения? Рассказывайте, не заставляйте ждать, мы не в очереди за пивом.

- Вероятна потеря памяти и шок.

- С чего вы это взяли?

- Петр!

- Что?

- Вы немедленно отозвались, едва услышали свое имя. Все потому, что оно имеет важную роль в психике. С именем человек отождествляет собственную личность.

- И что с того? Не пойму.

- Он не откликнулся на имя, вообще. Затем я упомянул дом, Землю. Скажи я сейчас любому на базе эти два заветных слова, и немедленно увижу тоскливый взгляд и набор эмоций в мимике. Ведь мы находимся так далеко.

- А он?

- Снова ничего. Будто я упомянул не родную планету, а завел речь про безделицу, о ложке, например.

- Что же он перенес, если за полторы недели напрочь забыл прожитую жизнь... Хотя на что-то он среагировал?

- Я заметил возбуждение, когда упомянул о яме. Притом не об экспедиции, сиречь работе, а свойствах самой ямы. Он говорил бессвязно. Отчетливо я уловил единственное слово «Стена».

- Стена? Из масштабной экспедиции он запомнил стену? Святые угодники... Жалко парня. Я доверился вашим осторожным методам, а на выходе получил бред помешанного. Доктор, поймите, нам крайне необходимы сведения от человека, побывавшего в яме.

- Знаю. Поэтому надеюсь, что пациент не потерян безвозвратно. В его разуме заточены ответы, но, чтобы их получить нам требуется проявить деликатность и терпение.

- Давид, у человечества нет времени терпеть. Нам нельзя отправлять образцы без сопроводительного пояснения о том, как они были добыты. Если протянем здесь дольше запланированного, остановка дома получится краткой, а ведь нам предстоит новый полет в неизведанные миры.

3

Шеварднадзе разбудил поздний звонок. Гомон по меньшей мере половины экипажа доносился до спальни комнаты. Доктор насилу открыл глаза, в которых проявилось изображение командира.

- Полковник?

- Давид, ученые закончили первичное изучение образца. Очень любопытно. Не желаете взглянуть?

- Разумеется.

Доктор оделся и скоро прибыл к лаборатории. Распихав набежавших людей, он вошел в отсек, куда к общему неудовольствию не пускали никого за исключением командного состава экспедиции. Окруженный младшими офицерами капитан корабля вглядывался в микроскоп. Время от времени он отнимал глаза от окуляров, чтобы покачать головой в изумлении и возвращался к просмотру. Присутствовавшим оставалось лишь по тональности восклицаний командира интерпретировать причудливость организмов. Некоторые норовили заглянуть через плечо, что давалось непросто при его дородной комплекции полковника.

- Товарищ полковник?

- Давид, - отозвался командир, - выглядит отлично! Порхает! Крыльями машет, и чудно так, даже не знаю, как объяснить...

- Если позволите, я бы взглянул сам.

Увиденные Шеварднадзе существа имели размер сопоставимые с микробами или бактериями, но их организация была много сложнее. Продолговатые с изгибами лапки, покрывавшие

тельце, давали сходства с паукообразным. Однако подобие это приблизительное, ведь наблюдая за образцом, доктор заметил, что существо видоизменяется подобно трансформеру. Лапки предназначались не только для движения, но скорее служили органами.

- Удивительное, - произнес Шеварднадзе.

- Хотите еще? – с азартом сказал командир. - Сколько вы наблюдаете организмов?

- Штук восемь или десять.

- А лаборанты говорят, что существо там всего одно. Оно не передвигается, а как бы телепортируется в пространстве и делает это настолько быстро, что глаз не поспевает за текущим местоположением и оттого создается иллюзия множественности. Как мне объяснили, организм из ямы нарушает законы физики - ведет себя словно объект квантового мира, при этом находясь на уровне микромира. Доктор, послушайте, а вдруг это зараза? Не добьем ли мы человечество, когда пошлем эту дрянь домой?

- Сомневаюсь, что мы способны это выяснить при скромных возможностях бортовой лаборатории.

- Все же я предпринял некоторые действия, чтобы обрести толику уверенности. Пока мы здесь развлекаемся, лейтенант Пирс с командой медиков забирают образцы крови и тканей Алексея, в которых они поищут инопланетных «друзей» и их воздействие на здоровье человека. Потом Пирс с помощью определенных препаратов расшевелит мозг Алексея, и мы наконец вытянем из него что-нибудь.

- Парчак! – выкрикнул в сердцах доктор. - Вы сошли с ума?

- Не забывайте, доктор, вы говорите с командиром!

- Да будь вы даже президентом! Какие препараты? Наверняка психотропные... Вы отдаете себе отчет, что агрессивное вмешательство может превратить Алексея в овощ на остаток жизни.

- С учетом ваших прежних решений на Земле, я полагал что вы не станете долго упираться из-за жизни одного скалолаза, пусть и героя, - сказал полковник, но тут же понял, что позволил лишнего. – Доктор, извините, но я поступаю согласно велению долга.

Шеварднадзе выскочил из лаборатории и стремглав побежал к Алексею. Полковник проводил его снисходительным взглядом и вновь припал к микроскопу. Вход в покои Алексея оцепила группа военных, которые не пропускали доктора внутрь, сколько бы он ни пугал и ни умолял. Стены изнутри осмотрительно затонировали. В отчаянии доктор звонил полковнику, но тот не отвечал.

Осталось лишь запереться в кабинете от бессилия.

4

- Шеварднадзе...

- Да, Алексей. Как ты?

- Шеварднадзе... Откуда я тебя знаю, Шеварднадзе?

- Мы познакомились еще на Земле. Я рад, что изуверство военных не разрушило твое сознание.

- Меня обкололи какой-то дрянью. Мучения были невыносимы, но вскоре разум словно отделился от тела, и пришли видения.

- Это интерпретация реальности вырывалась наружу.

- Чуть! Стена реальна, выступы реальны, а это место иллюзия и ты тоже иллюзия. Точно, как в пещерах! Прошу Шеварднадзе, объясни, какое испытание я должен пройти здесь.

- Не понимаю.

- Я жил восхождением. Теперь влез сюда - в пещеру без краев и свода. Не могу понять, зачем я здесь, что от меня требуется, и как вернуться обратно? Мне нужно на стену.

- Расскажи подробнее что за пещеры? Придя в сознание, ты упоминал лишь стену. Наверное, забыл, потому что был... несколько возбужден.

- Рассказ – всего лишь слова.

- Давай согласимся, что ты сейчас находишься внутри в иллюзии. Посмотри на помещение, на детали в интерьере, я уверен, ты сохранил способность примечать. Уверен, пещеры тоже имели особенности, попробуй их описать.

- Это и есть уготованное испытание? Понимаю... Надо осознать путь, чтобы собрать воспоминания воедино.

- Считай так.

Доктору не удавалось понять смысл услышанного. Чутье подсказывало, что неким образом получилось нащупать контакт с пациентом, поэтому внешне доктор силился показать, что улавливает ход мыслей, чтобы подвигнуть Алексея на большие откровения. Для излечения полезно любое средство.

- Давай определимся со стеной. Опиши свой образ жизни. Что ты делал в предыдущие полторы недели?

- Сколько? всю жизнь я провел карабкаясь по стене. Должно быть в нынешнем испытании снова изменилась скорость времени.

- Да, да... - нехотя потакал доктор. – Как ты понимаешь свою задачу на стене?

- Ползти.

- Все? – доктор поднял брови, и тут же вернул внешнее спокойствие. – Ладно, полз. Наверх, вниз, влево, вправо? Как именно?

- Вверх, конечно. Двигаться в сторону нужно только ради поиска удобной позиции для движения вверх. Ну, а вниз? Какой вообще смысл спускаться?

- Не знаю.

- И я про то. Вниз не нужно.

- Попробуй объяснить.

- Разве можно жить вспять?

- Полагаю, нет.

- Шеварднадзе, я не могу объяснить. Слишком тяжело выразить сходу.

- Давид. Меня зовут Давид. Можешь обращаться ко мне по имени. Слушай, а попробуй написать. Наедине с листом проще сконцентрироваться на том, что трудно сформулировать.

- Хорошо, Давид. Думаю, что мог бы подумать и написать.

- Вот и славно. Пиши, будто рассказываешь не о себе, а про другого человека. Эдакий взгляд со стороны.

- Если тебе хочется.

- Это все, чего я прошу. Не торопись. Я навещу тебя завтра.

Доктор вернулся в кабинет и первым делом решил восстановить хорошие отношения с командиром. С известностью, обладаемой на Земле, самолюбие Шеварднадзе претило извиняться напрямую, поэтому он избрал более изворотливый метод – угодить.

Сев за стол он набросал отчет о беседе. Послание вышло исполненным чувств смятения вкпе с изумлением от мироощущения Алексея, особенно от почитаемой за иллюзию действительности. Казалось невыносимым, как радикально способно измениться восприятие времени, и насколько зыбка память, кажущейся непреложной в обыденности, что Алексей почел дюжину дней экспедиции за целую жизнь. Причуды сознания больного находили одно-единственное объяснение: воздействие агрессивной инопланетной среды ямы (враждебной оттого, что так звучало хлестче). Другой значимый вывод был намеренно опущен, но полковник обязательно уловит его между строк – отправить груз и не изучить человека, подвергшегося инопланетному воздействию, подвергнет опасности родной мир.

Доктор отправил письмо и пошел налить кофе. Не успела чашечка наполниться, как прозвучал сигнал входящего сообщения. Командир хвалил за работу и оценил намерение не раздувать вчерашнюю склоку. Он писал, что предчувствует желание доктора ознакомиться с результатами «особых» сведений, добытых лейтенантом Пирсом при помощи препаратов. Учитывая помещение допроса Алексея под гриф военной тайны, капитан корабля ограничился сведениями про то, что остальные два скалолаза со значительной долей вероятности безвестно сгинули в яме - первый сорвался, а второму взбрело в голову отправиться вниз во время обратного пути.

В ответе Шеварднадзе испросил командирского содействия для получения врачебного доступа к Алексею на околоземной космической станции. Он указал о своей обязанности помочь пациенту, а через это общему делу.

«Понимаю честолюбивое желание первым опубликовать исследование. В меру сил поспособствую вашим устремлениям», - прислал командир.

- Хорошему человеку следовало бы оскорбиться, - подумал доктор.

5

- Корабли летают с помощью варп-скачков. Каждый требует колоссальной энергии. Пока мы спим в сонных капсулах, штурманский корпус, бедолаги, почти всегда бодрствуют и рассчитывают скачок так, чтобы остановиться неподалеку от звезды и напитать генераторы от фотоэлементов. Так прыжок за прыжком... Когда мы прилетели? - спросил Серов.

- Вроде в марте, - ответил Шеварднадзе.

- Примерно два года в пути. Если бы как в старину пришлось летать на досветовой скорости... Только до ближайшей звезды четыре с половиной световых года, а сюда мы бы вовсе не добрались живыми. Спасибо пришельцам.

- С ума сошел, еще сатане осанну спел! - зашипел Шеварднадзе.

- Согласен, не уместно, особенно сегодня, - стушевался Серов.

Этим утром инженеры готовили запуск на Землю челнока с грузом добытых организмов. Экипаж экспедиционной миссии, кроме дежуривших или больных, выстроился в строевые коробки на импровизированном плацу неподалеку от космического корабля. По случаю знаменательного события установили небольшой приступочек, на котором командир стоял перед подчиненными. На левом фланге, обособленно от военных, разместили медицинский персонал. Шеварднадзе и заведующие отделений находились в первой шеренге. У нарочитой церемонности имелся почтенный повод - после старта собирались открыть памятник скалолазам - коллегам Алексея, сгинувшим в яме.

- На кой черт посылать зонд, если через пару дней на корабле мы полетим следом? - спросил начальник стоматологии Росс.

- Челнок же маленький, - сказал Серов. - Ну, сколько у него там грузоподъемность? Тонна, полторы. Ему нужно меньше энергозатрат для прыжка, который при этом скачок получится длиннее, нежели у крейсера. Мне кажется, челноку понадобится где-то год, не больше.

- Откуда ты нахватался? - спросил Шеварднадзе.

- Интересуюсь на досуге. Почитываю популярную литературу.

- Ага, конечно, интересуется... Все и-за сухого закона в экспедиции. Один в петлю лезет, а Серов вот за космические перелеты взялся, - сказал Росс под общие ухмылки.

- Коллеги, чего вы как биндюжники? Человек интересуется, расширяет кругозор. С другой стороны, Росс, ты всерьез думаешь, что реаниматолог не съест спирту? - вступился Шеварднадзе.

Тем временем, командир подал команду «Смирно!», и экипаж на площадке вытянулся по стойке. Заиграл гимн Объединенных наций. К концу исполнения дождь кончился, ему на смену

поднялся сильный ветер. Он бессовестно трепал брезент на памятнике, угрожая раньше запланированного открыть торжественную церемонию. Полковник подозвал двух солдат, которые выслушав от него короткие наставления, побежали покорять хлещущую в воздухе материю.

- Добрый день! – начал командир. – Вам наверняка известно, зачем я сегодня собрал экипаж. Мы исполнили долг и успешно выполнили миссию на далекой планете! Человечество выиграло самую жестокую войну в истории! Перед гибелью вероломный враг нанес подлый удар: рассеял вирус, от которого наши женщины больше не способны иметь детей! Но пришельцы просчитались! Врагу не удалось сокрушить ни нас, ни нашу волю! Сегодня мы добавляем очередной кирпичик в спасение человечества! Пусть немного, но мы отсрочили гибель близких! Успех экспедиции тому доказательство!

Командир повернулся к кораблю.

- Пуск аппарата домой на Землю разрешаю!

Через считанные мгновения из недр корабля вылетел на высокой скорости аппарат, размером с железнодорожный вагон.

- Теперь, я призываю почтить память членов нашей миссии, геройски отдавших жизни при добыче образцов.

Солдаты, которые до этой поры изо всех сил держали брезент, принялись его сбрасывать. Порываемая ветром материя вырвалась и потащилась по земле. Тщетно солдаты пытались догнать. Металлическая стела являла собой дух нерушимости, как утес она стоически терпела бурю. На табличке были вырезаны имена двух героев – Анны Штерн и Людвиг Гранича, напарников Алексея, чьи тела навеки останутся во мраке этой далекой планеты. Из строя вышли трое – два солдата и Алексей. Его появление вызвало утомленные, но заслуженные овации. Командир спустился с тумбы и пожал ему руку, затем в сердцах обнял. Наблюдая трогательную сцену, доктор подумал - было бы забавно, узнай присутствующие, как полковник пару дней назад пытал этого героя хуже, чем нацисты.

Церемония закончилась комкано. Шквал и вновь хлынувший дождь быстро разогнали людей. В воцарившемся беспорядке доктору было нелегко отыскать Алексея. Вдруг, Шеварднадзе сунули в руки карточку.

- Я выполнил ваше требование, - сказал Алексей, возникший из-за плеча.

Шеварднадзе, взяв его под руку, бегом увел внутрь корабля. Когда они вошли в медицинские покои, сестра подала им полотенца. Обсушив волосы, доктор поскорее выпроводил ее и запер дверь.

- Я лез потому, что делал это всегда. Внизу гибель... - сказал Алексей, видя, как доктор извлек из кармана карточку и начал ее просматривать.

«Он взбирался. Он не помнит начала и не знает ничего кроме стены. В ней заключена сама жизнь, она немыслима иной.

Он знает: если оттолкнуться от стены, неминуемо последует смерть. Разумеется, он не проверял, это знание часть веры. Внизу ожидает страдание, там оказываются слабые, те, кто сдались и не вынесли бремени вечного восхождения. На дне творится непостижимое. Даже внешне обычные предметы там иного толка. Сущее дна стремится заполнить человека изнутри. Дары бездны укрепляют способных их принять.

Временами он оказывался в чудесных пещерах, где он и мироздание познавали друг друга. Между посещением каждой пещеры прошли года.

Он видел нескольких скитальцев на стене, их постигла участь падших. Движение за движением он стремился вверх, хотя, отчетливо не понимал зачем. Им движет долг восхождения и ужас последствий отказа.

Он жил во тьме. Тишина громогласна. От прикосновений к камню руки не различают мягкое и твердое. Голос внутри терзал, но молчание стало большей мукой. Шепот способен быть одновременно криком.

Мысли иллюзия, пещеры иллюзия, дно и свет над головой иллюзия, реальность иллюзия... Такие мысли приводят к падению. Падать нельзя. Движение за движением он полз по стене.»

- Поразительно, - сказал доктор по прочтении.

- Рутинка, Давид. Знаете, я в смятении.

- Расскажи, что тревожит.

- Я отчётливо подумал об этом сегодня, когда улетел челнок. Неизменно я боялся потерять контейнер, который висел за спиной. Он мешал, но я не мог его бросить. Он был важен, если бросить его, затем бросишься сам.

- Твоя непоколебимость спасет немало жизней дома.

- Дома... Это не все. Я в смятении: настолько я неусыпно следил за контейнером прежде, настолько он сейчас мне безразличен. Когда его отняли, я должен был пережить ужас, но вместо этого я почувствовал облегчение. Может быть испытание бескрайней пещеры – пережить утрату самого важного, что у меня было?

- Вот, у меня кое-что для тебя есть.

Доктор достал из кармана небольшой гаджет и положил на стол.

- Смотри, - он указал на кнопки прибора, - когда будешь готов, поставь эту пирамидку в середину комнаты и зажми вот эту панель. Тут воспоминания, возможно в них ты найдешь объяснение, зачем ты здесь.

- Не понимаю.

- Поймешь... не сразу, постепенно. Исполни новую просьбу с тем же усердием, с каким выполнил прошлое задание, - сказал Шеварднадзе.

Он довольно покрутил карточку с рассказом, положил ее во внутренний карман и покинул комнату. Алексей поднял со стола устройство визуализации и проделал описанные доктором манипуляции. На каждой из граней пирамидки находилось множество крохотных излучателей. Стоило включить устройство и направить в любую из сторон замкнутого помещения, то из устройства испускались пучки света и, отражаясь от поверхности, попадали в глаза. Эффект был таков, что взамен части помещения появлялась голограмма.

Шеварднадзе заранее подключил визуализатор к информационному ресурсу, посвященному истории войны с пришельцами, и тем ограничился, чтобы Алексей не отвлекался.

Сначала воспроизвелось интерактивное интро, посвященное основным событиям противостояния.

Зависшую над Землей международную космическую станцию внезапно разбил, словно бита елочную игрушку, огромный космический корабль-дредноут, как две капли похожий на тот, в котором находился сейчас Алексей. Вслед за первым появились тысячи кораблей. За кадром видеоряд сопровождал женский голос:

«Земля не ожидала внеземного врага, человечество застали врасплох...»

Далее панорама поверхности планеты. Корабли снижаются и выбрасывают десант человекоподобных машин – ксенодроидов. Пыль, огонь, паника.

«Пришельцы атаковали крупные промышленные города. Будучи заложниками экономической силы, сверхдержавы приняли основной удар вторжения. Пришельцы учинили геноцид в мегаполисах. Человечество разобщилось, лидеров охватило смятение. Ядерный обстрел космических кораблей причинил небольшой урон. Однако враг вскоре захватил атомные арсеналы. Китай, Европа, Россия, Америка, Ближний Восток, Индия, Япония, Сингапур пали. Народы бежали с родных территорий в поисках спасения.

Толпы беженцев хлынули в бедные страны, не подвергшиеся нападению. Местные коррумпированные правительства и террористы осложняли жизнь эмигрантам из некогда зажиточных стран. Вековые обиды нашли злорадное отмщение. Остатки боеспособных соединений терпели поражения и отступали.

Со временем мы выявили цель вторжения – ресурсы планеты»

На кадрах техника пришельцев разрушает города и промышленные районы. Переработав материалы, корабли вывозят ценные ресурсы в космос.

«У людей не иссякла воля сопротивляться. Военные и политические блоки оставили разногласия. Под эгидой Объединенных наций было образовано Содружество. Общими усилиями фронты стабилизировались. На свободных территориях возвели стратегические комплексы и заводы. Человечество начало сражаться увереннее и даже одерживать победы. Опыт столкновений позволил разгадать систему функционирования пришельцев.»

Панорама боя. Силы людей наступают танками при поддержке вертолетных звеньев. Укрывшаяся в рывинах и за разбитыми остовами, пехота отстреливается. Плотный огонь и осколки вмешивали ксенодроидов в покореженный металл и грязь. Справа, рассекая облака, спускается космический корабль агрессоров. Люди поджидали момент, и едва дредноут подошел достаточно близко, по нему ударили сотни сверхзвуковых ракет. Пылающая машина с величием, с каким могла обрушиться сама твердь небесная, с ревом зарылась наполовину в грунт. Уцелевшие пришельцы, не страшась опасности, стреляли, не утруждая себя укрытием. Когда из поверженного корабля со всполохами вырвались столбы раскаленной плазмы и огня, ксенодроиды тотчас упали замертво. Однако торжество было не долгим, пришельцы перешли в контрнаступление, которое смело позиции людей.»

Ночь. Ксенодроиды сканируют остывающее поле брани. Среди трупов и уничтоженной техники, они находят останки собратьев и увозят на базы обслуживания. Там синтетические тела ремонтируют, и после ксенодроиды воскресают. Утром ожившие враги идут по трупам солдат Земли, которые некогда их умертвили.

«Сущность пришельцев раскрылась. Главные корабли несли разумы войска, а тела ксенодроидов были лишь оболочками, которые заменялись при необходимости. Научные институты вади новое оружие для уничтожения кораблей пришельцев - гауссовы орудия. После масштабной атаки гауссовых ПВО космос плакал»

Поверженные корабли пришельцев низвергались с орбиты. С каждым уничтоженным кораблем десантные ксенодроиды выходили из строя. С воодушевлением армии людей перешли в глобальное наступление. Начало освобождения.

«С переходом в масштабный прорыв мы захватывали больше трофейных технологий и оружия. Мы постигли устройство поврежденных кораблей пришельцев, научились их ремонтировать. Настал час, когда оружие врага обернулось его бичом. На горизонте забрезжило полное уничтожение захватчиков.

До победы оставались дни. Мир прибывал в эйфории, однако, ей суждено сменится на главную боль человеческого рода. Крупнейший и главный из уцелевших дредноутов, нареченный «Презренным», в последний день войны выпустил мириады боеголовок с вирусом. Пандемия лишила землян будущего. Ни одна женщина впредь не могла зачать. День победы человечества стал первым днем последнего столетия.»

Обзор регионов, где цивилизация начинает восстановление. Люди возвращаются в районы, бывшие под оккупацией. На место домов они видят девственно чистые пейзажи. От городов, инфраструктуры и свалок отходов не осталось следа. Растут леса, цветут поля, словно людей никогда не бывало. Величественные Лондон, Париж и Москва остались лишь на фотографиях.

В лабораториях ученые исследуют артефакты пришельцев и архивы кораблей в поисках способа одолеть вирус. На орбите планеты достраивается новая околоземная станция с многочисленными орбитальными лифтами, тянущимися к суше.

«Человечеству не удалось синтезировать вакцину, однако, в базах дредноутов были обнаружены координаты тысяч планет вне Солнечной системы, на которых имелись объекты, организмы, субстанции, представляющие великую научную ценность. Пилоты научились управлять

варп-двигателями, и сотни исследовательских миссии устремились в бездну космоса искать неведомое. Мы верим, что однажды сыщется живительная вода, которая смоет скверну, и вселенная снова услышит крик новорожденного человека.»

После просмотра Алексею не хотелось говорить. Он отключил визионер, лег на кровать и уткнувшись в стену уснул.

Тем временем Шеварднадзе в полудреме лежал на кушетке. Пришло очередное письмо, и преодолевая сонное раздражение, он открыл электронную почту. Отправителем значилась медицинская лаборатория. Во вложении был прикреплен файл-изображение сна Алексея. Доктор вспомнил, что давал распоряжение подключить только прибывшего из ямы Алексея к считывателю снов, но совершенно позабыл забрать результаты. В открытом вложении пред глазами доктора возникли размытые очертания кроны дерева с толстыми похожими на корни ветвями, усеянные кислотно-зеленого оттенка листьями.

6

Орбитальная околоземная станция. Космические порты похожи на пятерни, простираемые от паутины обитаемых блоков. Монструозные ангары для космолетов так и остались уделом фантастики, ведь никаких ресурсов не хватило бы построить город на орбите. Впрочем, станция восхищала даже в скромной конфигурации, и стала самым грандиозным сооружением человечества. Дюжины тросов тянулись к поверхности планеты, по ним, не ведая покоя, мчались транспортные платформы. Благодаря возможности космонавтов спускаться на выходные к семье, на орбите постоянно работали две сотни специалистов, не считая попеременно прибывающих и улетающих команд космических миссий.

Шеварднадзе с удовольствием наслаждался бы приближением к родной планете, но подвело тело. Доктор вышел из стазисной капсулы всего шесть часов назад и его порядком мутило. Голова была тяжела, словно у пресыщенного полуденным сном, что не удивительно, учитывая два года проведенные в капсуле. По статистике, не многие космонавты страдали острой мигренью после стазиса, но доктору «посчастливилось» оказаться в их числе. Поэтому любование видами Земли заменила душная подушка с уткнутым в нее зеленым лицом.

- Давид, не желаете покинуть мой корабль? Не удивлен, что под началом такого великолепного командира, как я, вы готовы тотчас отправиться в самое пекло галактики. Но увы, команда сошла на станцию, и не будь я капитаном, если не покину корабль последним.

Доктор поднял голову и увидел полковника. Он стоял спиной к кровати и наблюдал в иллюминатор за ночными огнями Европы.

- Знаете, я был космонавтом на старой космической станции, - сказал командир. - За три месяца до вторжения я вернулся на Землю. Повезло, я хотел остаться еще на полгода. Эх, видели бы вы прежние гирлянды из света. Каждую ночь, затаив дыхание, я рассматривал большие сияющие пятна городов и цепочки, которые тянулись до скоплений мегаполисов. Было видно наглядно, где и как распространилась культура. Однако больше впечатляли темные пятна области Евразии, центра Африки... Казалось, там нет жизни и людей. Когда началась оккупация пришельцев, я часто видел пугающие сны, где один за другим гаснут огоньки, оставляя бесплодную мглу.

Под конец полковник говорил с не свойственной сентиментальностью. Он обернулся к кровати, его лоб и жилистая шея взмокли.

- Вы как?

- Подташнивает немного, - сказал доктор. - Я в порядке.

- Раз так, может пройдемся? Мне нужно появиться в штабе флота, и вы заодно проветритесь.

- Мне становится лучше, но все же не настолько, чтобы гулять. С вашего позволения, я поеду в отель. Признаюсь, даже в полном здравии я не стану разгуливать по станционным площадям.

- Верно, вы сторонитесь скопищ народа... Знайте, мое мнение: затворничество не поможет справиться болью. Хотя, я больше вам не начальник, и не намерен принуждать.

- Спасибо, товарищ полковник.

Немного придя в себя, доктор спустился с корабля и взял электромобиль, чтобы добраться до жилого сектора. Мимолетная радость возвращения сменилась меланхолией, настойчиво окутывавшей, как капля смолы насекомое. Он неспешно проезжал мимо выгружающегося экипажа, который встречали коллеги и друзья. Чужая радость казалась доктору противной, при том он понимал, что трактует поведение встречавших через призму внутренней подавленности, и оттого на душе становилось еще гаже. На мгновение Шеварднадзе пожалел, что вернулся. Эмоциональное падение пресек входящий вызов от местного госпиталя. Перед взором появилась моложавая медсестра и приветливым голосом потребовала явиться в больницу и оформить передаточные документы на Алексея, ведь Шеварднадзе до сих пор значился его лечащим врачом. Гнев раздражения от надобности куда-то тащиться развеял уныние, и доктор нашел силы добраться до госпиталя.

Уютный кабинет заведующего психоневрологическим отделением имел претензию на домашнюю атмосферу, но походил на захлавленную квартиру: цветастый ковер под ногами и обои из жухлой травы, на столе пачки бумаг, неведомо зачем и откуда взявшиеся в век цифрового документооборота, запачканные едой и залитые кофе. На фоне общего серо-стального стиля станции этот островок архаики почитался работниками станции за модный. Окончив формальности, Шеварднадзе не стал задерживаться у коллеги и распрощался так скоро, насколько позволяют приличия. В коридоре премного покоя он к своему неудовольствию встретился с Алексеем в сопровождении двух медбратьев. При виде доктора, впервые с возвращения из ямы на лице скалолаза появилась улыбка, и, пренебрегая протестами медбратьев, он принялся махать в приветствии. «Хочет, чтобы навестил», - подумал Шеварднадзе, и раскаленной болью эта мысль растеклась по под черепом. Сдерживая гримасу страдания, он выдавил улыбку и отвел взгляд, сделав вид, что принял звонок. Продолжая спектакль, он сбежал из больничного корпуса.

Испытывая неимоверное облегчение, доктор вошел в небольшой номер. Он распластался на мягком матрасе и с добрых три часа лежал в полудреме. Разум захватили прерывистые, как дымка, сновидения. Одно из них увлекло. Шеварднадзе стянул пиджак и устроился поудобнее, но сколько не силился уснуть, ничего не получалось. После терзаний он обследовал содержимое мини бара. Двойная порция водки сделала свое дело.

Наутро Шеварднадзе встал с кровати с такой легкостью и ясностью в голове, словно он вернулся в одиннадцатилетнее тело в родительский дом в Аджарии, а не дрейфовал на станции в сорока тысячах километрах над уровнем океана. Первым делом доктор зашел в почтовый офис, где автоматизированная система выдала посылку с Земли. На подлете к станции, едва выйдя из стазиса, он заказал в типографии картину, предчувствуя скорую неработоспособность. Сегодня он благодарил себя за предусмотрительность.

Алексей завтракал в палате, когда пришел доктор. Убранство нового пристанища было унылым от обилия металла и пластика в интерьере, углы и те были сглажены. Доктор понемногу начал понимать моду на бардак в кабинетах.

- Давид, как я рад тебе! Мне нужно кое-чем поделиться.

- Здравствуй. Счастлив, что ты идешь на поправку. Мы обязательно поговорим, только до-есть. Я не спешу.

Доктор присел на стул и дождался, пока его пациент закончит есть.

- А ваш план сработал! - сказал Алексей, отставляя миску. - Как вы велели, я посмотрел рассказ о нашествии инопланетян. Это буквально сносит голову! Пусть я непричастен к произошедшему на Земле, но во время просмотра я очень переживал, будто бы сам воевал.

Шеварднадзе знал, что переубедить Алексея пока преждевременно, однако, был налицо неосознанный эмоциональный отклик на вторжение пришельцев, который словно первая трещина послужит началом разрушения заблуждений.

- Говорят, что вселенная появилась в большом взрыве из бесконечно малой точки. Если так то, мы все части общего, и причастны ко всему что происходит вокруг. Ну или нечто в этом роде...

- Ничего не понял, Давид. Я о другом, после просмотра военной истории, мне открылось видение, похожее на волну понимания.

- О стене?

- Я вспомнил одну из пещер.

- Гаасцора! – довольно засмеялся Шеварднадзе. – Как знал, что нужно дать визионер именно перед уходом в стазис. Увиденное настроило сознание на определенный лад, и мозг начал работать на подсознательном уровне без усилий.

- Похоже на то. Я проснулся и почти сразу в голове появились образы, которые складывались в сюжет.

- Удивительно и просто... как все гениальное. Ну, рассказывай.

- Не совсем ясно помню момент, когда попал в пещеру. Обычно я отдыхал на выступлениях в стене. Не всегда получалось прилечь. Притулишься в чудаковатой позе, не расслабляя мышц и бдительности, чтобы не свалиться в пропасть, и чутка дремлешь. Но та пещера выглядела достаточно большой, чтобы я сумел в нее забраться. Не спрашивай, как я ее нашел, вероятно просто лез-лез и залез. Далее, о чем я поведу рассказ, случилось после пробуждения. Я встал и пошел на выход из пещеры, но не сумел его найти. Я бродил пока на наткнулся на небольшой лаз величиной до колена. Оттуда шло приятное зеленоватое свечение, оно манил, и мне захотелось посмотреть куда оно приведет. Помни, свет для меня был диковинкой, я жил в кромешной темноте. Пока я полз по тоннелю, все думал, вот застряну и не смогу выбраться, так и сгину попусту. Но мои терзания окупались в полной мере.

Полость, куда я проник, напоминала шар, свод возвышался не многим над макушкой. В середине на постаменте находился мимикрирующий пузырь, который сиял мягким светом. Казалось чудом, но шар состоял из тысяч бабочек, это они испускали свечение. Не только шар, бабочки покрывали каждый дюйм пещеры, включая пол. Были ли они именно бабочками? Вряд ли, но я не знаю, как назвать их иначе. Бабочки не превышали длиной половину мизинца, они имели множество крыльев, похожих на извивающиеся ленты гимнасток. Я коснулся одной из подлетевших ко мне, но она рассыпалась в переливающуюся пудру. Каждый мой шаг убивал бабочек на полу, но они не пугались и не желали взлетать иначе чем, когда им захочется. В окружении живой красоты я, как хашишин в райском саду, исполнился счастья, замер и наблюдал за бабочками. Они летали, садились на мои руки. Впервые оказавшись на свету, я взглянул на ладони, и они очищались от ран, мозолей и грязи.

Пребывая в таком безмятежном блаженстве, я ощутил присутствие затаившегося зла. Во мраке я заметил змея, несоразмерно толстого для своей длины. С разрушительностью торнадо он двинулся по стенам, оставляя крупные рытвины в покрывале бабочек. С ужасом я представлял, как этой твари хватит считанных минут, чтобы истребить полюбившихся мне созданий. Я вступил в битву со змеем. В ярости тварь двигалась еще проворнее и потому уничтожала еще больше бабочек, которым я, собственно, помогал. Я и сам стал виновником гибели многих из них, каждый мой шаг, каждый удар убивал хрупких созданий вблизи. В последний раз я бросился на змея и вложив в руки нечеловеческие усилия вспорол брюхо твари ножом.

Когда бой завершился, я выронил оружие и упал на колени. На прежнем залитом светом своде остались крохи уцелевших. Все же, без моей защиты бабочки могли исчезнуть вовсе.

Мои раны кровоточили, смерть не казалась далекой. Вскоре я лишился чувств. Когда я очнулся, то увидел бабочек на коже, неприкрытой одеждой. Поначалу я испугался, ведь их хоботки впивались в меня. Но потом я заметил, что они не сосут кровь, а напротив. Когда бабочка протыкала кожу иглой, она постепенно тускнела. Они передавали мне свет, а с ним дарили жизненную энергию. Я благоговением дождался, когда они разлетятся и ощупал себя. К великому удивлению, на мне не осталось ни единой раны. Под разодранной одеждой в крови была здоровая неповрежденная плоть. Внезапно бабочки куда-то полетели, я пошел следом и так вышел обратно на стену. Стайка же устремилась вниз во тьму. С подкрепленными силами мой дух упрочился, затворились раны в душе. Одухотворенный я продолжил восхождение.

- Ты считаешь, события в пещере произошли на самом деле?

- Я не доверяю творившемуся в пещерах. Хотелось бы верить, что рассказанное случилось взаправду, но у меня нет доказательств.

Доктор покивал в задумчивости и оттого заметил в ногах сверток, который он положил туда, когда пришел.

- О, кстати, смотри, что я принес.

Шеварднадзе снял оберточную бумагу и повесил картину на свободную стенку, что было проще легкого, они все были пусты. Изображение в половину человеческого роста в неказистой раме было создано текстурной печатью, неотличимой от полотна, написанного маслом. В мрачном рембрандтовском окружении одинокой фигурой в центре находилось тусклое приземистое дерево. Немногие мясистые ветви походили на корни, самим корням места не нашлось, точно холст специально был обрезан внизу. Несуразная крона была усыпана прекрасными зеленой свежести листьями. Они настолько контрастировали с мрачной композицией, как если в утренний час выстрелить дробью в оконные ставни. Образ, взятый напрямую из сна Алексея. Зелень на картине была поразительно схожа с описанием пещеры, да и в микроскопе он видел не что иное как бабочку. Выходило, что Алексей не выдумал историю. «Тогда от чего я лечу пациента, - думал Шеварднадзе. - Чья реальность в конце терапии окажется реальнее?»

Алексей смотрел на подарок, и ему нравилось, как Шеварднадзе завороченно любовался картиной.

7

Организм Алексея восстанавливался с необъяснимой скоростью, кожа приобрела эластичность и здоровый оттенок, а мышечная масса росла без тренировок. Однако, пациент страдал не плотью, а рассудком. Доктор добился позволения вывести его на прогулку, дабы не обрекать на изнурительное одиночество, когда возвращавшиеся воспоминания конфликтуют с искаженным восприятием реальности и способны увести разум в пущие заблуждения. Пусть площадки станции не равнялись даже самой захудалой аллее в липовом сквере, все же простор лучше утлой больничной палаты со спертым воздухом, где напрочь стопорилась любая мысль.

Повсюду на станции были проложены дорожки из пробки, чтобы при ходьбе не шлепать по металлу. Шеварднадзе решил идти к фудкورتу, подумав, что Алексей оценит кормежку, отличную от больничной. На открытой площадке располагались с три десятка столов, по числу мест рассчитанные на три пары. Шеварднадзе подвел Алексея к одному из автоматизированных машин раздачи, которые принадлежали ресторанам быстрого питания. На сенсорном экране горели клавиши с изображениями вариантов комплексных обедов. Каждая кнопка знакомила с кратким описанием. Доктор нажал понравившуюся, и спустя мгновение дверца выдачи опустилась. Внутри появился прямоугольный разнос, он же служил пищевыми емкостями, где находились салат, бургер, картошка, азиатские соусы, незамысловатый десерт и алюминиевая банка с газировкой. Продемонстрировав нехитрый алгоритм получения еды, доктор предложил Алексею выбрать из меню. Замешкавшись, он остановился на том же, что заказал доктор. Время

обеда не успело кончиться, поэтому Шеварднадзе пришлось подсаживаться. Выбор пал на компанию девушек, напротив которых оба и расположились.

- Послушай Давид, у тебя есть семья? – приглушенно сказал Алексей, переглядываясь с со-трапезницами.

- Жена. Мы разошлись, - понуро ответил Шеварднадзе, но потом с интересом: - Пстой, в мире стены ты имел понятие «семья»?

- Не задумывался над этим. В яме я был одинок. Некогда меня окружали люди, в далеком прошлом, но их лица я давно забыл. Уверен, они точно не были моей семьей.

- Тогда...

- Откуда я взялся? Вопросы, вопросы... Все свободное время я сижу на вики-сайтах. Я узнаю больше о Земле, из-за этого появились новые воспоминания, не только о пещере.

- Значит, ты понял, что твое ощущение реальности через стену это болезненная иллюзия? Что ж, с возвращением!

- Да, во мне произошел некий перелом, но повремени с поздравлениями. Я признал ваш мир настоящим и даже основоположным, но меж тем, мир стены, на котором я провел жизнь, не стал от этого ложным.

- Ты пытаешься соединить две конфликтующие реальности.

- Наоборот, они выталкивают друг друга, не способные существовать вместе.

По соседству сидела кучка офицеров с землистыми лицами, по выражениям которых казалось, что они не ели, а занимались постыло-привычным подсчетом потерь.

- Это ты! Обернись, паскуда! – рокотом разнеслось от офицерского стола.

Шеварднадзе единственный в зале посчитал, что нет нужды глазеть на без сомнения перебравших офицеров.

- Ты! – раздалось повторно.

На плечо доктора упала тяжелая ладонь. Он бросил взгляд на руку дернул плечом, однако хватка находила сходство с бульдожьей. Случилось то, чего опасался Шеварднадзе: прошлое настигло.

Он вскочил со стула и умело вывернулся, затем ударом в грудь оттолкнул офицера. Того только распалило. Военный кинулся на доктора и крепко вложил по ребрам, при этом получив в ответ удачный хук в челюсть. Обменявшись любезностями, соперники кинематографично отшатнулись в стороны. Сослуживцы удержали разъяренного офицера от продолжения, а доктор, в свою очередь, не рисковал мстить.

- Ты - убийца! – кричал свирепый офицер. – Я узнал твою рожу! Моя семья была в городе, - он обмяк и залился слезами. – Мария и Соня, мои жена и дочь. Слушай имена! Их кровь на тебе! – восклицал он в истерике.

Шеварднадзе под локоть приподнял Алексея из-за стола, который с интересом наблюдал за развернувшейся драмой, точно за импровизацией актеров. Один из товарищей буяна мотнул головой с гримасой, значащей: «Проваливай отсюда!». Шеварднадзе поправил пиджак и быстрым шагом отправился вон. Однако, по громкой связи прозвучало с эхом: «Давид Шеварднадзе, уберите поднос в приемку посуды!» Словно обданный ушатом помоев, доктор воротился и, под стук собственных подметок, унес подносы в автомат приемки. Никто ни ел, ни говорил, все взоры были прикованы к нему. Испив чашу унижения, Шеварднадзе полубегом на ходу подхватил Алексея под руку и вывел из фудкорта.

- Что это было? – спросил Алексей, когда они вошли в номер отеля.

Шеварднадзе опустил на софу. Тяжесть креста подлинно значимых деяний. Ни тривиальная боль и разочарование, но груз от осознания бесповоротного изменения судеб многих людей. Тяжеловесная броня, надетая на душу.

- Каким бы я стал счастливецом, если все на Земле задавались вопросом: «Что это было?» Ты, Алексей, из тех немногих, кто не слышал обо мне. В истории войны ты не добрался до «Ростовского инцидента»?

- Нет, но подожди минуту, я посмотрю.

Алексей полез в карман за устройством виртуализации.

- Не надо, я расскажу сам. Тем более, кто это сделает лучше, чем главное действующее лицо.

Алексей прильнул к столу, упершись подбородком в ладони. Поза являла нечто юное, и Шеварднадзе вспомнил, что пациенту нет и тридцати.

- Был апрель. Шла третья неделя вторжения. наших сминали, с неумолимым упорством враг занимал города и военные базы. К тому времени Европа до Урала оказались под оккупацией. На юге стабилизировать фронт удалось лишь в сотне километров от Ростова-на-Дону. Туда стянулись массы российских войск, да и сам по себе южный округ со штабом в Ростове был самым грозным в довоенной России. Отступить дальше, по сути, некуда. Страны средней Азии успели занять внушительные силы НАТО. Принимать бывших соперников европейцы не торопились. Такова человеческая натура, лодка тонет, но каждый будет думать только о себе.

Я врач и всегда считал себя морально выше вояк. Но порой даже самая смертоносная бомба способна нанести меньше вреда, чем единственное распоряжение.

До вторжения я добился определенного статуса с высокой должностью в ведущей больнице страны. При обороне подступов к городу, меня назначили заведовать санитарным ведомством того, что осталось от России. По моей части была катастрофа. Системы жизнеобеспечения, канализация, подвоз медикаментов, продовольствия... этого просто не стало. Мало того, в Ростов набилось сумасшедшее количество беженцев, миллионы ото всей России. Говорят, беда не приходит одна, и коли есть угроза плохого исхода, в кризисный момент такой исход обязательно наступит. Неблагоприятные факторы, сложившихся в Ростове, сформировали среду для возникновения беды. Ею стала чума. При обычных обстоятельствах болезнь очень неприятна, но не фатальна. Требуется локализовать источники эпидемии и затем направить больных в карантин под интенсивную терапию. При имевшихся обстоятельствах врачи не обладали ни временем, ни средствами борьбы, а в переполненном городе инфекция стремительно распространялась. Это как действовать без рук и инструментов одновременно. Однако я обязан был что-то предпринять. Здраво оценив возможности, я закрыл город, превратив его целиком в карантинную зону. Единственный выход, чтобы не позволить чуме распространиться вовне.

Наивно полагать, что несчастье имеет пределы. Как я говорил, генералы полагали, что линия фронта устоялась, и ценой громадных потерь мы таки сможем удержать Ростов. Оказалось, пришельцы сильно разобшились по оккупированной территории, но к середине апреля они стянули корпуса для атаки наших позиций. Удар смел наши порядки подобно ветру, что гонит листья. Если бы я открыл путь отхода из Ростова, не все, но часть людей сумела бы спастись. Но я испугался заразы. Я бросил город и отступил с военными на Кавказ. Самостоятельно жители не могли далеко убежать, поэтому остались на милость врагу. Так я обрек целый город на убой.

- Не знаю, что сказать.

- Нечего говорить. В учебниках истории не объясняют, что делать в ситуации, когда остается выбор только среди решений, разного сорта чудовищности. В Ростове собрались беженцы со всей России, поэтому многие пережившие войну потеряли близких в «Ростовской трагедии». Таких, как тот офицер немало внизу. Теперь ты понимаешь, почему я не тороплюсь на Землю.

Алексей встрепенулся и охваченный импульсом озарения едва ли не подскочил со стула.

- Я вспомнил тоже, нет другое... Слушай, - слово наскакивало на предыдущее в речи Алексея. - Я попал в пещеру абсолютного мрака и долго плутал по ее камерам. Благодаря зрению, привыкшему к темноте, я мог различать очертания вокруг.

Спустя время я разглядел будто бы в определенном месте сам воздух плотнее, и этот сгусток движется подобно волку, который кружит рядом с добычей. Куда бы я ни подался, то чувял стороннее присутствие. В случайном луче света я разглядел существо. Оно имело человеческие очертания, походило на тень в черном балахоне, и бесформенное точно соткано из дыма. С испугу я бросил камень в чудовище, как сразу его окрестил. Разнесся звук удара о стену. Мной завладел ужас, он проникал в самые кончики волос. Отчего-то в голове моей выплыл строгий наказ не бежать от гневного зверя. Пятясь назад, я мозжечком вспоминал путь, которым пришел. Кожей я чувствовал близость угрозы. Нервы, разорвавшись, хлестали, отпуская тормоза, и я ринулся прочь, то и дело врезаясь в преграды. Чем резвее я бежал, тем сильнее я чувствовал дыхание тени. Страх мой не передать, если я замирал и вслушивался, то он раздавался топот, если казалось, что меня схватят, то чувствовал прикосновения. Я бежал быстро как мог.

Кубарем, как споткнувшийся мерин, я полетел через голову. Поднявшись на колени, я склонил голову в неизбежности. Тень как базальтовый столп возросла надо мной. В ту секунду я проникся осознанием последней минуты. Вместо событий моей неприглядной жизни пришло видение словно из параллельной вселенной. На арене скопился орущий народ. Жара. В центре внизу на песке сбились в кучу жалкие полунагие люди. Кругом голодные свирепые звери, в предвкушении кровавой бойни. Часть обреченных, предвидя исход, взывала к богам, остальные бились в страхе. Но взор мой остановился на двух юношах, которые улыбались друг другу. Их глаза были наполнены лаской, движения спокойны, словно оба сидели в теплом приборе. Юноши с негой вкушали каждую толику жизни. В самый последний час, они сплелись в объятии и познали вечность.

Образ воодушевил меня и, как халат, я спустил с себя ужас и в порыве обхватил руками остов тени. Она оказалась во плоти, и от нее исходило живое тепло. Я больше не готовился к расправе, и она не последовала. Тень снизошла и обволокла. Доброту вот что я чувствовал. Палач остается таковым лишь в сознании приговоренного.

Мы обретали нежность до границ очарования. Тень вывела меня из пещеры. Я обернулся напоследок, но она исчезла. Мрак пещеры грел, как меховая мантия в холодную ночь. Я подошел к краю выступа, под которым зияла бездна. Я вернулся к стене, ухватился за камень, подтянулся и продолжил путь вверх.

- Чудесная история, - заулыбался доктор. – Пусть и мало относится ко мне. Я рад, что благодаря неприятному казусу, ты вспомнил о новой пещере.

- Нет, этот случай относится к тебе, не к ситуации с дракой... не знаю, как объяснить.

- Что ж, отчасти она применима.

- Давид, помнишь, до того, как нас прервали офицер, мы говорили о семье? Она должна у меня быть, ты обязан узнать.

8

Прошло несколько дней. Алексей возвращался из спортивного зала, тренировки в котором восполнили дыру, вызванную отлучкой доктора на Землю. Не имея планов, Алексей собрался вздремнуть, но помешал сигнал входящего вызова. Можно было отключить звук и уснуть, но обладало любопытство, кто мог прислать сообщение при отсутствии знакомых на станции. Алексей перекатился на бок и, не поднимаясь, потянулся к тумбочке за устройством. Перед отъездом Шеварднадзе подарил хорошие очки виртуальной реальности, которые были практичнее пирамидки-визора.

Послание пришло от Шеварднадзе. Доктор сообщал, что по бюрократическим делам вынужден задержаться на планете несколько дольше, чем ожидал. Он требовал у властей прислать Алексея на Землю, однако, получил официальный отказ. Собственно, последнее и явилось поводом для записи сообщения.

Причиной запрета послужили результаты лабораторных исследования тканей, забранных у Алексея. В крови обнаружили тельца внеземного происхождения. При глубоком изучении клеток выяснилось кое-что еще. Цепи ДНК у обычного человека имеют определенный запас сверх длины, содержащей генетическую информацию. С годами деление клеток потихоньку расходует резерв. Когда он полностью утрачивается, запускается разрушение самих цепочек, отчего при делении клеток появляются новые с неполным генокодом. Люди называют это старением. ДНК же Алексея имеет несопоставимо длинный для людей предохранительный запас. За неимением иного разумного объяснения, ученые грешат на внеземное воздействие. Власти не проигнорировали столь радикальную мутацию человеческой особи, ведь в соответствии с научными выкладкам, Алексей проживет неестественно долгую жизнь. Есть и негатив. На планете приступили изучать образцы, привезенные с далекой планеты. У ученых есть опасения насчет последствий радикального воздействия организмов на человечество и экосистему. Так что правительство не пустит Алексея на планету. Запрет может продлиться полгода, максимум год.

«Последняя новость... - говорил доктор уже в видеозаписи, открытой Алексеем. - Как ты просил, я узнал про твою семью. Мне горько говорить, но твоей жены больше нет с нами. Смерть забрала ее, как миллионы других хороших людей во время нашествия. Однако, у тебя осталась дочурка - Наташа. Ей сейчас семь, и она находится в учебном центре в Крыму. Очень милая девочка. К письму я приложил данные на нее. В общем, на этом у меня все. На Земле я пробуду от силы до следующего четверга, потом вернусь. К тому времени ты изучишь профайл и, надеюсь, вспомнишь что-нибудь еще. До встречи!»

Шеварднадзе исчез, и посреди комнаты появилась голограмма девочки. Несуразно высокая при худобе, платье цвета глубокого ультрамарина, каштановая челка лежала на тонких надбровьях, волосики заплетены в мелкие косички, перевязанные лентами. Лицо девочки было незнакомо Алексею, как и щекочущее чувство под ребрами.

Алексею послышался дождь, перебирающий по металлической крыше, он прикрыл глаза и очутился в троллейбусе. Обычный путь на работу. Поездка и путь назначения откликнулись внутри безразличием. Голая дисциплина. Случайный взгляд остановился на юной девушке. Студентка-первогодка, едва окончила школу. Лицо не утратило детский флер. На ее тонких плечах висел мешковатый рюкзак. Чуть влажные волосы спутались. Припухлые глаза норовили сомкнуться от недостатка сна прошлой ночью. Смотря на студентку, Алексей открылся рефлексии. Он вспомнил прошедшее только вчера юношество, окончание техникума, а после трудоустройство на ровное место, офис, кабинет, проходной флирт с секретаршей начальника, бумажки, поздравления открытками в мессенджерах... «Когда я стал таким... стабильным, как степлер?» Тревога оттого, что жизнь пройдет никчемно прикрывалась призрачной надеждой на «Вдруг!». Сердцу больше не из-за чего рваться изнутри. «Вот бы разорвало чертов троллейбус!»

Шлепок по столу, Алексей вновь очутился в палате. Затрясло в волнении. Злость? Нет, досада. Веки опускаются.

Среди рева сирен, скрежета металла и хруста бетона бойня раскрутила свои жернова. Соцсети заполнили ролики, на которых огромные корабли со страниц научной фантастики плыли над столицами мира, с небес падал десант ксенодроидов, сотканных из полированных металлических тросиков, сквозь щели прорывалось синее сияние. Они пришли убивать. Алексей всматривался в горизонт и понимал, что на город движутся не тучи. Война пришла в рутинное утро.

Сперва в детский сад за дочерью, потом за женой в ателье.

Полицейские укрыли малышей с храброй воспитательницей в подвале детского сада. Слишком много испуганных глазок молили Алексея, чтобы сделать все как раньше. Он поднял расстеленного матраса годовалую дочь и выбежал оттуда.

Было некому рассказать, что случилось с женой. Находилась ли она в здании, когда агрессоры бомбили квартал? Оглушенный ужасом Алексей с ребенком на руках мытарился у горящих руин, не зная, что делать дальше.

Алексей встал с больничной кровати не в силах усидеть. В мозг словно подвели высоковольтный кабель, мысли рождались и метались, молниеносно наталкивались и сменяли друг друга. Вулкан памяти рванул, события прежней жизни появлялись со скоростью промышленного конвейера. Алексей вспомнил войну, как записался в горный отряд стрелков потому, что владел разрядом по спортивному скалолазанию. Вспомнил, как отдал дочку на воспитание, не зная куда и какому правительству. Вспомнил, как пришельцы перед гибелью нанесли подлый удар, уныние тех дней снова впечаталось в сознание. После войны он лишь единожды видел дочь. Когда понадобился ветеран-скалолаз в экспедицию на далекую планету, то новое правительство не спросило желаний. В конце концов все делалось ради спасения человечества. Жизни людей быстротечны в масштабах космоса, нельзя было медлить.

Головокружение, помутнение, затем открылось видение.

Он попал в третью пещеру, которая расширилась в небольшой мирок. Описать окружение способны четыре слова: грязь, пиломатериалы, ручьи, валуны. Стабильно пасмурная погода, капал дождь, но не лил, ветры дули, но не сносили, вялый свет днем. Первым делом Алексей построил небольшую хижину, которая спустя время превратилась в дом, благо материалы валялись буквально под ногами.

Невдалеке жила семья. Нерадивый исхудалый мужичонка день ото дня латал свою утлую хибарку. Говорят, усердие компенсирует умение. Не тот случай.

Временами из ниоткуда низвергались грязевые сели. После первого, Алексей укрепил фундамент и устроил защитные заграждения. На другой раз стихия не навредила дому. Хата мужичка за речушкой от каждого селя едва удерживалась. Иногда Алексею казалось, что чем лучше обустроивался он, тем хуже становилось семье на другом берегу.

Бытность обрела размеренность. День Алексей строил, ремонтировал, приращивал хозяйство, а вечером смотрел появившийся сам по себе телевизор. Время текло, но не ясно как долго он провел в пещере. может год, а может десять. Успокаивала цикличная размеренность: сон, работа, вечернее шоу на ТВ.

Однажды Алексей настолько устал, что не добрался до экрана, а присел у окна, облокотившись на подоконник. Он наблюдал за семьей мужичка и его житейскими трудностями. Он смотрел и переставал понимать зачем живет, если устранишься за рубеж дисциплины и выживания.

Наутро Алексей переправился через ручей и, не спрашивая дозволения, начал помогать мужичку. С тех пор половину дня он уделял хозяйству соседей и облагораживанию местности, мостил дорогу, сажил деревья, а остаток времени трудился для себя. По вечерам телевизор уступил созерцанию мирка, обустраиваемого им. Мало-помалу из ландшафта времен Первой мировой округа преобразилась в ухоженный, местами цветущий пейзаж.

Как-то раз, Алексей очередной раз шел от соседа по собственноручно выстроенному мосту и запнулся. Он глянул под ноги и увидел контейнер. Рядом лежало альпинистское снаряжение. Алексей удивился, отчего он так долго не замечал этих вещей. Оглянувшись, он увидел мужичка, который пусть и приосанился, но сохранял растерянно-неряшливый облик. Мужичок поймал взгляд и, округлив глаза, замер, но поняв, что за взглядом ничего не последует, дернул плечами и поплелся в хату. Алексею вспомнилась стена, ожидавшая восхождения. В возведенном им мирке было славно, но где-то в глубине души Алексей знал, что такое же наивное и беззащитное существо, как мужичок за речкой, нуждается в нем и в том, что находится внутри контейнера.

Алексей очнулся на полу палаты. Он сел и утер слюну, растекшуюся по щеке. Рядом лежали очки виртуальной реальности. Надев их, он вновь увидел дочку. Ее глаза точь-в-точь глаза мужичка из пещеры. В ее взгляде не было просьбы, лишь не нуждающаяся в подтверждении уверенность, что отец сделает все, чтобы она стала счастливой. Может, это и есть любовь.

К обещанному сроку Шеварднадзе не вернулся на космическую станцию. На Земле не одобрили излишнюю привязанность доктора к пациенту, сочтя ее превратно. Вдобавок следственные органы вместе с космическим агентством инициировали расследование миссии. Поначалу оно ограничивалось исключительно причинами гибели двух скалолазов. Однако со временем следователи заинтересовались терапией, проводимой над Алексеем. Шеварднадзе пришлось давать показания перед десятками комиссий и следователей, повторяя, в сущности, одно и то же, между делом пытаясь уяснить свой статус в деле и возможную судьбу. Бюрократическая машина водила доктора по бесчисленным кругам, задавая только вопросы, но не утруждая себя объяснениями. Как не пытались, Алексея не сумели привлечь к расследованию, его выручил официальный карантин с запретом посещения Земли.

Вслед за озарением о последней пещере, к Алексею вернулась память прошлых лет. Несколько недель спустя на станцию прибыла потерпевшая катастрофу миссия с тяжело ранеными на борту. Требовалось срочно освободить палаты в больнице, и новый лечащий врач Алексей, не видя причин держать вполне адекватного человека на стационаре, выписал его с условием постоянного наблюдения. Так на долгие месяцы Алексей оказался предоставлен сам себе. Стация хоть и была инженерным шедевром, но все-таки быстро опостылела. Досуг Алексей коротал в общении со космонавтами, которые прилетали на побывку. Как-то, разговорившись с командиром корабля, готовящегося к отлету, он высказал нестерпимое желание убраться со станции, где он чувствовал себя бесполезным. Совпало, что командиру понадобился скалолаз его квалификации, имевший опыт полетов в далекий космос. Так Алексей, не спросив разрешения космического агентства, почти нелегально покинул околоземную орбиту.

Шеварднадзе вернулся на орбитальную станцию только через полгода. С доктора не сняли воинской повинности, поэтому космическое агентство послало его в экспедицию на спутник газовой планеты, оборачивавшейся вокруг красного гиганта в десятках световых годах от Земли. Там его нашла смерть. Катер, на котором плыл Шеварднадзе, по невыясненным причинам затонул в метановом море. Ни судна, ни тел отыскать не удалось.

Среди файлов, в хранилище доктора на сервере корабля, было найдено письмо. Его прислал Алексей незадолго до отлета в новую исследовательскую миссию.

«Давид,

Война вернулась в мою душу. Ужас, что мы пережили перечеркнул прежнюю жизнь. Небывалая сила впечатлений велика, и дыру от вырванного клона из сердец, увы, не затянуть никогда. Годы до войны теперь иллюзорны, точно мой опыт в яме.

Знаешь, у меня родился образ: пришельцы разбили в куски улей, в котором мы жили, и нам не осталось выбора, кроме как разлететься по свету. Как раненные, оставляя кровавый шлейф, мы ползем, потому что пока движешься, ты живой. Хотя... не буду о том, что и так известно любому.

Вначале я обрадовался командировке на далекую планету. Ничего подобного я прежде видел, и это здорово отвлекло от горестных переживаний. Все происходило чуть ли не на бегу, никакой подготовки. За пару дней разведали местность, нашли координаты ямы из баз данных пришельцев, затем на следующее утро нам выдали снаряжение и «С богом, ребята!». Удивительно, но никто не возражал против действий вслепую. Авантюра вернула ощущение причастности к великому делу. А смерть? После миллиардов убитых наше поколение примерилось со собственной смертью.

Буквально через сутки в яме под действием аномалий отказала электроника, но мы не думали повернуть обратно. Большой риск добавлял остроты, как новый вызов. Так мы оказались в полной темноте без фонарей и ночных визиров, а свет над нами был настолько тусклым, что лунные ночи могут показаться ослепительными. В подобных условиях невозможно ориентироваться, тело начинает работать исключительно на инстинктах. Вскоре время перестало для нас

существовать. Постоянный риск становится рутинной, мозг приспосабливается к нагрузкам и начинает действовать самостоятельно, но высвобожденный разум принимается зарываться в переживания, которые были упрятаны в самый дальний угол души. Чем больше я гнал мысли, тем глубже меня затягивало в ад моей войны. Говорю «моя» потому, что жизнь «моя» и смерть тоже, если бы она наступила. Умри я, исчезло бы все - война, пришельцы... Мой отец был физиком-теоретиком, очень умным человеком. Как-то он рассказывал про тонкие материи Вселенной. Я был непоседлив и плохо вникал, помню лишь одну фразу: «Наблюдая за системой, наблюдатель взаимодействует с ней. Реальность зависит от воспринимающего сознания».

Признаюсь, мое самолюбие разбивается при мыслях о пещерах. Как легко они изменили мой разум... Все ли настолько однозначно? Я вспоминаю, как вы, доктор, рассказывали о необъяснимой природе организмов, которых я добыл. Что они изменяют свою конструкцию, учитывая насущные потребности. Они не двигаются, а скачут в пространстве, телепортируясь из одной точки в другую. Как стало известно, они изменили мою ДНК, наделив долголетием. Бог весть какие еще открытия о сущности этих созданий откроются в будущем. Вернемся к пещерам, они стали очень личными для меня. Будто бы сознание перестало быть запертым внутри тела, а соединилось с материей в пещерах. Интересно узнать, способны ли они взаимодействовать с человеком на таком уровне, в этом случае моя теория сложилась бы удачно. Так или иначе, в яме я освободился от войны. Если цена тому помутнение рассудка, то это не так уж много. При всеобъемлемости изменений памяти нечто не подверглось забвению. Мной неосознанно двигала любовь к дочери. Я не преувеличу, если скажу, что любовь спасла мне жизнь. Я вспомнил, как Анна Штерн полезла вниз, когда мы уже возвращались на поверхность. Думаю, ее разум изменился не меньше моего, и перестав понимать смысл восхождения, она сдалась и полезла на дно навстречу освобождению души, и вместе с тем к гибели.

Теперь о главном. Я улетаю в составе новой миссии. Я обрел долголетие, но я отказываюсь стать последним человеком. Не буду говорить, что улетаю ради спасения человечества. Я улетаю, чтобы не смотреть в глаза дочери. Да и какой из меня к черту отец? Я уже никогда не смогу стать прежним. Сопьюсь или попытаюсь свести счеты с жизнью, как большинство ветеранов? Никогда не задумывался, отчего наших детей спрятали от нас? Пустое... Сам знаешь, на планету мне путь заказан. Эх, надо было записаться на «Возмездие».

Что ж, прощай, Давид. Спасибо за веру.

Я обрел прежнего себя, но стал ли от это счастливее?

P.S.

Я узнал изображение на картине, которую ты подарил. Приземистый толстый ствол с кроной из кислотных листьев. Покопался без спроса в моем разуме? Не мог же ты изготовить картину по образу, который видел лишь я один во вселенной. Не думай, я не осуждаю, ты делал, что считал необходимым для моего излечения. И следует отдать тебе должное, терапия сработала.

На картине изображено дно ямы. Это «дерево» находится в центре площадки, на своеобразном острове, окруженном жижей. На самом деле, это никакое не дерево, а бабочки, слившиеся в цельную фигуру. Тем не менее, дерево не самое интересное на дне ямы. Площадка вокруг усыпана останками разных инопланетных рас. Их там десятки и все разные, их морфология и снаряжение отличаются между собой. Теперь к ним присоединились два человеческих тела.

К письму прилагаю эскизы дна, которые я смог нарисовать по памяти».

Часть II. В последнюю юность

Ночные грезы растревожили девичье сердце, и Наташа проснулась. Она поднялась, стараясь не ушибиться о деревянный короб верхней кровати. Теперь шишки на голове появлялись с завидной регулярностью, непрестанно напоминая о взрослении. Шаркающие тапки будто сами понесли по центральному проходу между рядами кроватей общей спальней комнаты Класса Б-16 (буква «Б» обозначала порядковый номер среди школьных групп, а цифра «16» – возрастную категорию). Тянулись жаркие июльские недели, воздух в комнате стоял тугой и влажный, в причудливых позах на постелях ребята томились в поту. Многие откинули одеяла, особенно бросалось, что мальчиков переложили на верхние ярусы. Детей с младенчества воспитали не стесняться своих тел. Девочек и мальчишек приучили вместе делить быт и контролировать неуместные подростковые порывы. Однако настал тот возраст, когда любвеобильность все чаще не починалась рассудку. Шестнадцать лет... то время, когда у девочек появляется фигура с ее изгибами, и во взгляде проступает осознание сексуальности, а мальчики, а что мальчики... становятся большими обалдуюми да драчунами. Наташа сонно улыбнулась мысли. В коридоре на посту задела дежурная и с опущенными веками двигала головой исключительно на звук.

- Куда? – не открывая глаз, окликнула дежурная, когда Наташа проходила мимо.

- В туалет, - на ходу ответила Наташа.

В уборной никого. Сквозь открытые настежь окна чувствовался запах леса. Беспорядочная трескотня кувшичек сливалась с хлопанием капель из поломанного смесителя.

Наташа умывала руки, когда услышала необычный для середины ночи шум со двора. Осторожно, чтобы не быть увиденной, она буквально глазком выглянула в створ окна, ведь хорошо освещенное помещение отлично просматривалось из темноты. Вынужденно-приглушенные крики предвещали мужскую фигуру, вскоре появившуюся из-за угла жилого блока. Вслед за ним выбежали еще несколько людей с фонарями. Они преследовали первого. Убегавший был ниже ростом и походил на молодого юношу, догонявшие напротив были крупнее и, очевидно, старше. Голосили последние, нарочито грубыми тембрами. «Служба безопасности», - подумала Наташа, сложив паззл в голове: «А мальчик, наверное, ученик, которому наскучила школа и он отважился на приключение».

У забора беглец остановился, охранники обступили мальчишку полукругом и направили на него лучи фонарей. Четверо крепких бугаев против подростка. «Сегодня не твой день», - подумала Наташа. Один из служащих начал подступать ближе, но едва протянул руку, дабы схватить нарушителя, как мальчик в прыжке обернулся и нанес мужчине, по меньшей мере на две головы выше себя, с разворота удар ногой в челюсть. К великому изумлению Наташи, охранник упал и не поднимался. Трое других накинулись на мальчика, но он не думал сдаваться. В отличие от фильмов, потасовка оказалась скоротечной, двое мужчин выбыли из схватки, но последний, видимо, самый подготовленный, сумел скрутить распаленного парнишку. Наташа с досады шлепнула ладонью по кафельной стенке, и вздрогнула, испугавшись, что могла привлечь внимание.

Спустя миг она вернулась к наблюдению, но в этот момент мальчик, невообразимо изогнувшись в крепкой хватке, уже держал штырь, воткнутый в горло охранника. Наташа в оцепенении забыла про осторожность и вышла на обозрение. Мужчина повалился на землю и, издавая хрипы, скреб горло ногтями. Из раны били струйки крови. Вдруг, мальчик увидел кого-то за углом дома и встал на изготовку. Новые были без фонарей. Мальчик рванулся от них, но разряды шоковых пистолетов поразили раньше. Юное пластичное тело извивалось в страдании. Наташа увидела глядящие на нее глаза, выпученные из орбит от боли. В испуге она попятилась от окна, но было поздно - один охранник тоже взглянул на окно и указал на нее пальцем. От группы внизу отделились двое и побежали в подъезд.

Наташа выскочила из уборной и увидев дежурную, поняла, что слишком взволнована. Изображая спокойствие, она еще нелепо себя выдавала. Все же дежурная не заподозрила подвоха или только сделала вид, и Наташа благополучно на цыпочках прошмыгнула мимо и юркнула в кровать.

Минуты томительно плелись, Наташу колотило в истерике, которую пришлось душить одеялом. Раздался стук, затем лязг засова. Что случилось дальше она слушала в предобморочном состоянии.

- Мне до лампочки что у вас за дело, дети должны спать! – резал грубеющий голос дежурной в ответ на мужской шепот.

- (бормотание)

- Повторяю, я не стану поднимать сорок детей ради допроса среди ночи! Если ученики не выспятся, то план занятий будет подорван, и я не собираюсь брать за это ответственность!

Недовольные вкрадчивые голоса убеждали дежурную, однако, ночью никто не имел власти над ней кроме директора.

- Уходите!

- (бормотание)

- Значит, будете разбираться утром! На этом все!

К счастью для Наташи, топот ботинок по лестнице вскоре утих. Дежурная заперла дверь и в спальную комнату вернулся покой, который не коснулся только одной.

2

- Не отставать! – подбадривал физрук.

Дети совершали утреннюю пробежку по лесу. Позади колонны учитель физической культуры подгонял отстающих. Сегодня в их числе оказалась Наташа. Если бы не крепкое здоровье, возвращенное школой с младенчества, она бы вконец расклеилась.

- Наташа, подтянись! Чего расслабилась? Дай себе поблажку раз и не заметишь, как заплывешь! Вперед! – протянул физрук.

Пытаясь отрешиться от пугающих мыслей, она включила музыку, которая воспроизвелась через вживленные слуховые устройства. Звуки песен настроили ритм тела и движение ног. Наташа подняла голову и посмотрела на кроны деревьев и нежное голубое небо. Утреннее солнце чуть слепило и подобно теплomu дыханию бережно грело кожу. Наташины губы растянулись в улыбку, и длинный пышный хвост, в который были завязаны ее каштановые волосы, словно метелка игриво закачался.

Мелодию нарушил сигнал уведомления о принятом сообщении. Наташа силой мысли открыла письмо, при помощи устройств внутри глаз появился текст в дополненной реальности:

«Наталья Медведева, после завтрака Вам надлежит явиться для беседы к директору в кабинет № 57 в Корпус дирекции. Учитель биологии извещен о том, что Вы пропустите семинар по уважительной причине.

Секретарь, Лора Тревидж,
512400, Школа Forest Nest»

Когда Наташа добралась до последней буквы, то ее сердце сжалось подобно звезде в белый карлик. Мышцы онемели, и на бегу она полетела на землю. Мир завертелся, и Наташа опомнилась, обнаружив себя уже поднятой на ноги. В окружении ребят физрук заботливо спросил, цела ли она.

- Да, да, спасибо. Все хорошо, не переживайте, я в норме. Споткнулась, наверное. Я могу продолжать.

- Нет уж, с тебя хватит, - сказал физрук, отводя ее в сторону. – Иди к доктору в спортгородок, я выслал направление на осмотр и массаж. Ты сегодня не в форме. Отдыхай.

Завтрак шел муторно, вернее, не шел совсем, Наташин организм не принимал ничего, кроме воды. От лица отхлынула кровь. Она уверяла себя, что нет причин трусить, ведь прошлой ночью не она совершила ничего противозаконного. Всего-то сходила пописать. А разум кричал:

«Ты видела убийство! Свидетель! Тебя увезут, спрячут в тюрьму! А что, если тот парень опять сбежит и напоследок решит заскочить к той, кто слишком... много... знает?» Последняя мысль заставила вздрогнуть, и Наташа нечаянно опрокинула стакан. Судорожно она принялась шарить по столу, ища салфетку, чтобы вытереть лужу, но ее руку перехватила сидевшая рядом Вера, одноклассница и лучшая подруга.

- Перестань, я сама, - сказала Вера. – Не будь бесплодие общеизвестным фактом, я бы решила, что ты залетела. Недавно смотрела фильм, так до войны беременные вели себя точно как ты с самого утра.

- Просто...

- Утро не заладилось. Ничего страшного. Я уберу. Иди, полежи до занятий.

Наташа вышла в парк подышать воздухом. Сидя на лавочке, она с трепетом смотрела на часы, и с каждой сменявшейся цифрой что-то внутри нее умирало. В 9.30 окончился завтрак, но Наташа не нашла сил встать и пойти. Ей хотелось схлопнуться вовнутрь и исчезнуть. Лишь вибрация умного браслета, возвестившая о начале занятий, привела в чувство.

Наташе не единожды случалось посещать корпус дирекции, но никогда здание так не угнетало мощью власти, которую оно олицетворяло. Стоя у парадного входа, она ощущала себя букашкой. Зажмурившись, Наташа толкнула ладонями крупные, но податливые двери и зашла в фойе. У стойки администратора она сказала статной женщине с величественным бюстом, что записана на прием к директору.

- Да, Наталья, господин Фэльман вас ожидает. Идите на пятый этаж по лестнице справа, либо воспользуйтесь лифтом.

- Спасибо.

Двери в кабинет директора, равно и стены его составлявшие, были выполнены из стекла, так что не получилось спрятаться и на мгновение перевести дух перед встречей. Секретарь директора мисс Тревидж пригласила войти, едва увидела девочку. Наташа ступала в кабинет мелкими шажочками, точно по скользкой плитке. На обширном столе из массива тяжелой породы наличествовали атрибуты руководителя: папки, мраморный канцелярский органайзер с часами и статуэтка из бронзы, а по центру табличка «Директор Михаэль Фэльман». Сам директор восседал в высоком кресле.

- Не тушуйтесь, Наташа, присаживайтесь, - директор указал на стул.

- Хорошо, - сказала Наташа, но из ее горла вышли лишь сдавленные звуки.

- Вы наверняка догадались, почему вы здесь.

От оцепенения из слов Наташа могла только хлопать ресницами.

- Ночью произошел инцидент, виновником которого стал наш ученик. Служба охраны доложила, что одна воспитанница стала невольным свидетелем событий, которые приняли неприятный оборот. Объяснительная ночной дежурной в спальном расположении Группы Б-16, Анны Купрюс, ясно указывает, кто бы это мог быть. Не желаете ничего рассказать?

- Я, - не размыкая уст произнесла Наташа.

- Что вы сказали? – вкрадчиво спросил директор.

- Я! Это была я! – с облегчением выкрикнула Наташа, и сквозь рыдания начала исповедь: – Я была в туалете, когда мальчик на улице начал драться с охраной. Он побил всех здоровых мужиков, а одному пробил шею каким-то ножом! Я точно не видела, правда! Потом... Потом...

Слезы лились по щекам и шее, слова перебивала икота. Плечами она утирала глаза, как ребенок, кем она, в сущности, и была.

- Лора, будь добра, принеси девочке воды, - сказал негромко директор.

Наташе подали стакан. Она прильнула к нему, но толчки из гортани мешали пить.

- Вы же поймали мальчика, зачем я нужна? Что со мной будет? Меня исключат? – стонала Наташа.

- Успокойтесь, все в порядке. Никто не собирается вас исключать, ситуация под контролем. Ученик не виноват, его загнали в угол, и он среагировал... Я хотел удостовериться, что именно вы стали невольным свидетелем трагедии. Все что от вас требуется, это сохранить историю в тайне. Вы же понимаете последствия огласки?

- Я никому не скажу, честное слово! Я могу подписать документ.

- Честного слова будет достаточно. Вы отважная девушка.

- Благодарю.

- Чтобы ваш визит ко мне не вызвал лишних вопросов у сверстников, я придумал для вас кое-какое задание. Помню, отец говорил, что труд лучшее лекарство от горестей. В этом я с ним солидарен. Надеюсь, вы не забыли о грядущем Дне школы. По старой традиции в день торжеств лучший ученик выступает с приветственным словом. С учетом отличной успеваемости и в свете того, как вы достойно проявили себя в непростой ситуации, я остановил выбор на вас, Наташа.

- Не знаю... смогу ли.

- К счастью, у вас нет выбора, ведь я, директор, только что поручил вам это задание, - он лукаво улыбнулся. – Дерзайте! На этом довольно, Наташа, вы можете идти.

Она встала и пошла к двери. Директор спросил вдогонку:

- Вы видели лицо того юноши?

- Нет.

- Оно и к лучшему.

Больше директор больше ничего не произнес, и с необыкновенной легкостью Наташа выпорхнула из кабинета.

3

- Прости, но ты ужасно выглядишь! – прислонив расческу к губам сказала Вера. - Что с тобой сегодня?

- Не спалось, - ответила рассеянно Наташа. - Ты слышала что-нибудь ночью?

- А что случилось? – насторожилась Вера. - Опять Никита приставал к близняшкам?

- Что? О, боже, нет! Просто спросила...

Наступило время обеденного перерыва в занятиях. Дети поели, и у них выдалось несколько свободных часов для личных дел. Наташа сидела на стуле перед туалетным столиком в комнате отдыха. Вера с усердием орудовала гребнем по норотившей поникнуть голове подружки.

- Сегодня я бессильна сделать что-то вразумительное с твоими волосами, будто соломенные, - Вера опустила руки в досаде. – Заплети их в косу, так будет лучше. Наташ, что произошло? Я же вижу. Рассказывай.

- Все хорошо. Нормально. Не выспалась, ломает немного.

- Да, этим летом не помогают даже кондиционеры. Их, ведете ли, нельзя настроить прохладнее, чтобы не простудить ребят, - искривленным голосом она пародировала дежурную. – Наташ, ты, наверное, переживаешь из-за Давида? Не помирились? Плюнь ты уже него...

- Фу, не напоминай мне об этом придурке, он вообще не причем, - оборвала Наташа.

- А кто при чем?

- Мне и так дурно, а еще ты донимаешь. Подруга называется...

- Ладно ты. На танцы идешь?

- Иду, конечно. Пойдем что-ли чаю с ромашкой попьем, - сказала Наташа и, измаявшись, приникла к груди подружки.

- Танцевальные упражнения являются дисциплиной из категории «Гендерное равновесие» учебного блока «Общие бытовые навыки». Помимо очевидной пользы для развития пластики, равновесия и чувства ритма, занятия обучают мальчиков и девочек учитывать поведение партнера и подстраивать собственное. Здесь учатся уважению. Что-то в этом ключе. Запомнила? – сказала учитель танцев.

- Я это знаю, Маргарита Львовна.

- Не сомневаюсь, Наташенька, - учительница наклонилась к ее уху: - Я слышала кое-кому поручили готовить речь к празднику.

- Откуда вы...?

- Не важно. Ты же не забудешь уделить минутку выступлению любимому предмету. Права? Не забудь, что я сказала.

- Но...

- Молчи, я поняла, - учительница положила палец на губы Наташи, - лучше направлю текст по почте. Умница! - она поцеловала Наташин лоб. – Беги, готовься.

- Да, Маргарита Львовна.

Сквозь тюль свет послеполуденного солнца отражался от глянцевого паркета в зеркала. Зал сиял в пастельных тонах, и беспричинная радость проникла в сердце Наташи непринужденно, как дуновение воздуха, треплющее шелк тюли. На занятия танцами собирали группы, не установленные по штату, а отовсюду в школе, главное, чтобы пары гармонично подходили друг другу.

- Ребята, давайте приступим!

Когда принялись разбираться по парам, Наташа поняла, что скоро возникнет проблема. Хаотично прохаживавшиеся ученики в поисках своих партнеров до поры прикрывали то, что вскоре станет достоянием общественности.

- Где Давид? – спросила Вера.

Она стояла спиной, чуть изогнувшись под рукой кавалера, и озабоченно рыскала взглядом по залу. Фигура Давида выросла будто из-под земли. Бальный партнер, который еще недавно претендовал на большее, держал в объятиях другую. В глазах у Наташи потемнело, ей мнилось, что буквально через мгновение она останется брошенной посреди зала, и сверстники начнут злобно тыкать в нее пальцами, как на зачумленную, и шептать, стреляя лукавыми взглядами. «Мама...» - застонала про себя она, едва сдерживая слезы. Только звук хлопков ладоней вернул ее к жизни. Маргарита Львовна, заслоненная детьми ввиду скромного роста, призывала внимание.

- Ученики, смотрите, кто пришел! Очаровательный юноша по имени Марат. Он переведен из другой школы и с этого дня начнет заниматься в нашей группе. Кто же у нас без пары? – задумалась учительница.

Казалось, будто в мюзикле перед Наташей расступились люди и не хватало только одинокого софита, чтобы полностью передать гротеск.

- О, ты счастливец! – с пиететом сказала Маргарита Львовна. - Милая, подойди.

Наташа приблизилась, и учитель скрепил робкие ладони.

- Одна из самых прелестных воспитанниц. Ты многому научишься у Наташи, если будешь прилежен, - ласково сказала учительница Марату. – Что ж, начинаем! Музыка!

Раздалась легкая полька, так сильно не почитаемая в ранней юности по сравнению со страстными аргентинскими движениями. Наташа взглянула на Марата. Он имел тело атлета, роста выше среднего, хотя ей не показалось, чтобы он был старше, скорее наоборот. Не красивое, но довольно смазливое лицо с растрепанными светлыми прядями. Зато глаза настолько осознанные и большие, разумеется, что утопать в них не было пыльным клише. Левая щека от виска к губам и до острой линии челюсти была изрезана шрамом, таким крупным, что страшно было

смотреть, не то, что представлять, как юноша его заполучил. Однако в том крылась привлекательность Марата, как приторность требует остроты.

Танцевал Марат не больно умело, зато в его руках ощущалась уверенность. Пару раз она заглядывала Марату в глаза, он на мгновение тушевался и с удвоенной резвостью исполнял фигуры. Наташа предугадывала в партнере запертую бурю, которую он не научен контролировать.

Новизной и диковатой наружностью юноша притягивал внимание девушек. Вера и та была поймана на изучении черт Марата.

- Маргарита Львовна сказала, что ты здесь недавно, – спросила Наташа.

- Да, меня перевели, - отрезал Марат.

В очередной раз раскручиваясь в танце, Наташа увидела руку Давида, скользившую все ниже по талии партнерши.

- Если хочешь, я могу тебе здесь все показать, - сказала Наташа.

- Не думаю, что это нужно. Не обижайся, - сухо ответил Марат.

В душе Наташи была задета горделивая струна.

- Мне не трудно, даже приятно будет погулять.

Марат посмотрел на нее со смятением. Музыка остановилась и пары разошлись для отдыха, чтобы попить воды и умыться. Марат же остался подле Наташи и шепнул:

- Хорошо, мы встретимся, но, когда и во сколько, я скажу позже. Теперь мне пора идти.

Не спрашивая разрешения учителя, он вышел из танцевального зала под общие плохо скрываемые пересуды.

4

За танцами по расписанию шел урок литературы. Дети зашли в класс, стены которого, за исключением окон, были загорожены высокими до потолка книжными шкафами. Бумажные тома вряд ли кто-то даже открывал, они предназначались для создания атмосферы.

Наташа села в одно из хаотично расставленных кресел. Сидение и спинка пришли в плавное движение и подстроились под фигуру для удобства и поддержки осанки. Учитель вышел к ученикам и призвал к порядку, начиная занятие.

- Сегодня, дети, мы изучим работу Лю Сунь Вэя «Падение Запретного города». В данном романе автор, к сожалению, не переживший войны, описывает с долей художественного домысла подлинную историю гибели правящей верхушки Китая, которая во время нашествия укрылась в Запретном городе, что в Пекине. Повествование наполнено свидетельствами тех жутких событий. До войны Китайская Народная Республика превратилась во флагман промышленного производства. За выдающиеся достижения стране выпала участь претерпеть наиболее сокрушительный удар инопланетного врага. Буквально в одночасье благополучный Китай был разорен. В условиях наступившей анархии верхушка партийной элиты укрылась за стенами Запретного города, грандиозного памятника мировой архитектуры, где до японской оккупации жили китайские императоры. Однако, как все значимые труды литературы, книга Лю Сунь Вэя не столько про эпические события, сколько про людей. В художественном произведении обстоятельства - это всегда декорация, которая помогает раскрыться подлинной природе человека, - сказал учитель литературы. – Что ж, давайте прочтем, а затем обсудим. Я направил вам файлы книги. Переведите устройства визуализации в режим обучения и ознакомьтесь с текстом.

Наташа поступила, как велел учитель. Любые знания, подлежащие изучению или запоминанию, усваивалась детьми посредством компьютерной программы «Обучение». Очередная взвешанная технология на службе у победившего человечества. Посредством квинтэссенции текста перед глазами, изображений и звукового ряда информация моментально воспринималась и усваивалась. Для работы с этим режимом требовалась долгая подготовка и перестройка нейрон-

ных связей в мозгу. Развитие данного умения составляло основу учебной программы в начальной школе. Спустя каких-то три минуты пятисотстраничный труд Лю Сунь Вэя был успешно прочтен. После учитель дал пятнадцать минут отдыха. Одномоментное восприятие произведения порождало несравнимо насыщенные впечатления. Вместе с тем работа с программой «Обучение» вызвала пиковое напряжение интеллектуальных и психических сил. Детям надлежало успокоиться и прочувствовать эмоции от прочитанного, они вставали с кресел, прогуливались по аудитории, пили чай или просто глазели в окно.

- О, боже... Неужели так и было? Это безумие, что они творили. Мне вспомнилась история гибели Содомы из Библии, которую мы недавно проходили, - сказала Виктория, садясь в кресло.

- Неужели перед угрозой неминуемой гибели люди способны только на зверские поступки? Пьяные игрища, разврат и убийства... И я не согласен, что такое поведение обусловлено властью. Не зря в восьмой главе описан хаос в триадах, которые захватили силой флигель Вэньхуадянь, - сказал другой ученик, Митя.

- А мне запомнилась жена Председателя. Та сцена, где она входит в прокуренный опиумом зал с пьяными мужиками, когда те рубились в карты на захваченных женщин. Она не побоялась оружия и угроз, и исключительно силой духа вразумила это собрание мудил. А после они совместно открыли ворота Сихуамэнь простым людям, - сказала Евгения.

- Их же вместе с запущенными расстреляли из пулеметов у стены! – крикнул кто-то.

- Довольно! По очереди. Евгения, не ругайся в классе! Да, книга тяжелая. Я рада, что вы отозвались на мысли автора, вложенные в текст. Однако роман не ограничивается перечислением бесчинств, - сказал учитель. – Наташа, ты сегодня отмалчиваешься. Не похоже на тебя. Книга не понравилась?

- Нет, то есть, да, сильное произведение. Меня впечатлила линия Тэ, подростка, который на протяжении первой части искал укромное место для матери. Они блуждали по Запретному городу, и Тэ постоянно убивал появлявшихся на пути людей. Вышло так, что, преследуя благую цель спасения близкого, он отнял столько жизней, пусть и не самых добрых.

- Тебя волнует так называемая дилемма: «Можно ли творить зло во имя добра?» Как бы ты сама ответила на этот вопрос? – спросил учитель.

- Мне кажется нельзя переступать черту, ведь противном случае ты перестанешь отличаться от зла, которому сопротивляешься, - ответила Наташа.

- Ему стоило отдать мать на растерзание этим свиньям? Да ты с ума сошла!

- Горан! – осек учитель.

- Нет! Мою мать застрелили такие же солдафоны, и не будь я младенцем и умей держать оружие, то перебил бы их до последнего к чертовой бабушке! И поверьте мне, я бы не мучался совестью!

- К порядку! Горан, если не успокоишься, я отправлю тебя к психологу на профилактику, - пригрозил учитель. - Вот к чему приводит спор на патовые темы. Дети, вы услышали из уст Горана довод «Pro». Может, кто-то попробует доказать «Contra»? Это сложнее, ведь позиция Горана весьма сильна.

Учитель сухо отреагировал на кажущийся крик души Горана о его погибшей матери не из-за жестокосердности. Почти все дети попали в школу с психологическими травмами, и прошли долгую сложную терапию. Сегодня их сердца не рвут воспоминания о войне и погибших родственниках, они освободились от эмоций, снедавших их, уступив место рациональному пониманию былых событий. Слова Горана представляли не больше, чем претенциозный выпад, манипуляцию чувствами жалости. Учитель не повелся на уловку и поставил сорванца на место.

- Я читал занятную книгу про Дикий запад, - сказал один из учеников. - Там в городке жили две семьи. Ковбой из одной вступился за брата и убил ковбоя из другой. Те начали мстить. Закончилось все бойней, опустошившей город.

- Ха-ха, не посоветуешь книгу, я бы с удовольствием прочел? - крикнул кто-то.

- Так, еще одно нарушение дисциплины или неуважение к товарищу, и я доложу директору, тогда вся группа на выходных вместо развлечений пойдет убирать территорию! Я, конечно, рад, что поднятая тема вас увлекла. Давайте сделаем так: к следующему занятию вы подумаете и сформулируете мысли, и мы конструктивно их обсудим. Потому, как мне видится, дорога к ответу на дилемму лежит совсем в ином направлении. Тем из вас, кто проявит нестандартное мышление, обещаю награду, над которой подумаю. Согласны?

- Да, - ответили ученики.

- Ну, а теперь вернемся к разбору книги. Вэй написал книгу в тяжелую зиму...

Последним занятием в тот день оставалась коммерция, на протяжении которого дети осваивали важнейшее умение – извлекать средства для существования и организовать бизнес-структуры для приведения в жизнь вожделенных проектов. Урок походил на игру в «Монополию». В режиме дополненной реальности школьники видели перед собой задание и ресурсы, полученные в качестве начального капитала. Каждый ученик считался конкурентом другому. Платформа программы являлась сгенерированным миром, воспроизводимым компьютерными алгоритмами, где надлежало упражняться в предпринимательстве. Виртуальная среда была отнюдь не дружелюбна, ее модель максимально приближалась к реальности и даже усугубляла препятствия. Поэтому там зачастую возникали случайные катастрофы, жадные чиновники, вороватые рабочие, рейдеры и прочие удовольствия.

Темой сегодняшнего занятия было пекарное дело. Наташа, как она нередко предпринимала, заключила тайный союз о разделе рынка с Верой. Подруги преступили к давлению на цены, но подвела погода. Выдалось хорошее лето с весьма богатым урожаем, и цены на муку рухнули. Это послужило бы общей выгоде, если бы Витя, Джейкоб и Сол не заключили партнерское соглашение и до сбора урожая не скупили фьючерсы на зерно в регионе. Несмотря на рост предложения эти трое удерживали цены высокими, чем настолько обогатились, что смогли раздавливать конкурентов и несогласных. Наташа бросила все деньги и кредит на продавливание в суде иска о картельном сговоре, но тут ей пришло сообщение от Марата: «Можем встретиться в семь у техобщества, если предложение в силе». Это ее взволновало. Наташа долго колебалась с формулировкой ответа, но все же остановилась на простом: «Ок, договорились»). Стоит ли говорить, что грандиозные планы по занятию коммерцией отошли на второстепенный план. К концу урока она продала предприятие картелю под условием отзыва иска и прекращения компании в соцсетях. Вырученных средств хватило на погашение займа при положительном балансе на счетах, чего оказалось достаточно для получения хорошей отметки.

5

Марат ожидал у здания Общества техников и юных инженеров. По неизменному обычаю свиданий Наташа позволила себе опоздать. Она пришла в замешательство, когда подошла к юноше, а он не отреагировал ни единым движением, не то, что словом, отчего ей пришлось переминаться с ноги на ногу, недовольно вглядываясь в лицо, лишенное чувств.

- Марат... Привет! Марат? – сказала Наташа и на последнем слове помахала ладонью перед носом.

Он захлопал ресницами и прикрылся ладонью от солнца, что отражалось от стекол близстоящего павильона.

- Привет, я был в виртуалке. Ты опоздала.

- Меня задержала тренер по плаванию, - с ходу соврала она без запинки. - Пойдем?

Они пошли через парк и фруктовые сады к амфитеатру. Наташа рассказывала о каждой постройке или популярном месте, что встречались на пути, даже если знала немного. Марат по-малкивал. Его взор был обращен вверх или под ноги, но только не на спутницу. Иногда он резко выдыхал, словно принимая важное решение, но потом опускал голову и какое-то время шел, потупив взгляд. Наташа относилась к холоду на свой счет и пыталась вспомнить более интересные истории. Однако, старания уходили напрасно, они дошли до трибун амфитеатра, а разговор по-прежнему не ладился. Тут девушку озарило. Ей вспомнились уроки социальных связей, на которых преподаватель постоянно твердил: «Если хотите заинтересовать собеседника, то перестаньте разглагольствовать о себе и начните уже говорить о нем и о том, что ему интересно. Ваша первоочередная задача – слушать и проявлять искренний интерес.» Наташа взяла Марата за плечо и сказала:

- Думаю, хватит на сегодня экскурсий. Впервые за годы у нас появилось новое лицо. Я хочу узнать кто ты.

Марат посмотрел Наташе в глаза. Зеленые насыщенные, как благородный камень. В душе она торжествовала.

- Можно спросить? – сказала она.

Марат чуть кивнул.

- В твоём профиле написано, что ты из класса А-14. Выходит, ты из последних родившихся людей. Каково это быть представителем «Золотого поколения»?

- Я появился на свет в ноябре. До конца войны оставалось полгода, за это время люди плодились, так что я далеко не последний. Вообще, мне противен ярлык «Золотое поколение». Знаешь, откуда пошло название?

- Нет, - соврала она.

- В первые годы после победы, детей не забирали от родителей. Программу, из-за которой мы здесь, открыли после объединения мира под единым флагом. На Ближнем Востоке от соцработников откупались крупными взятками, а за сыновей последнего года рождения выкуп доходил эквиваленту золота по весу ребенка. Коррупция всплыла, когда менты из столицы связали случаи о взятках в единое «Дело золотого поколения». Блогеры моментально вцепились в броское название, и хештеги #золотоепоколение и мемы разошлись по сети.

- Можно отломлю от тебя кусочек? – засмеялась Наташа. - Очень хочу новое платье.

- Ты получишь обычный шмат мяса, но пострадаешь, как если бы я действительно состоял из золота. Мое поколение под максимальной охраной закона. Преступление против меня многократно ужесточит наказание, однако, по той же дурацкой причине я буду всегда оправдан, чего бы не учудил.

- Да... Слышала, что подобных тебе на планете осталось не больше пятидесяти тысяч. Прямо страшно с тобой стоять рядом.

- Бояться нечего. Твой возраст дает охрану немногим меньше.

- У тебя редкое имя – Марат. Почему тебя так называли?

- Знал бы, сказал. Мне нравится думать, что в честь французского революционера.

- Выходит, ты бунтарь? Тогда понятно, откуда шрам на щеке.

- Его я получил во время бомбежки. Мать накрыла меня телом. Каким-то осколком мне поранило лицо, а мама погибла, защищая меня.

- Прости. Горько слышать такое.

- Я могу об этом говорить. Я был младенцем и ничего не помню. Историю про шрам рассказал старший брат, он тоже был там. Ему сейчас двадцать пять, значит тогда было двенадцать. Вот, смотри.

Марат задрал рубашку и повернулся спиной. На коже были поперечные шрамы: размытые, будто от старых ударов плетью. Юноша заправил рубашку в брюки и сказал:

- От ногтей. Мама сильно прижимала меня к себе, когда ее резало осколками бетона и стекла. Это отметины на память о ее любви. Пусть мамы больше нет, но ее объятия останутся со мною навек.

- У меня нет слов. Твои шрамы – это самое трогательное, что мне доводилось видеть. За всю жизнь отец навестил меня всего лишь раз, а потом улетел в космос. Мне было где-то три.

- Он жив?

- Думаю, да. Если бы умер, меня бы уведомили официально.

- Он где-то там среди звезд.

Они посмотрели на небо, и Наташа взяла его руку.

- Ночью я иногда встаю к окну и представляю, что отец тоже смотрит она меня.

После этих слов Марат поник. Он повернулся и посмотрел невеселыми глазами.

- Послушай, все сходиться. Тебе нужно меня...

- Так вот, значит, вы где! – раздался окрик.

Давид стоял в нескольких шагах, его руки были напряжены, и кулаки сжимала злоба.

- Стоило нам малость поссориться, и ты уже, как шлюха, обжимаешься с кем попало! Ты кто такой вообще? Хочешь ее трахать? Так валяй, она дает любому встречному!

- Я? Никогда! Ты изменил с этой куклой, Николью, и смеешь говорить подобные мерзости!

- И что? Нормальные девушки способны понять партнера! Да кому ты вообще нужна, кроме этого уroda с рубцом поперёк морды? Таких, как ты, сотни!

Марат молчал, не выпуская руки Наташи. Его взгляд был устремлен на Давида, на шее вспухла вена, застилая разум кровью. Сам воздух, выдыхаемый из его легких, отдавал запахом пепла. Наташа почувствовала боль в кисти. Она дернула руку, затем еще раз. Марат обернулся. Взгляд. Она узнала этот взгляд. Какой же слепой она себе казалась теперь.

- Боже... - простонала она, - не надо...

С побелевшим лицом Марат вновь обратил взгляд на обидчика, затем выпустил ладонь девушки и уже дернул корпус вперед, делая выпад, но Наташа, крепко вцепилась сзади в брючный ремень и, что было мочи рванула Марата на себя, крепко обхватила его торс и впиалась губами в его, с пылкостью юной души.

- Да пошли вы! – крикнул Давид, ретируясь.

Поцелуй был столь долог, что воздух весь вышел. Она чувствовала, как мышцы Марата слабеют. В глазах заискрилось. Затем подкосились ноги, и она обмякла на руках юноши. С глупой улыбкой Наташа открыла глаза.

Марат походил на поверженного зверя. Силы вновь наполнили Наташу, ее лицо исказила гримаса ужаса, и она вырвалась из объятий.

- Это был ты! Ты! – пыталась кричать она.

- Тише! Я хотел сказать, но ты все время говорила, и я не знал, как...

- Ты молчал даже на танцах! Как ты посмел?

Наташа приблизилась к самому его носу и прошипела:

- Убийца.

- Дай объяснить, все не просто...

Наташа не смогла говорить от хлынувших слез. Мотая головой словно в трансе, она прикрыла пальцами распухшие губы. Марат шагнул к Наташе, но она убежала в сад.

6

Комната самостоятельной подготовки. Из мебели только расставленные в шахматном порядке письменные столы с ортопедическими креслами. Никаких экранов, стены выдержаны в едином цветовом тоне без рисунков, лампы мягкого дневного света и ни намек на шум. Прежде

в библиотеках пахло целлюлозной пылью и духами шикающей старухи-библиотекарши, но подобно тому, как фотографии вытеснили реализм в живописи, бумажный кодекс канул в Лету, уступив пьедестал электронному файлу с текстовым расширением. Довод о том, что легко воспламеняющийся книжный том надежнее электронного аналога больше не решаются произносить даже старики.

Наташа села за стол. Опускался вечер. День прошел сквернее предыдущего: уснула только под утро, ела через силу без вкуса, а на занятиях полная рассеянность с ощущением эмоционального похмелья. На десерт Давид растрепал по школе до того невообразимую чушь, что Наташа залетела в топ рейтинга сплетен.

«Лучше бы позволила Марату навалить ему. Хотя неизвестно, кто больше опасен – придурок-бывший или маньяк-убийца, - подумала она. – Странно, о Марате сутки не слышно. Ни подстерег, ни позвонил, ни кидал сообщений. Гад! Все равно бы не ответила. Баста, сколько можно думать о нем!» - думала она.

Не придумав иного способа отрешиться от навалившихся разом треволнений, Наташа решила писать речь на День школы. Она погрузилась в виртуальную реальность и создала запрос в поисковике на выборку статей о школе со дня ее основания. Выгрузилось два миллиона ссылок.

«Слишком много».

Поразмыслив, она сузила круг поиска до статей об истории школы, знаковых событиях, и пресс-релизов о выступлениях директора. Сеть выдала несколько тысяч ссылок. Наташа выбрала «Загрузить и ознакомиться», однако, протокол системы «Обучения» разразился гонгом, окрасив пространство вокруг алым наложением: «Слишком большой объем информации, существует риск для психики». Наташа нажала «Игнорировать» и с помощью программы «Обучения» информация с мощью тонны воды обрушилась в мозг.

Наташа отключилась от виртуальной реальности едва закончилось чтение. К горлу подступила тошнота, и в изнеможении Наташа откинулась на спинку.

«Сжигать мозг, это не выход из проблемы, - подумала она. – Почему я такая несчастная? Чего всем от меня надо?»

Она запрокинула голову и ощутила, как влага побежала по щеке.

- О, нет, это точно лишнее, - шепнула она и промокнула слезу.

Вооруженная целым книгохранилищем, залитым в голову, Наташа вернулась в виртуальную реальность и набросала черновую заготовку речи: «Школа Forest Nest раскинулась в лесах Прибалтики в округе Латвия. Территориальное деление на округа после войны сменило границы уничтоженных стран, которые остались лишь на старых картах. Округа входят в обширные провинции для более удобного управления Землей из города-столицы Юниум на острове Кипр.

Комплекс школы построили в диком месте, как и другие поселения на отвоеванных землях. Forest Nest - не малоэтажка со стадионом на заднем дворе, как водилось в довоенное время. Школы современности походят на небольшие города. Помимо инфраструктуры Forest Nest состоит из Управления дирекции, поселка жилых корпусов для учеников и персонала, неподалёку разбросаны здания для занятий, а еще по всей территории размещены: спортивные сооружения, развлекательные центры, кинотеатр, штаб-квартиры детских самоуправлений и организаций и, разумеется, форпосты для охраны. Стоит отдельно упомянуть про парки с животными, амфитеатр, исследовательские ангары прикладных дисциплин и даже небольшой аэродром. Данное великолепие построено для учеников - они великая ценность в злополучный век, когда последние полтора десятилетия не подарили ни одного младенца. Не занятые в космической программе по поиску вакцины от вируса бесплодия ресурсы всецело направлены на воспитание и сохранение последнего людского поколения. Главная задача современного образования - научить жить в свободном мире. Другая, не менее важная – сберечь юные жизни. Людей до тридцати на планете осталось едва ли сотня миллионов, а детей последнего года рождения, так называемого «Золотого поколения», на сегодняшний день осталось сорок семь тысяч».

«Золотое поколение» - подумала она. – А вдруг он правда мог сказать нечто, что повлияло бы на мое отношение к событиям той ночи? Начинаешь выгораживать? Нет, просто, имею ли право запретить человеку оправдаться? Безвольная девчонка... - она опустила голову с досады. – С маленькими титьками. Брось... Нормальные такие, аккуратные. И вообще я - красotka. Волосы у меня хорошие, ногти, пальчики. Вот... И Марату я нравлюсь. Должно быть. Ведь тот поцелуй был подобен откровению. Я и не догадывалась, что способна проявить столь неистовую бурю чувств. Такое не бывает случайным. Пусть он свиреп, но я способна его изменить, как остановила его вчера... поцелуем, - она вздохнула и улыбнулась, - романтично, блин...»

Наташа вернулась к работе. Ей захотелось добавить в речь материал про учебный процесс. «Обучение в современной системе школьного образования разительно отличается от довоенного...».

- Чтоб тебя, пишу, как директор, - пробурчала она по нос. - Надо завязывать поглощать разом большие объемы данных. Так...

«С приходом внеземных технологий, люди получили небывалые преимущества. Раньше школьники долгие унылые годы занимались зубрежкой и повторением выученного, обучение во многом зависело от способности ученика усвоить информацию и способности учителя ее донести. При нарушении любого из условий, толк от процесса обучения сходил на нет. Постепенно пласты неосвоенной программы ложились неподъемным грузом на ученика, и вышвыривали его из системы образования на завод.

Теперь все изменилось. Устройства виртуальной реальности и продвинутые программы обучения гарантируют запоминание и восприятие материала школьной программы. Моментально. Больше не нужно сутками штудировать законы, правила, формулы и тому подобную нудь. Акцент переместился на обучение умению использовать знания. Это революция сродни освобождению от рабства.

Помимо базовых дисциплин наподобие математики, биологии и прочих, новая система образования дополнилась особыми предметами из блока «Общие бытовые навыки». Потребность в этом блоке связана с отчуждением родителей от воспитания. Правительство опасается взрослого населения, пережившего самую ужасную войну в истории, ведь слишком многие страдают психологическими расстройствами, что препятствует достойному воспитанию потомства. Дети слишком важны, напомню, уже четырнадцать лет ни одна женщина на Земле не рожала.

Итак, блок «Общие бытовые навыки» нацелен восполнить недостающие умения в хозяйственных вопросах самообеспечения: готовить пищу, стирать, свободно общаться с людьми privately и в обществе, уметь добыть средства и многое другое. Без этих знаний выпускники погибнут в реальном мире без столовых, охраны и обслуживающего персонала.

Отдельно выделяется категория «гендерное равновесие» данного учебного блока. В этот набор обучающих программ включены занятия или прививаемые распорядком жизни в школе повадки, благодаря которым преодолеваются межполовые барьеры, комплексы и непонимание. Помимо очевидной пользы для развития пластики тела, равновесия и чувства ритма, занятия обучают мальчиков и девочек... (далее по тексту Маргариты Львовны). В общем, нас учат не стесняться противоположного пола, ведь дела любовные доставляют так много терзаний и, если мы научимся понимать партнеров, то неурядиц станет чуточку меньше, а радости чуточку больше.»

«Нужно ему написать, - подумала она. – Первой? Да ты не серьезно... Посмотри правде в глаза и ответь: долго ли протянешь без нормального сна и аппетита? Так уже гуляют идиотские слухи по школе. Я обидела Марата, не дала раскрыться, когда он решился. Капризная девчонка. Позвоню ему. Нет, звонить страшновато... лучше напишу. Я же правильно поступаю? Делай, что хочешь, хуже не будет.»

Она решила, что на сегодня довольно готовиться к речи. До Дня школы оставалось три недели, и времени доработать и отполировать выступление будет достаточно. Наташа написала

в мессенджере: «Привет, хотел рассказать правду? Я дам возможность. За час до отбоя приходи во двор моего жилого блока» и отправила Марату.

7

- Я все расскажу, только не убегай! – сказал Маркел, но для верности взял Наташины ладони.

Они встретились за углом жилого корпуса. Было начало одиннадцатого, поздние сумерки укрыли от прохожих, издали пару принимали за влюбленных, которые вынуждены таиться днем и лишь к ночи улучают минуты, чтобы отдаться чувствам.

- Я здесь, чтобы слушать, - холодно произнесла Наташа, но его ладоней не отнимала. – Тебе не жалко было убивать? Все потому, что охранник не позволил сбежать из школы?

- Нет.

- Нет? – подняв брови перебила она, но рук не отнимала. – То есть, ты способен вот так запросто...

- Поймай, - перебил Марат. – Да, скверно лишать жизни, но пока ты не выслушаешь...

- Но! - воскликнула она.

- До конца. Иначе, не поймешь. Наташа, вокруг ложь! Ты даже не можешь представить, насколько наши жизни пронизаны обманом!

- Ясно... - Наташа разочаровано повела головой и высвободила правую руку. – Тебя не понимают, и лишь ты один знаешь правду о мире. Такой же, как остальные парни... Скажи еще, что влюбился и не можешь думать ни о чем ином.

Краем глаза она хитро взирала, ожидая ответного шага. Кожей она ощущала пот его ладоней. Когда Марат попытался взять вторую руку, Наташа приблизилась и схватила юношу за плечо.

- Говори же, наконец! - произнесла она вкрадчиво. - Скоро меня начнут искать. Что там за вселенская ложь?

- Я пробыл в Forest Nest несколько дней и ужаснулся вашему неведению. Скажи, что ждет мир в будущем?

- Однажды космические миссии найдут средство от вируса. Раз человечество заполучило инопланетные карты, мы обследуем всякую звездную систему, куда сможем добраться. На Земле сейчас каждый взрослый трудится над возрождением. Потом на арену выйдет наше поколение.

- Это пропаганда, которую в вас закладывают. Реальность другая. Правительство отчаивается найти вакцину. Разумные люди понимают, что инопланетные карты могут, наоборот, скрывать место, где имеется спасение от вируса. Миссии улетают в космос дальше и дальше, но без толку. Прошло десять лет, а результатов ноль. С ростом дальности полета, увеличивается его продолжительность, как бы логично. Варп-двигатели трофейных кораблей уменьшили временные потери за счет скачков, но они нуждаются в долгой зарядке батарей. Исследовать планеты вообще дело не быстрое, а вдобавок вблизи объектов с колоссальной гравитацией время искажается. Все идет к тому, что космонавты вернутся на пустую Землю.

- Ну не знаю... Кажется, ты сгущаешь краски. Нас убеждают в обоснованности оптимистичных прогнозов, и я верю. Посмотри сколько вокруг жизнерадостных людей, добрые учителя, правда меняются часто.

- Не задумывалась, почему преподаватели исчезают? Увольняются? Как бы не так. Многие взрослые скрывают наркозависимости, а когда всплывает, их вышвыривают из школы, как неблагонадежных, боятся шутингов. Но не стоит осуждать. В мире запредельный всплеск самоубийств. Мол, зачем тянуть, если мир все одно обречен? Слабые забивают боль веществами.

- Ужас!

- Это было лирическое отступление. Теперь факты. Меня перевели к вам не из обычной школы. Есть особые заведения, существование которых не афишируют. Формально там готовят молодежь с предрасположенностью к армейской службе и разведке. Профиль обучения позволил властям оправдать запрет на допуск журналистов, и так они отвадили любопытных.

- Вы не занимались военной подготовкой?

- Муштра не являлась основой. Из нас готовили «пастухов».

- Ха-ха, овечек будешь пасти? – засмеялась Наташа. – Суперсекретный солдат.

- Вас.

- Кого?

- Вас, детей из рядовых школ. Новая система образования – это запасной план правительства. Самые младшие поколения, близкие к последним годам рождения, послужат страховкой человечества. Первый шаг – криозаморозка или помещение в стазисные камеры четверти миллиона самых молодых. Их станут оживлять партиями по мере старения населения. Так планируется выигрывать время. Выпускников из спецшкол тоже подвергнут процедуре, но при разморозке они будут управлять миром и заботиться о молодежи, хранящейся в капсулах.

- А если я не захочу быть обледененной марионеткой и восстану против деспотии?

- Для этого курсанты проходят армейскую подготовку. Вы же напротив, укрепляете организм, чтобы он выдерживал высокие физические нагрузки.

- Если нас хотят сделать племенным стадом для размножения, зачем тогда обучают по продвинутой программе?

- А кто, по-твоему, будет работать? В условиях нехватки людей, потребуются специалисты с интеллектом достаточным, чтобы обслуживать сложную технику.

- Я не верю. Попахивает дешевой конспирологией.

- Хорошо, зачем тогда школьная система прививает абсолютную непринужденность в отношениях между полами? Вы живете вместе, моетесь вместе, спите вместе, а еще все эти курсы полового воспитания, сексуальной психологии и прочая лабуда... Это нужно, чтобы выработать толерантность к партнерам и свести к минимуму процент фригидных, одиночек и моногамных пар. Думаешь, у нас была пропаганда свободной любви? Уверяю, что нет. Наоборот – установка на крепкую семью, партнерство двух разумных людей, объединенных единой целью. Меня учили не столько психологии секса, сколько семейной.

- Все? – с нервной нотой в голосе сказала Наташа.

- Нет. Я слышал об еще нескольких вариантах. Первый, отправить часть детей к массивному объекту в космосе, типа черной дыры. Попав в петлю пространства-времени, они перенеслись бы в будущее по сравнению с Землей. Последний план самый жуткий. Из космоса привезли некие организмы, которые, попадая в кровь, дают долголетие, но при этом лишают человека с рассудка. Однако, ученые полагают, что потомство у таких безумцев получится умственно здоровым и наследует долгую жизнь.

С отпечатком раздумий на лице Наташа осунулась. Вскоре внезапно пришедшая мысль ее оживила и, коснувшись плеч юноши, она отпихнула его к стене.

- Кое-что не сходится. Если ты учился в специальной школе и имел перспективу господства, зачем ты перевелся в Forest Nest, к нам, обреченным на участь подопытных?

- Я не планировал оказаться тут. Меня не прельщает ни роль пастуха, ни овцы. Какая разница, где быть на лестнице власти, если мне грозит стазисный сон или инъекция инопланетной дряни? Планы стариков глупые, они не берут в расчет, что общество слишком стремительно меняется. Вы живете здесь в информационной изоляции, ваш интернет фильтруется, а мы имели доступ ко всей грязи в мировой сети. Планету лихорадит. Я не верю, что Объединенная Земля продержится долго, народы возвращаются на исконные территории, а где возрождаются нации, там начинается сепаратизм. Вполне может статься, что люди последнего поколения превратятся

в товар самозванных правителей – замороженные и безмолвные. Что может быть ценнее в условиях вымирания?

- Как ты поступил?

- Я бежал, но меня поймали. Тамошние надзиратели посерьезнее местных. Меня пытались образумить, но я выдержал и не сломился. Тогда интендант решил подчистить мою память и выкинуть в обычную школу. Другого бы шлепнули, но я из «золотого поколения», слишком дорогой, чтобы оказаться зарытым. Мне свезло. Помнишь, я рассказывал про брата? В школе работал его полковой товарищ времен нашествия. По стечению обстоятельств, он оказался мерзким ублюдком по отношению к курсантам, поэтому стоял на большом доверии у руководства спецшколы. Ему как-то удалось сохранить мне рассудок при процедуре очистки, ну а мое дело маленькое – притвориться дебилом на пару дней, изобразить последствия ментальной обработки. Затем привезли сюда...

- И ты попытался повернуть то же самое здесь...

- Да. Импульсивный побег. Без подготовки, без снаряжения. Напролом. Здешняя дирекция посчитала, что мне просто сорвало резьбу после вмешательства в сознание. Пришлось опять прикинуться дурачком. Знаешь, похоже, у меня к этому талант.

- Не знаю, что и сказать. Услышанное противоречит здравому смыслу. Что мне делать? – сказала Наташа потупив взор.

Марат притянул ее за талию и поцеловал. Когда юноша с неловкой улыбкой попытался объяснить неожиданный порыв, Наташа вытянулась на цыпочках и, смотря сверху, привлекла его за шею и поцеловала в ответ.

- Бежим вместе! – воскликнул Марат шепотом.

- Куда? Когда? Как? Ты...

- Виктор, мой брат живет в Орлеане, который начали отстраивать неподалеку от «Презренного».

- «Презренного»?

- Тот самый флагманский корабль пришельцев, откуда выпущен вирус бесплодия. Его сбили во время войны. Он по-прежнему так и лежит – груда размером с городской квартал, в нем укрываются нелегалы, легко спрятаться.

- Когда? – Наташа шептала, касаясь кончиком носа лица Марата.

- В День школы, тогда учителя и охрана отвлекутся на праздник. Идеальное прикрытие, и есть достаточно времени на подготовку.

- Несколько недель.

- Три недели и два дня. В самый раз. Я уже начал работу.

Наташе пришло сообщение от Веры: «Ты куда пропала? Скоро отбой, дежурная на взводе – парни подрались в душевой. Возвращайся быстрее!»

- Мне пора, - шепнула она.

- Не уходи, побудь еще.

- Правда пора.

Наташа поцеловала и отошла.

- Сегодня опять не усну, - сказала Наташа, обернувшись.

- Прости, что нагнал страху.

- Не только из-за этого.

8

В перерыве между занятиями Наташа получила сообщение: «Зайди в туалет на втором этаже левого крыла». Когда она вошла в уборную, то получила новое: «Третья от окна». Приот-

крыв дверцу, Наташа прошмыгнула внутрь так, чтобы не выдать присутствия там Марата, который ютился на крышке унитаза, поджав под себя ноги. Едва Наташа вымолвила приветствие, он положил палец ей на губы. В мессенджере пришло сообщение.

«- Пиши сообщения, нас не должны услышать»

«- Ок:)»

- У вас в школе принято назначать свидания в туалете?:)»

«- Говорят, с любимым рай и в шалаше»

Она улыбнулась и поцеловала Марата. Не удержавшись под навалившимся телом, Марат едва-едва не соскользнул со скользкой крышки и только разведенные руки удержали обоих. Раздался грохот углых алюминиевых перегородок. Соприкоснувшись лбами, они сдавливали смех, как нашкодившие детишки.

«- Чуть не спалились) Все, я побежала, скоро урок»

«- Подожди, у меня есть кое-что для тебя. Протяни браслет.»

Марат подковырнул слот своего умного браслета и открыл зарядный порт. Затем взял Наташу за запястье и проделал то же с ее браслетом. Из кармана он достал тоненький кабель и соединил из устройства вместе.

«- Что ты делаешь??»

«- Подожди секунду...»

- Можешь забирать»

Вынув кабель, Марат закрыл защиту на разъемах.

«- Я хакнул твой браслет, теперь ты можешь обходить школьные фильтры и серфить интернет без цензуры»

«- Ого, круто! Не поймают?»

«- Все надежно, фикс невозможно обнаружить без внешней диагностики»

«- Ой) А если кто-то из охраны взламывает нашу переписку?»

«- Они увидят подложные сообщения о погоде и теннисе. Наш замаскированный канал исключительно для нас.»

«- Так мило)))»

Наташа чмокнула в щеку.

«- Не верь на слово в рассказанное мною вчера. Посмотри сама, пока меня не будет»

«- В смысле «не будет»?»

«- Я напросился на конкурс по криптографии. Мероприятие пройдет в другом городе. Там я смогу организовать побег в спокойной обстановке, без постоянного риска, что меня раскроют. Туда приедет брат»

«- Брат — это топ! Но я буду скучать здесь одна:(:(»

«- Вернусь через несколько дней»

Она гладила щеку Марата, и тонкая кожа его шрама обостренно чувствовала прикосновение, аж поднялись волоски его на руках.

«- Знаешь, что я придумала? Я буду писать тебе бумажные письма, как в старые времена)))»

«- Можем же просто созвониться)»

«- В том и дело, что просто...»

«- Тогда буду ждать писем) Ладно, иди»

Наташа отвернулась, но Марат успел удержать ее прежде, чем повернулась щеколда дверцы. Обернувшись с ироничной миной, она поцеловала юношу на прощание. Марат, улыбаясь, нажал кнопку смыва. Под крышечкой зажурчала вода, Марат повел бровями и постучал по виску указательным пальцем. Наташа кивнула и вышла.

После занятий Наташа зашла на трибуну амфитеатра расслабиться и послушать музыку. На подмостках ребята из театрального кружка репетировали сцену в кабаке. По сюжету посетители

выпивали по стаканчику в баре после работы, однако, их надежды на спокойный вечерок разбил ворвавшийся бродяга, пьяный в хлам. Исполнявший роль парнишка был правдив в образе и забавен, он падал, выкрикивал колкости и сыпал многозначительными афоризмами. К Наташе подсел человек. Она повернулась к пришедшему, продолжая смеяться над представлением, и обалдела:

- Боже... Марат, что произошло?

Лицо юноши покрывали жуткие ссадины, верхняя губа была напрочь разбита с подсыхающими бордовыми поймами под носом.

- Твой бывший ухажер подстерег по пути.

- Сукины дети! – сказала она, затем открыла рот от ошеломившей мысли: - Они живы?

- Конечно, да. Я не сопротивлялся, чтобы не обнаружить своего умения. Забыла? Я вынужден оставаться пугливым болваном, чтобы поддерживать легенду, что мне промыли память.

Совсем не боясь испачкать одежду, Наташа прижала чумазую голову Марата к груди и принялась поглаживать волосы, вынимая запутавшиеся комки грязи.

- Ничего, - сказал он, - возьму заживляющую мазь в медпункте, и к утру следов не останется.

- Надо было убежать.

- Тогда я бы привел Давида сюда.

- А бежать в другое место не подумал?

Наташа улыбнулась и поцеловала разбитую скулу. На губах остался вкус его крови.

- Я уезжаю завтра утром. Тебе придется быть осторожной с Давидом. Во время драки я повредил засранцу колено, но ему по-прежнему по силам подгадить тебе словами, - сказал Марат.

- Хорошо. Как приедешь, научишь меня приемчикам, чтобы в случае чего я смогла навалить этому придурку.

- Честно хочешь? Я и сам хотел предложить.

- Хватит о Давиде. Давай просто посидим и посмотрим пьесу.

Марат положил голову на Наташины колени, мягкие и упругие, под тонкой тканью летнего платья. Щурясь от света уходящего солнца, он прикрыл левый глаз, отчего казалось будто актеры играют на девчоночьих коленках. Боль, а что боль... Марат сладко улыбнулся, потерся щекой, укладываясь поудобнее, и закрыл глаза. Он чувствовал запах ее кожи, разбавленный в прохладном сумеречном воздухе. Над ухом зажужжала муха. Заботливая ладонь прогнала надоеду и ласково опустила на плечо.

Заголовок: «Клонирование – спасение человечества или последний гвоздь в гроб?»

В сенате вновь разгорелись дебаты о правовом статусе человеческих существ, полученных посредством клонирования. Сенатор от провинции Палестина в совместном заявлении с представителями Леванта и Галлии констатировали, что за последние пять лет на черном рынке выращено порядка четверти миллионов людей-клонов. «Покуда мы откладываем решение этой проблемы, все больше клонированных людей нарождаются в мире без правового статуса и охраны государства. Более того, созданные вопреки официальному запрету, бесправные создания с одной стороны становятся жертвами хозяев, которые используют их в качестве рабов и боевиков, и с другой страдают от произвола и агрессии полиции. Пора определиться с местом клонов в обществе!» - заявил исландский сенатор.

Японский и Чилийский сенаторы единодушно требовали уравнивать статус клона с естественнорожденным человеком. Аравийский представитель прервал выступление и разразился негодованием, упрекая коллег в лоббировании интересов мафии, которая получает колоссальные барыши на подпольном производстве и продаже клонов. «Посмотрите на клонов, на эти искусственные порождения развратных умов! Преступность создает их физически совершенными,

привлекательными сексуально, неестественными, противными перед лицом победившего человечества. Сделайте клонов равными людям, и вы дождетесь второго геноцида человечества, на этот раз руками наших творений», - заключил сенатор от провинции Сибирь.

- Всем привет, это снова Маша Фэшн. В этом ролике я приехала в Вюр-тем-берг-скую психиатрическую лечебницу. В прошлых видео я рассказывала, что здесь лечатся наши уважаемые ветераны. Я признательна за полученные комментарии. Мне важна ваша поддержка - моих подписчиков...

В кадре на лавочке под крышей деревянной беседки сидел человек лет пятидесяти. На его сгорбленной фигуре висела белая мягкая пижама. Лицо апатично заплыло, и глаза пустые, как у куклы. Камера затряслась, затем справа появилась весьма миловидная девушка в брендовой одежде с модной прической. Ее лицо и тело покрывала краска под голубой металлик – алиен-стайл, главный тренд молодежи в текущем сезоне.

- Зарасти... - протянула она и села рядом с мужчиной.

Ветеран пролепетал нечто малочленораздельное, не отрывая взгляда от ладоней, примерно сложенных на коленях.

- Ребята – это мегачеловек, своими руками, ножами там, ракетницами забил насмерть полсотни пришельцев. В последней драке он потерял всех-всех бойцов, но не побежал, а остался и перестрелял врагов. Грэг, его зовут Грэг, расскажите подписчикам, как вы крошили пришельцев.

Мужчина принялся тихим голосом, словно извиняясь, рассказывать о сражении под Валахией, которое знаменовало окончательный разгром оккупационной группы сил пришельцев в Европе. В том сражении за несколько дней погиб не один миллион человек.

- Послушай, - она утерла слезу и подняла голову ветерана, тем самым заставив его впервые посмотреть на нее, - ты не одинок...

Мужчина выпучил глаза и дико завопил. Затем вскочил, нанес блогерше несколько сокрушительных ударов в корпус, затем вырвал челюсть и размозжил голову о железные перила беседки. На этом ролик кончается.

Название видео: «Телка нарядилась пришельцем и пришла к контуженному солдату. Смотреть до конца, жесь»

- Трагически увенчалась закрытая вечеринка «The end comes, fuck it». Событие произошло ночью в центре Новых Хельсинок в одном из самых популярных клубов города. Как стало известно, все триста с небольшим гостей мероприятия употребили тяжелые вещества, среди которых значилась айяуаска, LSD, DOB и мескалин. К утру во время группового трипа несколько человек убили себя, что событие запустило цепь массовых самоубийств. Когда в здание ворвались спасатели, в живых остались лишь те немногие, кто был без сознания. Мэр города назвал вопиющим очередной случай группового суицида. Несколько часов назад в сети появился ролик религиозно-террористической секты, отчленившейся от адвентистской церкви. В целях безопасности мы не будем называть организацию. Лидер группировки возвестил, что погибшие в Хельсинках, есть агнцы, пророчествующие через смерть о близком окончании конца света, который, по их мнению, начался во времена нашествия инопланетян и завершится, когда человечество вымрет полностью. Фанатики заявили, что они тоже не намерены откладывать божий промысел и совершили самоубийство, удушившись затынутыми на голове пакетами. Ссылка на ролик под выпуском, - сказала репортер прямого включения. - На прямой связи с нами арт-директор печально отметившегося этой ночью клуба.

Изображение поделилось пополам – на первом отображалась журналистка с места происшествия, а на втором появилась понурая женщина в объёмной водолазке.

- Урсула, как так случилось, что в вашем популярном заведении погибло столько народу? – спросила журналистка.

- Я не хотела этого... - сказала женщина, и ее щеки омочились горькими слезами.

- Как вы допустили попадание на вечеринку наркотиков? Почему не сработала охрана?

- Планировалась обычная deer house party. Наркотики не могли попасть с главного входа, фейс-контроль всех тщательно досматривал. Мы не отрицаем ответственности, но вещества наверняка принесли гастролирующие артисты.

- Ваш директор числится в списке погибших...

- Я... я... хватит, все это слишком для меня, нам не выбраться...

Женщина в кадре вынула пистолет и, прислонив его снизу к подбородку, выстрелила.

- Выключай трансляцию! – закричала ведущая, когда кровавые ошметки обдали второй экран.

Пастор с кафедры: «Важно держаться и верить! Я повторяю, держаться и верить! Совсем скоро Спаситель вдохнет любовь в греховные чрева жен наших». Прихожане трясутся в экстазе. «Аллилуйя! Аллилуйя!»

Запрещенная на планете сепаратистская организация «Фронт независимой Персии» захватила курдистанский округ. Правительственные войска готовят ответный удар. Генерал Прайс заявил на брифинге: «Сепаратисты заняли несколько сельских общин, не стоит преувеличивать угрозу. Основная проблема, с которой сталкивается армия – партизанская тактика. Противник долго выгадывает время удара, ждет, когда мы максимально не готовы. Вы ведь понимаете, что поддержание постоянной повышенной боеготовности стоит нашим солдатам нечеловеческих усилий. Бывают сбои. Именно этим и пользуются враждебные силы.»

До полчетвертого ночи Наташа блуждала по просторам глобального интернета не в силах остановиться, ее поразило увиденное.

«- Что ж ты писем не пишешь?»

«- Я второй день не могу отойти:»

- Мир сошел с ума!»

«- Он в него не приходил»

«- Приезжай скорее, мне тяжело справляться в одиночку»

«- Нужно было повременить со взломом твоего браслета до моего возвращения.

- Не подумал :»

- Держись!!»

«- Целую :-*»

- У тебя все хорошо?»

«- Да, увиделся с братом. Пока по плану. Скоро, совсем скоро...»

«- Ты все еще не открыл плана.

- Нам нужно поговорить!»

«- Непременно! :)»

9

- Наташ, подожди. Я так больше не могу...

- Верочка? – сказала Наташа, остановленная Верой в фойе школы. - Что случилось?

- Давай начистоту. Мы знакомы сколько я себя помню, и всегда были самыми близкими друг другу людьми.

- Да... - настороженно ответила Наташа.

- Последнее время ты будто меня избегаешь. Едва я подойду, ты удираешь, ссылаясь на дела. Я же вижу: что-то происходит. Скажи, я обидела тебя?

- Фу, ты! Глупышка, ты же моя лучшая подруга, - сказала Наташа и обняла Веру. – Просто, все как-то закрутилось после приезда Марата. Постоянно суматоха. Блин... я уже подумала, что у тебя неприятности.

- Выходит, ты счастлива... с ним?

- Да. Сперва было неловко из-за возраста, ну знаешь, что он младше меня. Теперь я узнала его получше и ... стало не важно. У тебя-то чего нового?

- Иногда бывает одиноко. Наверное, еще не привыкла к новому стилю жизни. У тебя раньше тоже были отношения, но ты не носилась за бойфрендами днями напролет.

- Милая моя, я обещаю что-нибудь придумать, и после Дня школы мы оторвемся. Прости, мне правда пора.

Наташа чмокнула Веру и растворилась в потоке школьников. Какое-то время Вера смотрела на место, где только что стояла ее подруга.

В недели до праздника жизнь Наташи наполнилась вихревой суетой с перерывами на сон. За завтраком больше некогда было задумываться о наличии аппетита или о вкусе еды. Наташа быстро сметала, что бы ни дали, и бежала на встречу с Маратом, которая проходила как инструктаж. Обычно он на ходу подхватывал локоть Наташи, не важно куда она шла, и давал короткие указания на день: найти то-то, понаблюдать за тем-то, изучить такие-то сведения. Затем исчезал так же стремительно, как появлялся. Едва Наташа успевала выполнить основные поручения, как требовалось мчаться на занятия. Поскольку она считала, что никакие планы не должны повлиять на успеваемость, то приходилось учиться с надрывом. Обед проносился без снижения темпа, как и завтрак. Вместо послеобеденного досуга Наташа приходила в зал самоподготовки и готовила речь. Занятия второй половины дня сменялись репетицией вальса ко Дню школы, где Наташа с Маратом обсуждали достигнутое за день и по ходу танцевали. Дневная беготня с лихвой окупалась вечером, когда можно было побыть вдвоем без спешки. К концу дня сил скрывать отношения попросту не оставалось.

Марат тоже не тратил время попусту. После возвращения в нем умножилась внутренняя энергия. Он видел цель, знал срок, а главное понимал, как воплотить задуманное. Недавняя поездка на олимпиаду по криптографии показала дирекции серьезные намерения юноши встать на правоверный путь ученика Forest Nest. Обретенный статус необходимо было поддерживать, Марат старался во что бы то ни стало завоевать доверие преподавателей, чтобы через это ослабить надзор. Марат деятельно влезал в любую сферу школьной и внеклассной жизни, в которой обладал способностями и имел возможность реализоваться в сжатые сроки.

Как-то Наташа шла на обед и увидела Марата наедине с учителем физики. Меж ними завязался спор о предмете, изучаемом на несколько классов старше. Оппоненты кружили вокруг мячика в полметра диаметром, видимо в центре находилась визуальная модель в дополненной реальности. Попеременно махая руками, они двигали незримые предметы. Закончив диспут, учитель с уважением пожал руку юному протезе и ушел в достаточно пространное напутствие. Марат встретился взглядом с Наташей и лукаво подмигнул.

- Физик предоставит мне доступ к лаборатории во внеучебное время, так что я смогу собрать одну вещь в перерывах между конструированием вестибулярной платы для его робота, - объяснил он позже.

Наташа удивилась, когда наткнулась на анонс выставки Марата Капетуа в списке мероприятий ко Дню школы. «В экспозиции будут представлены работы юного художника, навеянные

творчеством Гогена», - сообщалось в аннотации. На ожидаемый вопрос Марат с иронией ответил:

- Рисовать достаточно просто, если умеешь чертить, составлять карты местности и обладаешь глазомером. Стиль можно заимствовать, в моем случае у Гогена. От себя я добавил яркости.

- Умеешь же ты приземлить.

- Ну ладно, может, я прибедняюсь из скромности, - улыбнувшись сказал Марат.

Было бы несправедливо сказать, что каждый вечер парочка миловалась в тени деревьев. Как было обещано, после возвращения Марат начал тренировать Наташу основам самозащиты. Разумеется, со стороны Марата было бы нелепо надеяться на то, что за пару недель из никогда не занимавшейся прежде единоборствами девушки получится сделать более-менее приличного бойца. Марат учил лишь тому, что могло пригодиться в крайнем случае: уходам от захватов, броскам, способным нивелировать разницу весов девушки и соперника, и ударам, которые возможно нанести без особого умения, но эффективно выводящих противника из боя.

Новые техники Наташе выдалось скоро опробовать. Как обычно, засидевшись с Маратом, Наташа вернулась в жилой блок незадолго до отбоя. Наташа принимала душ, когда внезапно шторка кабинки одернулась. Пред ней предстал Давид. Он надеялся застать девушку в уязвимом положении, когда она обнажена и не сможет убежать. Принялся унижать. Наташа не растерялась. Руганью она отвлекала внимание, а меж тем потихоньку лила за спиной гель для душа, который потоком воды выносило под ноги обидчика. Едва содержимое кончилось, она швырнула пустой флакон Давиду в лицо. Пользуясь секундным замешательством, Наташа ухватила за края стенок кабинки и подсекла ногой его голеностоп. Давид поскользнулся и шлепнулся на мокрый кафель, сильно ушибив голову. Поверженный и униженный Давид хотел ответить, но к тому моменту Наташа намотала полотенце на кулак и точными ударами сломала ему нос и выбила передние зубы.

- Еще раз окажешься рядом, и я тебя нахрен прикончу!

Распутав кисть, она швырнула полотенце в израненную физиономию Давида. Наташа неторопливо надела белье на мокрое тело и взъерошила волосы, затем с выпученными глазами она выскочила из душевой, истошно крича: «Помогите, в душевой разбился Давид, ему нужна помощь! Кто-нибудь...!»

В последний вечер накануне Дня школы Наташа и Марат пошли к месту, откуда завтра предстояло совершить побег.

Участок продуктового склада не просматривался камерами. Ребята узнали это промониторив систему с помощью взломанных браслетов. Три дня они попеременно наблюдали за работниками склада. Выяснилось, что складские повредили камеры с черного хода и сговорились с нечистыми на руку охранниками, чтобы воровать посуду и продукты. По слепой зоне от склада следовало пройти сотню метров по газону, тогда можно попасть в лес, где стояли датчики движения, образовывавшие линию границы территории школы. Устройства брались в расчете на крупные объекты вроде человека или зверя, а небольшие свертки ворованного не отображались на компьютерах системы охраны.

Марат положил рюкзак со снедью и походной одеждой в небольшой овраг и прикрыл его ветками. Припасы послужат спасательным кругом на случай, если брат не сумеет подобрать на машине на трассе в паре километров по холму от школы. Браслеты Марат перекодировал таким образом, чтобы в назначенное время координаты его и Наташи исчезли с локаторов охраны.

До отбоя оставалось часа три, влюбленные не торопились обратно и разлеглись на траве в сумраке среди деревьев.

- Завтра наконец мы станем свободны.

Наташа лежала на боку, заложив руку за голову, и как-то по-особенному смотрела на Марата.

- Волнуешься? Я тоже, - сказал он.

Он повернулся и погладил Наташу по щеке.

- У тебя таинственный взгляд, - сказал он.

- Я люблю тебя. Хочу запомнить это чувство и момент.

Густая пелена волос отсекала холодные кроны в сумеречном небе от пробужденного микрокосма, напоенного нескончаемым поцелуем и теплотой порывистого дыхания в ритм исступленного сердца возлюбленной, бьющего в напряженную грудь юноши. Испытывая приятную тяжесть девичьего тела, Марат вглядывался в милые черты. Ему впервые открылась женственность неотрывно взирающих глаз. Наташа чувствовала, как сокращаются мышцы его пресса от прикосновений прохладных пальцев. Его губы немного подергивались, а ладони скользили все ниже, Наташе было щекотно, но как-то по-иному. Под юбкой Марат чувствовал мурашки на коже стискивавших его бедер. На миг ее пальцы исчезли, но холодок еще оставался; и он глубоко вдыхал, словно больше не сможет, когда ощутил, как непринужденно освободилась пуговица его джинсов. Сердце Марата готовилось вырваться наружу. Ему казалось, что о лучшем нельзя и мечтать. И насколько же он в тот момент ошибался...

Марат валялся с глупой улыбкой и слушал трели кузнечиков. Насыщенный свежестью воздух бодро проникал в легкие. Наташа вышла откуда-то из-за головы и села у ног. Марат ее поцеловал прохладные ступни, протянутые к его подмышкам.

- Ты ведь соврал о заморозке детей и обо всем с этим связанным.

Он кивнул

- Я видела ролики в интернете. Эти теории - фантазии свихнувшегося на конспирологии чувака.

Марат открыл рот, желая ответить, но Наташа продолжила раньше:

- Хочешь знать, для чего я тебе помогаю? Ты необычный. Внешне спокойный, но в то же время способный на любые поступки, когда потребуется. Знаешь, я до чертиков испугалась, увидев, что ты творил той ночью. Вместе с тем, увиденное открыло во мне потаенную дверцу. Обидно, но я до сих пор не могу осознать умом перемены, лишь чувствую, что не стану прежней. Я думаю, что разгадала причину, отчего ты так мечтаешь о побеге. «Золотое поколение». Ты понял, что взрослые здесь, за забором, никогда не отпустят тебя насовсем. Мы принуждены жить в заточении, скрываемом под маской попечения. Когда наступит время покинуть школу, ничего не изменится. Нас продолжат опекать, и до смерти мы будем в фокусе наблюдения. Как ты сам говорил: «Слишком ценны, чтобы зарывать в землю». Конечно, власти оправдаются заботой. Насильственные объятия, пусть даже любящие, лишают свободы. Большинство устроит жить под надзором, после школы нас наверняка обеспечат хорошей работой и жильем, мы никогда не познаем нужды. Личная жизнь тоже сложится. Мы обречены быть вечно любимыми лишь за то, что мы есть. Однако, пусть золотая, но все же клетка. Повторю, что не понимаю тебя логикой, но знаю, ты вправе стремиться на волю. Оттого и помогаю. Наверное, оттого и полюбила.

10

Наташа встретила наступление Дня школы со смешанными чувствами далекими от радости. С утра ей требовалось согласовать участие в ключевых мероприятиях, выслушать наставление директора насчет выступления, подобрать идеальный образ и сходить в ателье, чтобы удостовериться, готово ли бальное платье. Шутка ли, появиться перед целой школой. Пару раз Наташа прогнала перед зеркалом речь, впрочем, как подобает прилежной ученице, она давно выучила ее дословно. Волнение от грядущего сливалось с воспоминаниями о вчерашней ночи,

ведь морально и телесно она перешла в новое состояние, это било в голову похлеще шампанского. Она злилась, что Марат до сих пор не позвонил. Да, он посылал сообщения, да, он с головой ушел в проведение выставки, и наверняка переживал из-за предстоящего побега, и все же он мог позвонить. В общем, Наташа сумела показаться на основной площадке празднования не ранее обеда.

По пути к Центру изобразительных искусств, где выставлялся Марат, Наташа заглянула в павильоны. К примеру, ее внимание приковала площадка группы учеников из Общества юных техников. Они демонстрировали роботизированный комплекс, строящий здания и всевозможные конструкции из подручных ресурсов. Машина действовала совершенно автономно. Конечно, стройматериалы приходилось закладывать вручную, но как объясняли создатели, если разработать простую систему подвоза и загрузки материалов, то аппарат будет способен действовать без вмешательства человека. Руководитель проекта Марк Виллиелли, ученик Г-17, хвалился, что администрация провинции собирается выделить грант на разработку подобных машин, чтобы в будущем использовать их в градостроительстве.

В парке Наташа посмотрела показ мод школьных дизайнеров. Однако там она нашла мало интересного. Подиумом ожидаемо правил стиль аalien, который Наташа находила жутко непрактичным - краска на теле вызывала воспаления у подростков, вдобавок в ней было до ужаса жарко и некомфортно. Жесткие хитиновые элементы в одежде, трендовые в настоящем сезоне, на взгляд Наташи походили на доспехи, хотя некоторые задумки модельеров ей приглянулись.

На стадионе обыденно бегали, играли, упражнялись со снарядами. Соревнования интересовали Наташу, если только болеть за команду класса, что требовало времени, которого не было.

Запахи специй и урчащий желудок заманили Наташу под купол кулинарной площадки. Вот уж действительно полезное искусство: и посмотреть приятно и отведать вкусно. Одни соревновались в новом прочтении знакомых блюд, другие, напротив, спорили чей рецепт самый аутентичный и правильный.

- Саша, рецепт этого жульена ты взял у пришельцев?
- С чего ты взяла?
- Аромат внеземной!
- Ха-ха, спасибо, Наташ.

На выставке картин было не протолкнуться. Заложив руки за спиной, Марат в клетчатом пиджаке с богемной миной и полуопущенным веками принимал восторженные отзывы.

- Какие цвета! – говорила одноклассница.
- Это осины за Третьим жилым блоком. Не смог удержаться, чтобы не запечатлеть игру света на холсте.

- Маратик, ты гений!

Девушка обхватила Марата, за плечами которой он увидел пунцовеющую Наташу.

- Прости, мне надо отойти, - сказал он, отстранив одноклассницу.

Марат подошел к нахмурившейся Наташе.

- Привет, выглядишь потрясно! – сказал он.

- Ты, я вижу, времени зря не теряешь, - съязвила Наташа.

- Ты про Машу? Не смей меня. Как ты?

Наташа демонстративно поцеловала Марата в щеку, заботливо вытерла пальцем след от помады и, взяв под руку, отвела в сторону.

- Волнуюсь. Вчера... - она замялась и склонив голову спросила: - Я тебе по-прежнему нравлюсь... сегодня?

- Нет слов, чтобы высказать, насколько!

Улыбнувшись, он погладил Наташину руку.

- Мне немного больно оттого, что к ребятам приехали родители, а ко мне нет, - сказала Наташа.

- У меня есть ты, у тебя я.

- Конечно. С моей стороны бессовестно роптать, когда у тебя...

- Не нужно...

- Прости, я уже извелась. Еще выступление... А все ты!

- Я?

- Директор поручил готовить речь, чтобы я отвлеклась от ночного побоища.

- Я думал, он доверил тебе произнести речь потому, что ты самая лучшая ученица в школе.

- Ну, поэтому тоже... Конечно, поэтому! Ой... Говорю же, измучалась вся.

- Волнуешься из-за вчерашнего?

- Да! Понимаешь... я... ну, не... это все... я... - она выдохнула, - кажется люблю тебя. Ты в этом пойдешь на танец?

- На мне будет черная двойка, тебе понравится.

- Надеюсь это будет просто убийственный образ! Ай! – сказала Наташа, прикрыв губы ладонью. - Прости.

- Ничего.

- Уже полчетвертого, мне пора в амфитеатр готовиться! Я буду тебя ждать.

Наташа огляделась по сторонам и чмокнула Марата в губы, затем пошла к выходу, на пути несколько раз обернувшись.

«Встречайте, директор школы Forest Nest - Михаэль Фэльман!» - разнеслось из колонок. Директор положил ладонь на плечо Наташе, приободряя ее напоследок, и вышел из-за кулис под шквал аплодисментов. Правая трибуна амфитеатра, которую Наташа видела, была заполнена до отказа. В свете прожекторов было светлее, чем днем. Директор стоял, дожидаясь пока овации стихнут, затем еще с полминуты он оглядывал трибуны, тем самым разогревая нетерпение слушателей. Он начал выступление не с громкой фразы, дабы не перепугать притаившуюся аудиторию, а ласково поблагодарил за приветствие. Затем, когда собравшиеся привыкли к звуку его голоса, он начал восторженно:

- Дорогие дети, ученики Forest Nest, уважаемые преподаватели и работники школы, я поздравляю вас с тринадцатой годовщиной создания школы! С днем рождения нас!

Овации.

- Вначале, я хочу поблагодарить учеников, да, именно вас, дети, за то, что вы у нас есть. Ведь современные здания, самые квалифицированные учителя, да и я сам потеряли бы смысл без вас, любимые дети. Вы то, что поддерживает искру в нас, взрослых, вы - это та причина, почему я встаю каждое утро с постели. Я счастлив видеть каждого ученика. Пока в этих стенах живут дети, остается надежда на будущее!

Трибуны аплодировали стоя. Директор присоединился к публике, но похлопав, он поднес палец к губам и поднял руку, требуя внимания.

- Наше теплое и трепетное отношение к вам, дети, вызвано тем, что мы, учителя, осознаем груз ответственности, взваленный грозным столетием на ваши плечи. Обычно говорят «хрупкие плечи», но я умышленно опустил эту характеристику. Я вижу умных, атлетичных, разносторонне развитых и готовых к жизни, более чем были мы юном возрасте, мальчиков и девочек. За это я прошу воздать должное учителям, самозабвенно отдающим себя вашему достойному будущему. Читайте и сохраняйте обретенные навыки и наставления! И, если на то будет воля providения, передайте потомкам!

Зал вновь поднялся в восторге.

- Теперь о грядущих планах в учебном году...

Нервы Наташи играли фламенко, и она не могла внимать выступлению, трепеща перед скорым оглашением своего имени на весь амфитеатр. Глубоко дыша, она силилась успокоиться, в воображении взывая к Цицеронову таланту. Воображаемый оратор подошел и подобно директору положив руку на плечо сказал: «Ты готова, сделай их!»

- ... Наташа Медведева, наша лучшая ученица, скажет приветственное слово от учеников!

Она вздрогнула, прощаясь, кивнула в ответ воображаемому сенатору и, сжав ягодицы, уверенной походкой вышла на сцену.

Отчетливый перестук каблуков по настилу улавливался аппаратами захвата речи, установленными на сцене, и усиленный через колонки, звучал как удары в барабан. С последним самым звонким, девушка остановилась. Все было решено, страх рассеялся. Наташа оглядела зрителей на манер директора, но выжидать не стала:

- Война закончилась, когда мне исполнилось три. Мой папа, как и ваши отцы с матерями, сражался на фронте, поэтому я не так хорошо его помню. Зато я отчетливо запомнила ужас и отчаяние первых лет жизни. Я попала в Forest Nest в четырехлетнем возрасте. Нас, диких трясущихся детей, собрали в класс Б-4. Б-16, я приветствую вас! – воскликнула Наташа, взмахнув рукой. – Мы боялись, оттого что с самого первого вздоха не видели ничего кроме боли и смерти. Основным, поразившим меня в школе, были счастливые дети, которые здесь учились. Первая реакция – обида и зависть. Я полагала, раз местным обитателям не ведомо горе, значит во время войны они отсиживались, пока я страдала.

По прошествии лет я узнала, как получилось, что дети способны радоваться жизни, и увидела, сколько титанических усилий приложили учителя, чтобы излечить наши души. Преподаватели не прибыли с далекой планеты, они пережили вторжение, многие воевали, теряли близких, дома, города, но они превозмогли внутреннюю боль, чтобы помочь нам освободиться от нашей. Они не атланты, но люди! И они смогли. Низкий поклон вам.

Когда я начинала школьный путь, комплекс только строился. Сегодня это целый городок мечты! К сожалению, через четыре года школа закроет свои двери, когда выпуск «Золотого поколения», детей последнего года рождения, покинет эти стены. Не стоит грустить. Я хочу сказать директору Фэльману, что мы обязуемся нести дух Forest Nest, куда бы ни направил нас путь. Давайте пообещаем помочь миру излечиться от боли так же, как излечили нас. Мой отец сейчас в космосе ищет спасение человечеству в одной из сотен экспедиций. Среди них и ваши отцы. Будем же верить в родителей и будем преданы обещанию! – крикнула Наташа и потом неслышно: - Потому, что мир задыхается...

Овации не смолкались так долго, что казалось, сама речь была короче. Наташа вздрогнула от неожиданности, когда на ее плечи легла рука директора. Он одобрительно кивал, улыбаясь.

- Прекрасные слова! – сказал директор. – На возвышенной ноте, я счастлив объявить начало праздничного вальса!

Дети хлынули со мест на арену амфитеатра. Марат вышел из толпы и, как сказочный принц, поднялся по ступеням на сцену в восхитительном костюме. Директор, отыгрывая отца, под руку подвел Наташу и передал юноше. С загадочной улыбкой директор проводил пару взглядом, затем дал знак к старту музыки. Ребята из оркестра заиграли Штрауса «Прощание с Петербургом» и многочисленные круги, образованные парами, завертелись в танце.

- Сильная речь! Ты держалась удивительно свободно, не думал, что выступать на огромную аудиторию обычное для тебя дело.

- Брось ты, это со страху. Я так переживала, что в момент выхода на сцену, у чувств выбило пробки, и я говорила, скользя по волне.

- Ну вот и все. После танца начнется салют, и мы скроемся под шумок. Ты принесла вещи?

- Да, они в лесу в схроне с рюкзаком.

Марат заулыбался и поцеловал Наташину руку. Музыка кончилась.

- Идем? – спросила Наташа.

- Подожди, у меня есть кое-что для тебя.

Он достал из внутреннего кармана рисунок размером с блокнот и протянул Наташе. Это был ее портрет. Наташа изображалась, как девушка, обернувшаяся от прикосновения к неприкрытой спине. Чуть парящие волосы перекликались с палитрой луга. Образ получился свежим в желто-зеленых тонах. Наташа прижала подарок к животу и обняла Марата. Грянул салют.

- Бежим! – задорно шепнул Марат.

Добравшись до леса, он быстро сбросил пиджак, сменил брюки и туфли на походные штаны и ботинки. Торопился, но в то же время не отказал себе в удовольствии полюбоваться, как цветные вспышки в небе озаряли тело возлюбленной. Наташа переделалась и затянула уложенные волны волос в хвост. Марат погрузился в виртуальную реальность.

- Так, система видит, что мы порознь гуляем по территории, - сказал он, отключившись.

Вдруг со стороны продуктового склада темноту разрезали лучи фонарей.

- Сюда! – кричали с лужайки перед лесом.

- Уходим! – шепнул Марат и потянул Наташу за собой.

Они побежали к линии датчиков. Когда пересекали границу, Наташа прыгнула Марату на спину, чтобы система обнаружила лишь один объект, нарушивший периметр.

Бежали под гору, почти на лету, едва успевая подставлять ноги. Марат ощущал силы рвануть еще быстрее, но боясь за Наташу, держался на пяток метров позади. Нащупав след, охрана с шумом гналась. Лучи рыскали кругом. Огибая массивные дубы и перепрыгивая поваленные стволы, Марат видел во мраке электрические всполохи шоковых зарядов, выпускаемые преследователями из шестиствольных ружей. Уверенный в превосходстве над тяжелыми мужчинами, в кураже погони Марату грезилось, что вот-вот из-за деревьев покажется машина брата и умчит его с возлюбленной в прекрасную жизнь... Вдруг Наташа остановилась.

- Ты чего? Они совсем рядом. Осталось недалеко, у шоссе прыгнем в машину и нас не догонят, - с нетерпением выпалил Марат, еле сумев сбавить ход.

- Нам не убежать вместе! Охрана догонит и отключит шокерами. Беги один!

- Нет!

- Я задержу их! Разве ты не предчувствовал, что все закончится именно так? Я выдержу в школе, ты нет. Уходи же! Умоляю!

Марат кинулся к Наташе, но она увернулась и вытолкнула его вниз по склону.

- Это не конец! Уходи... любовь моей жизни, - улыбаясь, сказала она.

Наташа бросилась навстречу охране, Марат от них. Он заметил, как лучи фонарей принялись беспорядочно дергаться во всех направлениях. «Кое-чему научил», - пронеслось в голове. Остаток дистанции по пересеченной местности далась Марату с его подготовкой, как стометровка. Брат не подвел. Джип с выключенными фарами поджидал в назначенном месте. Марат залез на заднее сидение, и они быстро помчали вперед.

- Подружка образумилась?

- Она там. Больше ничего не спрашивай.

- Благоразумная, не то, что ты.

- Что ж тогда приехал за дуралеем-братцем?

- Остынь! Лучше заберу я, чем ты в одиночку будешь прорываться неизвестно куда. Вот, держи.

Брат швырнул карту-документ.

- Теперь ты Макс Шмит. Изучи данные о новой личности. Кстати, поздравляю с восемнадцатилетием!

«... Вот уже целый год я пишу в пустоту на твой старый электронный адрес. Как я корю злую судьбу, когда пообещала в шутку писать письма... Прочтешь ли? Я так хочу узнать, как ты устроился в Орлеане, чем занимаешься, но мне даже не известно добрался ли ты к брату в ту ночь. С той поры о тебе нет вестей. Это может означать, что тебя поймали и перевели в новую школу, либо тебе удалось. Каждый день я сожалею, что не смогла дойти до конца, но меня греет мысль, что я помогла тебе осуществить мечту, и ты, наконец, свободен. Пусть вера в счастье наивна, как и надежда на внезапное спасение человечества, но я продолжу уповать вопреки терзаниям в груди. Верю, что встретимся вновь. Прости за повторения из письма в письмо, но бесконечный год день за днем я живу лишь памятью. Если бы письма писались на бумаге, ты бы ни словечка не разобрал, ведь чернила расплылись бы от слез. Я выдержу, вспоминая твои глаза накануне Дня школы. Скоро, совсем скоро...»

Площадь перед зданием дирекции была многолюдна. Родители вернулись забрать домой выпускников. Всюду развешаны алые ленты, разноцветные шарики, играла легкая музыка. Директор Фэльман подошел к Наташе:

- Вот, еще один выпуск покидает нас. Как ты там пророчествовала, через четыре года школа закроется? Уже через два. Грустно, но не грусти, твоя жизнь только начинается. Я очень горжусь тобой и буду вспоминать с теплом.

Директора под локоть взял мужчина.

- Прости, нужно уделить время остальным. Не хмурься, все будет хорошо.

Наташа пошла в жилой блок. Вещи были давно собраны, правительство перечислило деньги на первое время лежали на счету. Пора уезжать. Веру уже успели забрать. Подруги клятвенно пообещали не порывать связь, но обе понимали, что это вряд ли выполнимо. Наташа сбросила платье и облачилась в удобные джинсы и майку.

Охрана у ворот сегодня особенно приветливо шутила с выпускниками и, если кто-то просил, служащие с удовольствием фотографировались, на прощание непременно желали доброго пути. На парковке в лабиринте из машин родителей выпускников, Наташа высматривала такси.

- Простите, вы кого-то ищете? – окрикнул усатый паренек.

- Мне нужно такси.

- Мадемуазель, вы уверены?

Она остановилась и растерянно посмотрела на паренька. Он подошел ближе. Резкий порыв ветра потрепал ус. С ухмылкой паренек подправил чуть сползшую растительность.

- Усы? Серьезно? – с ребячьей улыбкой произнесла Наташа.

Марат наклонил голову и прищурившись от сверкавшего солнца, рассмеялся в ответ:

- И это первое, что ты хочешь спросить?

Часть III. Кровь человека

1

- Груно, позвольте представить месье Лассалья, вора и душегуба!

- О, месье Шмит, наш следственный изолятор рад приветствовать такого уважаемого человека, как месье Лассаль.

- К сожалению, Груно, наш гость ненадолго задержится. Обвинение в ограблении булочной и убийстве бедного пекаря Мартена почти готово. Так что, поедет наш добрый Лассаль лет так на десять пилить лес в один из курортов Восточной Сибири.

- Какая жалость. Но месье Шмит, разве такому почтенному гражданину, как Лассаль, хватит столь малого срока?

- Прокурор говорит, что в суде придется побиться и за это. Сейчас господ преступников модно жалеть, ведите ли, людей остается все меньше и меньше...

- По мне, так меньше народу – и вина на рыло больше. Пардон.

- Ладно, Груно, оформляй клиента, мне еще в офис нужно.

- Ок, детектив. Может, подпустить в камеру слух, что он насильничал дочь пекаря?

- Пока не стоит. Я думаю, месье Лассаль не станет артачиться и от всего большого сердца поможет следствию. Верно же?

Макс и дежурный СИЗО Груно уставились на преступника, и тот закивал на пределе способностей шейных позвонков. Вскоре пришли вооруженные дубинками сотрудники и увели бандита в камеру.

В дополненной реальности пришла справка о приеме на содержание в изоляторе Жерома Лассаля, которую Макс завизировал нейроподписью и перенаправил в электронное уголовное дело. Пока он заполнял документы, Груно спросил, желая продолжить шуточный треп:

- Макс, объясни мне одну вещь. На кой ты гоняешься за бандюгами точно легавый пес вместо того, чтобы посылать оперативные группы, как поступают нормальные детективы?

- Эти дуболомы в балаклавах хороши только резаться в карты в расположении, поглощая немеренные объемы хереса! Не хочу отрывать их от почтенного занятия.

- На это они мастаки... Ну, а серьезно, зачем ты жертвуешь временем для семьи и сутками таскаешься по городу, рискуя собой?

- Ты что-то хочешь сказать?

- Ничего такого... так, поговаривают, что ты имеешь виды на место начальника следствия.

- Намекаешь, что я выслуживаюсь?

- Извини, по глупости ляпнул.

- Последнее, о чем я мечтаю, так это о кабинете начальника. Груно, как тебе объяснить... Лишь когда я работаю «в поле» и ловлю преступника вот этими вот руками, я чувствую не то чтобы радость, скорее прилив жизненных сил. В остальном же... - оборвал Макс и глубоко вздохнул.

- А ведь и правда, я вижу на твоем лице улыбку только, когда ты сдаешь очередного негодяя, - заметил Груно. - Проблемы дома?

- Что-то я заболтался, - Макс запахнул борт плаща, поднял ворот и собрался уходить, но потом повернулся к Груно и тихо произнес: - Оставим разговор между нами.

- Разумеется, Макс.

Детектив попрощался и направился к выходу.

Первая неделя ноября в Орлеане выдалась совсем теплой, температура редко опускалась ниже пятнадцати. Однако сегодняшний день предвещал такие себе выходные в плане погоды. Макс покинул следственный изолятор в солнечную, немного облачную погоду. Открывая же двери полицейского участка, он заметил несколько упавших на рукав капель. Хмурилось.

- Келли! Келли, чтоб тебя!

Адриан Келли - детектив, спавший за соседним от Макса столом, чуть не грохнулся со стула от внезапного крика. Над бедолагой навис начальник следствия капитан Ник Фирзли, невысокий франко-ливанец лет шестидесяти с пузом, глянцевым черепом и одутловатыми щеками. Пусть начальник выглядел, как продавец в пивной, он знал и умел делать свою работу. Однако сыскар-

ская жизнь неблагоприятна. Несмотря на то, что начальник всегда закрывал дела с полнейшей доказательной базой без недочетов, прокурор все равно мучал и заставлял исправлять ошибки, появившиеся в результате предыдущего исправления ошибок. Когда такое случалось, Фирзли пребывал в невыносимом расположении духа.

- Спишь на рабочем месте?!

- Что вы? Занимался документами, - ответил Келли, потирая отлежанную щеку.

Келли принялся оживленно рыскать по рабочему столу, который, как назло, был абсолютно пуст. В бумажный век легко было сунуть какой-нибудь документ начальнику, чтобы тот отвязался. Не чета современности.

- С закрытыми глазами? – рывкнул начальник.

- Мне так удобнее работать в виртуалке, глаза не сохнут.

- Чего ты мне яйца крутишь?

- И не думаю, месье капитан.

- Черт с тобой! Поступил вызов. На улице Видока труп, женщина. Вызывай машину и езжай на место, криминалисты уже там.

- Месье капитан, уже половина восьмого! Может, пускай полежит еще с полчаса, тогда поедет дежурный детектив.

- Поднимай задницу и тащись, пока я тебя скотомогильник не отправил осматривать!

- Я не могу... заболела жена!

- Она может хворать только триппером, который ты принес от очередной шлюхи.

- Вот это уже обидно, месье капитан.

- Ну ладно... Кому, по-твоему, ехать? Никого нет.

- Ммм... - Келли оглянулся по сторонам. – Вон, Шмит свободен.

- Макс? – Фирзли громко протянул имя.

- Да, шеф, я съезжу. Не проблема, - ответил Макс.

Злобно глядя на Келли, начальник вдарил кулаком по столу так, что подпрыгнули пустые кружки из-под кофе. Однако он вмиг остыл, удовлетворившись способностью проявить жесткость с нерадивым подчиненным, и умиротворенно зашагал в кабинет.

Макс вышел на улицу. Подтвердился недавний прогноз - моросил жиденький дождик. Служебный автомобиль вырлил из-за угла и остановился аккуратно напротив входа в отдел. Макс залез в пустой салон и отключил автопилот, захотелось порулить, это отвлекало от мыслей. Макс вообще старался не думать без нужды. Не то, что бы одолевали мрачные идеи, раздумья доставляли особого рода боль - мысли, как разогретые атомы бились о стенки черепа, не находя выхода. Поэтому Макс рулил и с безразличием тарачился на город сквозь лобовое стекло.

Путь пролегал из Сити через жилой сектор, где сотни коттеджей, отпечатанных строительными машинами под копирку, образовывали треугольные фракталы Серпинского, в которых урбанисты Орлеана почерпнули идеальное соотношение чередования жилой застройки, социальных объектов и парковых зон. Где-то там, в просторном доме жена тщетно ждет детектива к ужину. По привычке сунет блюдо в консерв-стазисный шкаф и снова ляжет в кровать одна, но так и не уснет, пока муж не приедет. И Макс это знал.

Макс взял вправо и выехал из полусонного района в промзону, в которой независимые автоматизированные производства никогда не спят. Нигде нет окон, ведь на заводах нет людей. Шум из огромных бетонных коробок походил на звучание улья. Машины действовали и обслуживали сами себя, колонны автопилотируемых супертраков завозили на заводы сырье, а маленькие грузовики распределяли готовую продукцию. Казалось, наступило прекрасное будущее мегафабрик без гнувшего спину пролетариата, но Орлеанская промзона неумолимо обрастала трущобами, нагроможденными ордой маргиналов. Сколько бы город ни нанимал охраны, сколько не устраивал рейды, бродяг меньше не становилось. Проблема заключалась в том, что

десятилетие как отпала потребность в ручном труде. Машины окончательно вытеснили людей из профессий, заключавшихся в исполнении день ото дня мускульной или офисной рутины. Некоторые переучились, но многие не пожелали. Так и перебивались случайными подработками, когда на фабрике случалась авария, и возникала острая нужда перетаскать что-либо, пока машины устраняли неполадки. Однако препятствием в задаче по расчистке трущоб послужило то, что костяк маргиналов составляли ветераны, к которым власть не могла проявить неуважение. Вторжение помнил каждый. И все же неприкаянные дембеля не стояли близко перед главной причиной, что подпитывала промзону порочной энергией. Гигантский камень преткновения, питавшийся горестями, возвышался горой над юго-западом города. «Презренный» - последний флагманский дредноут пришельцев, оставшийся на поверхности Земли. Сотню метров в высоту, три с половиной километра в длину, искореженный, покрытый множеством пробоин рассадник порока цвета окислившейся меди. Трижды мэрия размещала конкурс на разбор монстра, но каждый раз что-то срывалось. Макс видел объяснение в том же, почему не снесли Освенцим после Второй мировой войны – это связь с прошлым, и не важно, с каким она знаком. Именно из «Презренного» тридцать лет назад пришельцы выпустили вирус бесплодия.

Полицейский патруль обнаружил мертвую девушку в промзоне на улице Видока, около конторы, которая приторговывала старой мебелью и барахлом, и по совместительству работала местным ломбардом.

Макс прошел сквозь оцепление к месту происшествия и направился к криминалисту, который всю сканировал местность для построения 3D модели.

- Здорово, Робсон, рассказывай, - сказал Макс.

- Детектив, мое почтение. Убийство. По локализации следов насилия – наверняка сломали шею. Убийца действовал быстро, со знанием, точно не гопник. Девушка лет восемнадцати, может двадцати, рыжеволосая. Хорошо одета, но пальто, украшений и девайсов нет. Возможно ограбление, как мотив убийства. Хотя, скорее всего, девушку обчистили уже после смерти. Документов не нашли, по снятой биометрии в базе данных числится под именем Ника Деву - местная, живет на улице Дали, дом пятьдесят восемь.

- Не далеко от меня, могли даже видаться.

- Ну да, - усмехнулся криминалист. – Так, из примет: шрам на лодыжке, микроследы от маммопластики. Есть татуировка на внутренней стороне нижней губы – три звезды, одна в другой. Очень любопытная особенность.

- Почему?

- Чрезвычайно сложно наколоть на таком участке. Кожа невероятно тонкая, а под ней слюнные железы, которые легко ранить и воспалить. Весьма кропотливая работа. Принимая в расчет локализацию нанесения, предполагаю, что это некий знак для своих.

- Новая субкультура?

- Возможно, но сомневаюсь, что клонам есть дело до подобной ерунды.

- Уверен? С виду обычная девушка. Пупок есть, шрамы...

- Допустим пупки сейчас делают даже в занюханных фермах, где выпускают биомассу за место людей. А эта девчонка высший класс.

- Крайне нетипичная внешность.

- Вот и я об этом. Подпольные лаборатории издают обновленные ДНК обычно раз в сезон. Поэтому морг постоянно завален близнецами... Оригинальная внешность стоит дорого. Смущает только операция по увеличению груди. Если покупатель заплатил за уникального клона, почему сразу не заказал нужный размер бюста?

- Со временем вкусы меняются.

- Месье детектив, о чем вы говорите? Если этот клон выглядит на двадцать, значит ей от силы лет пять. С той же скоростью она постареет, и заболеет раком в восьмидесяти случаях из ста. Скоропорт, чтоб его...

- Никто не хочет ждать... – прошептал Макс. - Заключение по вскрытию, как обычно?

- Работы завались, дня четыре, не раньше. Объемную модель места преступления я уже направил.

- Ладно, Робсон, не затягивай.

- Толку-то пыжиться, детектив...

- Ты о чем?

- Известно, куда тянутся грязные ниточки из Орлеана. Вон он, буквально бросает тень на город. Апофис ничего не боится. Сволочь... Душа этой мёртвой красотки тоже на нем, и она не будет отомщенной, покуда стоит «Презренный». Хотя, кому до этого дело...

В дороге дождь всерьез забарабанил по кузову. Подъехав к дому, Макс вылез из теплого салона, и его обдало словно из тропического душа. Он отпустил машину, и служебный седан, свистя покрышками по мокрому асфальту, помчался в гараж. Макс подошел к крыльцу, но не торопился входить. Из окна спальни на втором этаже брезжил тусклый свет сквозь полосы дождя, будто из фонаря портового сторожа в рассказах про викторианский Лондон. Вода противно заливалась за воротник плаща. Холодно.

Не зажигая света, Макс пробрел в кухню и на ощупь снял с полки бутылку черного рома. Под руку подвернулась кружка, понюхав содержимое, он выплеснул это в раковину, затем сел за стол и налил порцию. Сделав глоток теплого пряного напитка, он включил тихую музыку, закурил. Из вживленных в ухо звуковых передатчиков заиграл медленный эмбиент трек, увлекший разум в глубины контрреальности, в город грез из параллельной вселенной. Красные и синие огни башен Сити бликовали в стеклах, омываемых ливнем. Свет фар проехавшей мимо машины на секунду озарил комнату. В доселе затемненном месте Макс увидел жену. Она подошла и поставила пепельницу. В воцарившейся темноте остался лишь силуэт ее ночной сорочки и копны волос, совсем не изменившейся с юности.

- Ты оставил следы грязи.

Он не ответил. Из консерв-стазисного шкафа женщина достала тарелку с горячей мусакой, которая мгновенно пустила струйку теплого пара, и поставила на стол. Затем она принялась потихоньку стягивать мокрый плащ. Макс одернулся, но жена, нежно запустив пальцы в его мокрые волосы, пригладила их, и сделала, что хотела. Она опустилась на колени в лужицу под стулом, чтобы стянуть грязные ботинки. Макс взял ее руку.

- Наташ. Не надо.

Она села напротив и закурила, вытянув сигарету из Максовой пачки.

- Ешь, остынет.

Макс попробовал.

- Из ресторана Мидаса?

- Угу.

- Лучше, чем та рыба в понедельник.

- Марат, послушай...

Она всегда переходила на старое имя, когда заводила серьезный разговор.

- Не начинай!

- Я не могу смотреть на то, что ты творишь со своей жизнью. Прежде ты не был таким.

- Служба...

- Это не похоже на усталость, когда ты падал в кровать, утомленный разработкой новых моделей для фирмы. Скорее, апатия. Виктор...

- Не трогай его!

Наташа произнесла имя Максова брата на русский выговор, с ударением на первый слог. Виктор погиб двумя годами ранее от руки преступника, впрочем, брат Макса сам был далек от законопослушности.

- С его смертью ты изменился. Бросил фирму, работу над техникой, зачем-то ушел в полицию. Сознайся, наконец, что хочешь найти убийцу.

- Я хочу, чтобы ты налила мне выпить и не мучала каждый день одними и теми же вопросами, Наташа. Разве важно, кто убил Виктора? Как ты говорила? «Это произошло раньше или позже. Все понимали, как он кончит. В том числе он сам.»

- До сих пор не можешь простить одну неосторожную фразу?

- Хватит! Ты вечно про обиды...

- Тогда зачем мучаешь себя? Ради чего?

- Я делаю нужную работу. Сажаю преступников.

- Разве прежде ты не трудился на благо общества? Макс, ты создал вещь, изменившую жизни людей в лучшую сторону.

- Они просто стали напиваться, не утруждая себя походом в супермаркет за новой бутылкой.

- Я не понимаю тебя.

Макс создал компанию «Орион» за те два года пока ждал окончания школы Наташей. Он хотел, чтобы она приехала в достойные условия, чтобы был дом и интересное семейное дело. Для этого Макс изобрел устройство, которое назвал «Очаг». В каждый дом или квартиру, его фирма предлагала встроить аппарат, который представлял собой вместилище размером с духовой шкаф. Что бы человек ни пожелал купить – товар, еду или изготовленную на заказ вещь, магазины отправляли это на склады «Ориона», а оттуда с невероятной быстротой заказы доставлялись по подземной сети в «Очаг». Помимо того, в «Очаг» можно загрузить вещи для отправки в прачечную, отослать почту, даже выбросить непищевые отходы, ведь законом граждане принуждались разделять мусор для переработки. Подобное ноу-хау вскоре убило розничные сети в городе, и из предполагаемого семейного предприятия компания выросла в миллионный бизнес уровня провинции за каких-то пять лет. Идею Макса подхватили дельцы из остальных регионов мира, и «Очаги» под разными названиями появились в каждом домовладении среднего класса.

Год назад на праздновании тридцатилетия Макс поразил правление «Ориона», когда передал акции жене и отстранился от дел, а вскоре устроился детективом в полицию. Его решение единодушно связали с гибелью брата, произошедшим годом ранее, и с показательным пониманием приняли отставку, предполагая, что уход из фирмы будет иметь временный характер. Однако Макс не думал возвращаться.

Макс вышел под крышу веранды на заднем дворе. «Либо остальные правы, и я спятил, либо я поступаю верно, и спятили они. Проблема в том, что и они, и я до конца не осознаем происходящее. Что же не так?» Он закрыл глаза и вошел в социальную сеть. Тут же ему написал Адриан Келли.

«- Еще на осмотре трупа, дружище?

- или старый хрыч отправил на другой выезд?»

«- Нет, уже дома.

- Re: «или старый хрыч отправил на другой выезд?»- Сам-то давно полтинник разменял?)»

«- В душе я юн!)) Мы тут с мужиками рейд организовали в бордель у собора Сен-Круа в исторической части. Так сказать, проверить оперативную обстановку))) Ты как?»

«- Не бывал. Я вообще не ходок по значным местам»

«- Неудивительно, с такой-то красоткой под крышей. С нами ящик игристого и томящиеся девки. Давай, погнали с нами, с меня причитается за то, что ты съездил вместо меня.

- Не ломайся!

- Иначе мы разболтаем по всему отделу, что ты тайный педик, живущий с женой лишь для прикрытия)))»

«- Кто бы тебе поверил? Хорошо. Скинь адрес».

Макс вернулся на кухню, но там было пусто. Поднявшись в спальню, он увидел, что Наташа лежит на кровати. Несмотря на безоговорочную любовь к жене, что-то не пускало лечь рядом. Макс подтянул одеяло на плечи Наташи и поцеловал в темя. Ее волосы, как пелена обволокли его лицо, в них теплота дыхания смешалась с цветочным запахом шампуня.

- Ты уходишь? – спросила Наташа, когда Макс выходил из комнаты.

- Вызов, не жди сегодня.

- Береги себя, любимый.

Макс нащупал пачку сигарет в кармане пиджака и закурил.

2

Исторические районы появились в городах после издания соответствующей директивы Министерства культуры и исторического наследия Объединенной федерации Земли. Правительство понимало, что людям необходима ниточка из прошлого, которая поможет вернуться к жизни после войны. Новые города воздвигались намного скромнее оригинальных предшественников по объективной причине – от населения планеты осталась едва ли пятая часть, а выходцев с зачищенной Европы выжила жалкая сотня миллионов. Крошечный исторический район Орлеана, который уместнее назвать кварталом или тематическим парком, разместили в предполагаемом месте у бывшего моста Георга V через реку Луара. Мэрия реконструировала памятники архитектуры – многие церкви, как Сен-Эверт XII века, Нотр-Дам-де-Рекувранс начала XVI века, Музей истории и археологии, прекрасные шато, статуи Жанны Д'Арк, неизменно почитаемой горожанами, туда же перенесли парк Флораль де ла Сурс, а между проложили бульвары и возвели чудесные жилые здания в позднеготическом и барочном стилях.

Детективы встретились у двуглавого готического собора Сен-Круа, самой знаменитой достопримечательности города. Келли в компании двух служащих из управления повел Макса в, по его словам, лучший салон Орлеана. Макс всегда считал исторические здания пустыми декорациями, пока не вошел в коридор одного из них. В этот момент воображение увлеклось легендой о Парижской улице красных фонарей. Предвкушение рисовало высокие прически див со вплетенными туда цветами, их дородные фигуры в тугих корсетах, повсюду перья, и длинные ноги, которые лавируют между заваленных пирожными и бутылками с шампанским столов ...

Однако внутри борделя флер Belle Époque тотчас развеялся. Интерьер был выполнен по канонам современной моды - синтетические материалы, кожа, глянец металла. Вместо помпезной мамки-распорядительницы гостей встретила худая с силиконовыми формами администратор в нарочито приталенной двойке и чулках в вульгарную сетку. Мужчин провели в зал, где на диванах ожидали девицы. Внешность и одежда последних подбирались исходя из взглядов женщин на мужское представление о сексуальности. Слишком стройные для обычной домохозяйки, а гендерные признаки – губы, груди, попы, ноги были абсолютно порнографически каноничны. Клоны. Келли с приятелями предпочли проституток с нетривиальной внешностью, корыте ценились наиболее дорого.

- Бери рыжую. Смотри, какие чудесные веснушки и курносый нос. Не чета остальным куклам, - предложил Келли.

- Нет уж. Дайте мне прям шаблонную девку-клона, со здоровенными сиськами и лицом с обложки Пентхауса, - ответил Макс.

- Зачем? Закажи сразу резиновую куклу, - засмеялся Келли.

- Если возьму рыжую, то почувствую себя козлом. Клоническая же внешность сродни индугенции. Ночь с секс-игрушкой не измена.

- Ха-ха! Будь, по-твоему! Не подозревал, что ты доморощенный моралист, - сказал Келли, пожимая плечами. – Молодежь... что с вас взять?

Максу было тошно продолжать разговор при девушках, ведь детективы болтали о них словно о товаре, чем те, по сути, и являлись, но Макс не мог отделаться от мысли, что клоны чувствуют неотличимо от натуральных людей. Он остановился на первой попавшейся брюнетке, она положила руку Макса на свои плечи и повела в приватную комнату. Девушка была в роскошном персиковом пеньюаре, дотрагиваясь до нее, Макс осязал масло, нанесенное на кожу. Апартаменты, в которых они оказались вдвоем, смахивали на скромный номер в отеле. Когда Макс устало плюхнулся на кровать, девушка спросила покорным голосом:

- Выключить свет?

- Нет, оставь. Выбери приглушенный оттенок, какой любишь, - ответил Макс, сознавая, что едва погаснет свет девушка-клон перестанет отличаться от настоящей.

- Мой любимый? – смутилась она и стала озираться. – Пускай будет в цвет моего белья. Оно тебе нравится?

- Чудное, как и ты.

- Спасибо. Как мне тебя называть?

Имя «Марат» ужалило мозг, и Макс зажмурился.

- Что с тобой? Тебе плохо? – девушка встала перед ним на колени.

- Все ок. Не зови никак, ты так умеешь?

- Конечно, милый, я сделаю все, чтобы ты почувствовал себя на седьмом небе.

Она прильнула к нему и когда закончила, Макс больше нечего было желать.

Девушка подала сигарету. Распластавшись на кровати, Макс глубоко затянулся и выпустил струю дыма. Девушка сидела рядом, подобрала под себя ноги. Облако окутало ее голову, оттого она быстро заморгала, и одинокая слеза капнула Макс на бедро.

- Прости, - сказал Макс.

- Ничего, мне следовало прикрыть глаза, когда ты выдохнул, - сказала она, лучезарно улынувшись.

- Можно спросить?

- О чем захочешь, дорогой.

- Ты сказала: я хочу, чтобы ты почувствовал себя на седьмом небе.

- Это оскорбило тебя? Мне так жаль, - девушка опустила голову.

- Подожди, - смешался Макс, - все в порядке. Судя по ответу, ты не понимаешь значение фразы «Седьмое небо».

- Наверное, кто-то сказал, а я запомнила. Мне казалось, это нечто хорошее.

- Ты права. До войны люди верили, что на седьмом небе живут ангелы.

- А кто такие ангелы? – с блеском в глазах спросила она.

- Такие люди с крыльями.

- Как у голубей?

- Как у них. Большущие белые крылья для полета.

- Никогда не видела. Их убили во время войны?

- Да, ангелы покинули Землю, когда она началась... Как тебя зовут?

- Мизери.

- Сколько тебе?

- Я старшая из девушек, - с грустью сказала она, выкатив губку.

«На вид ей за двадцать пять, учитывая укоренное созревание, ей максимум семь лет. Чтоб тебя, ты трахал семилетнего ребенка! Детей не существует. Это клон, Марат, только клон. Таков мир»

Вдруг детектива озарило.

- Детка, покажи свою губку.

Она приблизилась и изобразила пухлые губы уточкой.

- Молодец. Позволь...

Макс прикоснулся пальцем к мягким и теплым устам Мизери и отогнул нижнюю губу. На внутренней стороне он увидел звезду, вытатуированную контуром.

- Мизери, что это за звезда?

- Эта? – она оттянула губу. – Я опытная девушка, и за таланты меня наградили одной звездочкой. Очень почетный знак.

- Вроде мишленовских? – спросил он, однако, увидев непонимание в глазах проститутки, перефразировал: - Одна звезда дается за уровень квалификации в твоей... профессии? А три звезды, соответственно, обозначают совершенный уровень мастерства?

- О, три звездочки – это высший символ. Их носят исключительно суперэлитные девушки.

- У вас есть такие?

- Что ты, милый, эдакие работают с особыми клиентами в крутых эскорт-агентствах. Они за один день приносят больше денег, чем я за год.

- Ты можешь вспомнить названия агентств?

- Прости, милый, но, боюсь, они тебе не по карману.

- Я занимаюсь любопытным делом. Девушку-клона подобную тебе... (он хотел сказать убили, но передумал) обидели. Я хочу ей помочь.

- Ооо! – она закрыла ладонями рот от удивления. – Вы человек Дубля!

- Дубля?

- Ну да, босса клонической группировки, который помогает клонам выбраться. Как я счастлива, что встретила вас!

Она осыпала поцелуями его руки, затем накинула сорочку и выбежала из апартаментов. Макс успел одеться, когда Мизери вернулась с золоченой карточкой. На ней было начертано «Сирена» и адрес в Сити.

- Я стащила ее у хозяйки. Не выдавайте меня, пожалуйста.

- Конечно, рыбка.

- Вы скажите про меня Дублю? Я ему пригожусь. Буду делать все, чего бы ни повелел. Прошу, передайте, что Мизери станет верной до смерти, если он заступится.

- Попробую, но ничего не обещаю, - соврал он.

- Довольно и этого! Как я счастлива, что вы пришли сегодня. Я бы никогда не взяла с вас денег, но... - сказала она, потупив взор.

- Я понимаю, ты хорошая деву... девочка. Береги себя.

Выходя, Макс видел лучащиеся счастьем глаза Мизери. Прижав подушку к груди, она глядела с настоящей улыбкой. Детектив затворил за собой дверь, закурил, и ощутил внутри пакостное соображение, что та улыбка походила на радость домашнего питомца, нежели человека.

Макс остановил машину у дома Ники Деву. Пятьдесят восьмой по улице Дали. Не респектабельный квартал, где жил Макс, но крепкий середнячок. Небольшой одноэтажный коттедж. В окнах темно.

Дождь предательски не стихал. В соседнем доме несмотря на второй час ночи горел свет. Макс вышел на улицу и, подняв ворот плаща, и побежал в ту сторону. Сквозь входную дверь доносилась музыка. Он постучал и еще раз следом. Хозяева выключили звук, и в доме раздался топот спящих людей. Макс опустил ладонь на кобуру. Дверь открыл мужчина, на вид ровесник.

- Добрый день, меня зовут детектив Шмит. Можем поговорить? – сказал Макс, показывая жетон.

- Вы из полиции? Мы не вызывали, у нас все хорошо.

- Я не сомневаюсь, месье...?

- Личевский, Стен Личевский, месье полицейский.

- У вас вечеринка?

- Небольшое собрание друзей. Соседи пожаловались?

- Вы курили марихуану? – спросил Макс, учуяв характерный запах.

- Нет, что вы.

- Да мне плевать, в сущности. Меня интересует ваша соседка из пятьдесят восьмого дома. Вы часто ее видите? Ника Деву, девушка с рыжими волосами, лет двадцати, весьма привлекательная.

- Бывает, здороваемся иногда.

- Отлично. Вчера вы не заметили ничего необычного у ее дома?

- Если честно, было какое-то оживление. Люди, человек по пять, входили-выходили, постоянно приезжали машины. Причем допоздна.

- А саму Нику вы видели?

- Простите, не обратил внимания. Не то, чтобы я следил за ними.

- Понимаю. Спасибо, месье Личевский, хорошего вечера.

Мужчина облегченно кивнул и запер дверь.

Дверь коттеджа Деву оказалась не запертой. Макс вошел внутрь и зажег свет. Большая гостиная была выдержана в минималистичном стиле, однако, и ее сумели разворотить. Мебель располагалась явно не на изначальных местах. Раскрошена стеклянная крышка кофейного столика. Макс осторожно ступал вглубь, под подошвами хрустели осколки и разбросанные вещи. Ограбление детектив отменил сразу, телевизионную панель и бытовую технику не тронули. Только он предположил, что могла случиться драка, как наткнулся на брызги крови на стене у входа в смежную комнату.

Спальня. Постельное белье раскидано, створки шкафов и ящики тумб открыты, вещи из них выброшены. В углу лежала груда грязной одежды. Макс заглянул в платяной шкаф, напротив которого валялись расшвырянные платья и вешалки. У туалетного зеркала он нашел фотографии в рамках. Ника. Улыбчивая и жизнерадостная девушка. Была.

На кухне пущий бардак. На обеденном столе остатки еды. В консерв-стазисном шкафу только соусы и напитки. Алкоголь не взяли. Макс обратил внимание на свое детище. Дверца «Очага» была открыта настежь. Внутри лежала кепка и майка. Макс залез в базу данных компании и пробил заявку на этот адрес - вчера заказывали мужскую одежду полными комплектами: рубашки, майки, штаны и куртки. «Все верно, в доме имелась только женская одежда, мужскую они купили. Значит, кто-то переодевался, чтобы замаскироваться и бежать. Тогда, кто дрался и зачем?» - подумал Макс. Он увидел сковороду под ногами, поднял. «Понятно, откуда брызги крови. Тяжелая. Первое оружие женщины», - усмехнулся Макс.

В доме осталось полно вещей, но зацепиться было не за что. Кто-то здесь переодевался, кто-то дрался, кто-то обыскал комнаты и, если что-то заслуживало внимания, это благополучно

было вынесено. Днем здесь точно находилась элитная проститутка Ника Деву, девушка-клон, хозяйка дома, а вечером ее труп найден в промзоне.

«Клоны, клоны, кругом одни клоны. Стой! Клон не может иметь недвижимость в собственности!»

Около десяти лет назад Правительство Земли, признав существование миллионов клонов, решилось их легализовать. Обратились к опыту предков. За основу был взят один из статусов власти древнеримских граждан - *patria dominium*, означавший власть над вещами и рабами. Ни один политик не позволил бы себе предложить для клонов полный статус человека. В новом качестве клоны оставались по-прежнему бесправны, пребывая под опекой патрона. За любые поступки подопечного клона отвечал хозяин, он же приобретал имущество для его пользования. Сам легализованный клон был вправе совершать лишь мелкие бытовые сделки, но даже тогда он действовал как бы от имени патрона. При принятии законов не ставилась цель облегчить жизнь клонов, государство искало контроль над их хозяевами. Стоит ли упоминать про ничтожно малый процент узаконенных клонов и сохранившуюся армию теневых.

Макс вошел в базу данных полиции и пробил, кому принадлежит дом Ники. Получив сведения, не теряя времени, он отправился к его собственнику, некому Альберту Гельману. Взятый врасплох приходом детектива среди ночи, добропорядочный старик быстро нашел договор аренды. На бумагах стояла подпись Линси Кролл. Гельман охарактеризовал арендатора, как достойную женщину средних лет, которая в срок платила за жилье и не привлекала жалоб от соседей по улице. Полицейское досье мадам Кролл было примечательно единственным пунктом, ее работой менеджером компании «Сирена».

4

Наутро Макс позвонил начальнику, чтобы сообщить про нащупанную ниточку в деле Ники Деву. Капитан Фирзли, не понимая надобности столь ретиво растрачивать силы на очередного мертвого клон, нехотя благословил предложенный детективом план. Подобные дела забрасывались в кипу второстепенных, что было общим местом для всех органов следствия в мире. Единственное, на чем настоял начальник, так это чутко задавать вопросы и ни в коем случае не выказывать подозрения уважаемым бизнесменам Орлеана в причастности к убийству жалкой шлюхи. Все элементарно – толстосумы спонсировали избрание мэра, тот в свою очередь назначил теперешнего главу полиции города, который посадил в кресло Фирзли, а для демаршей у последнего не доставало миллионов Макса в загашнике.

Проведенный в машине остаток ночи не лучшим образом сказался на внешнем виде Макса, и он заехал домой привести себя в порядок и переодеться. Предстояло ехать в деловой квартал сити, выглядеть полагалось соответственно.

Офис «Сирены» располагался в небоскребе. Только кого это обманывало? Эскорт-агентство под личиной модельного клуба, все одно бордель, пусть и повыше над землей.

- Добрый день, меня зовут детектив Макс Шмит, я из полиции Орлена. Возможно ли поговорить с Лидси Кролл? Она должна работать у вас, - сказал Макс секретарю в приемной «Сирены».

- Да, детектив. Мадам Кролл наш старший менеджер по работе с клиентами, - ответил секретарь. – Однако я не вижу вашей фамилии в списке назначенных встреч.

- Потому, что я не записывался. Мой визит касается расследования. Мне нужно переговорить с мадам Кролл и, если это возможно, скорее. Я бы не хотел вызывать ее в отдел, и сами понимаете, вызывать лишнее внимание общественности к вашей организации.

- Понимаю. Одну минуту, я свяжусь с мадам Кролл и уточню, сможет ли она вас принять.

Секретарь потупила взор и замерла, видимо, в дополненной реальности она вошла в корпоративную сеть.

- Через пятнадцать минут мадам Кролл вас примет. Поднимайтесь на этаж выше, там идите прямо до упора, на двери кабинета мадам Кролл вы увидите табличку с ее именем.

Макс нашел кабинет и присел на диван возле. Атмосфера в коридорах диссонировала с родом деятельности компании. Зеленые стены, глухие двери, служащие, средний возраст которых был больше пятидесяти. Мужчины в серых костюмах с васильковыми галстуками и женщины в строгих жакетах. По годам на проститутку скорее походил Макс, а шрам на лице придавал образу натуральную мужественность.

Лидси Кролл открыла дверь спустя ровно отпущенное на ожидание время. Ее стиль не отличался от остальных: высокая стройная женщина за сорок, выглядевшая благодаря заслугам современной косметологии краше любой старлетки. Из панорамных окон кабинета открывался шикарный вид на город и реку. Интерьер согласно канонам моды отличался лаконичностью, даже аскетизмом, при том каждый элемент был крайне эксклюзивен, Макс немного разобрался в роскоши. Мадам Кролл посадила детектива в кресло у журнального столика и села рядом на стул. Положив ногу на ногу, она обнаружила подтянутые икры, и обхватив колено сцепленными кистями, женщина подалась корпусом вперед. В скромном разрезе жакета мерно качалась роскошная грудь, при этом лицо изображало несравненную чуткость, как у монашки перед исповедью. Когда мадам Кролл заговорила слегка шершавым бархатистым тембром, Макс едва сдержался, чтобы не хлопнуть ладонью по столу и не вскрикнуть: «Да, хорош!»

- Месье детектив, вы искали встречи. Чем могу помочь вам?

- Я Макс Шмит из отдела расследований. Мадам Кролл, вам знакома девушка по имени Ника Деву?

- О, не могу сказать с ходу. У вас есть постановление? Не хочу обидеть, но мы не разглашаем сведений о клиентах без решения суда, дабы не нарушить частную тайну.

- Это едва ли.

- Почему, месье Шмит?

- Во-первых, она не ваша клиентка.

- Тогда, чего вы от нас хотите?

- Во-вторых, - резко сказал Макс, - она мертва вот уже как десять часов. И, в-третьих, у меня есть основания полагать, что она была клоном, проституткой...

- Но! – возразила Кролл и уперлась рукой о стол, так что наполовину сократила дистанцию между ними.

- ... и работала у вас. – закончил Макс и, подключаясь к игре, сократил тем же образом расстояние со своей стороны.

Они смотрели друг другу в глаза, которые разделяло не более трех пальцев.

- Вы бриллиант, Макс Шмит. «Золотое поколение», не так ли? Мы в «Сирене» способны доставить наслаждение большее, чем вы готовы представить, - прошептала она, звук ее голоса был подобен поглаживанию меха.

- Я женат.

- Орлеан знает вашу супругу, вас и «Орион». Признаюсь, я не смогла удержаться от встречи, когда секретарь назвал ваше имя.

- Вы снимали квартиру для Деву.

- Такой красивый мужчина, молодой и состоятельный бизнесмен становится детективом полиции...

- Мне нужны ответы.

- Как и всем нам, - сказала она, приблизившись к самому уху Макса.

Она будто коготками сексуально царапала слух, при этом линия ее декольте остановилась в нескольких дюймах от глаз детектива.

- Я не отступлюсь, пока не узнаю.
- Захватил меня в силки, детектив? – игриво прошептала она и провела носом по его виску.
– Меня подставили...
- Линси, расскажите все без утайки, и я обещаю помочь.
- Мальчик, ты, правда, хочешь этого?
- Я прикрою вас.
- Здесь нельзя, справа надо мной в углу камера, - шептала она на ухо. - Приезжай в десять за склад завода керамики.
Мадам Кролл отстранилась и взглянула Макс в глаза.
- Вам пора, детектив.
Она выпрямилась и мгновенно облачилась в образ холодной статусности.

Первое время Наташа заботливо звонила Макс, когда он подобно сегодняшней ночи, одиноко стоял на зыбкой толще бетонной пыли, смешанной с грязью в мрачном переулке, где за ним с отвращением наблюдают отбросы. Наташа отчаялась топить айсберг, с болью поняв, что безрезультатно терзает мужа и себя, поэтому она стоически решила смиренно ждать.

Макс хотел включить мигалки на машине, чтобы создать островок света, в котором он смог бы укрыться от темноты, но тогда появился бы веский повод для какого-нибудь придурка пальнуть по забредшему в промзону менту. Здешние люди днем словно крысы снуют по закоулкам и прячутся друг от друга, а после заката возвращаются к естественной жизни, повадки не зависят от окончания войны. Полиция не особо совалась в промышленный район по ночам, предпочитая утром в относительной безопасности собирать урожай покойников.

Из-за угла выкатился автомобиль и припарковался неподалеку. Внутри находились четыре человека. Макс закурил и сел на капот полицейской машины. Линси Кролл вышла и, довольно бравурно хлюпая сапогами по слякоти, подошла к детективу. В плаще она выглядела до безумия леденяще-сексуально.

- Кто эти ребятки в машине? – спросил Макс.
- Не станет же хрупкая дама в одиночку бродить по этой клоаке.
- Итак, Ника Деву.
- Признаюсь честно, не ожидала, что ты приедешь. А правду говорят, что смельчаки долго не живут?

- Через полвека мы все окажемся в преисподней... Девушка-клон с тремя звездами отличия работала в вашем агентстве проституткой или эскорт моделью, не знаю, как вы их там называете. Верно?

- Ради этого вопроса мы сюда притащились?
- Почему она мертва?
- Людям свойственно соваться туда, куда не следует. Пусть им известно о последствиях, пусть их предупреждают об опасности, но такова природа... Стоит ли удивляться итогу?

- А вы не боитесь?
- Ради бога, чего?
- Тех, кто придет на их место.
- Мальчик, мы живем в интересное время. Герои либо умерли, либо спились. Люди хотят просто дожить остаток лет и увидеть закат. А тех, о ком говоришь ты, нужно отсеивать как заразу.
- Выговорилась?
- Почти. Напоследок, может, трахнемся у тебя в машине? Никогда не знала мужчин последнего года.

- Не сегодня, - хмуро ответил Макс, сплюнув.
- Что ж, очень жаль... Прощай, детектив.

Она закурила и неспешно побрела обратно. Трое здоровяков вылезли из машины и, достав телескопические дубинки, прошли мимо. За ее спиной раздался шум. Мадам Кролл многозначительно затаилась и вскинула голову в чувствах. Ей и правда было жаль. Небо совсем беззвездное, лишь мазок луны проступал в пасмурной мути. Внезапно женщина услышала приближающиеся шлепки. У нее перехватило дыхание, когда она оторвалась от земли, и сигарета словно ракета вырвалась вверх. Отчего люди не летают, подумала бы она, если бы не плюхнулась спиной в мякоть холодной грязи. Над уstraшенной мадам Кролл склонился Макс, словно глыба из грязи и ярости, затем он рванул ее за шиворот, проводок к машине и кинул на капот. Женщина с отчаянием посмотрела на лежавших без движения подручных. На общей картине задорный оскал детектива внушал животный страх, и мадам Кролл впервые ощутила, как может выглядеть смерть. Макс схватил взъерошенную женщину за плечи и тихо сказал:

- Слушаю!

- Я ничего не знаю!

Макс наклонил голову набок и широко улыбнулся.

- То есть, почти ничего. Эта девка Деву втянула босса в передрыгу! Ты вообразить не можешь, о чем речь! Не просто деньги, нечто важнее, ценнее денег! Из-за глупого клона мы оказались замешаны в опасном деле. Это те дела, - дрожащим она указала пальцем на громаду «Презренного» вдали. - Бизнес самого Апофиса!

- Где сейчас твой босс? – нарочито прорычал Макс.

- Минуту... - она зависла.

Макс отвесил ей пощечину.

- Не смей заходить в виртуальную реальность! Думай, где он может находиться в этот час!

- Сейчас... так, так... в сауне, улица Шам Рон, двадцать три. Он будет без гостей, но с охраной.

Много охраны.

- Хорошая девочка, - сказал Макс и разжал кулаки, Мадам Кролл упала на капот.

- Вы убьете меня?

- Не льсти себе.

Апофис
АпоФИС!
АПоФИС!!
АПОФИС!!!

5

Два года назад ранним сентябрьским утром Макс сидел в инженерном отделе «Ориона», корпая над совершенствованием внутренней логистики складов компании. Наташа чаще занималась менеджментом и продвижением «Очага» на рынке, а Макс взял на себя техническую разработку. День ото дня он методично работал над улучшением продукта. Жизнь обрела размеренность, Макс занимался любимым делом и был исполнен счастья от благополучия в семье. В супружестве любовь изменилась, пылкость уступила комфорту от взаимодополнения, когда любой момент жизни невозможно представить без любимого. Эксцентричные поступки отрочества воспринимались, как приключившиеся с посторонними людьми. Орлеан весьма спокойный город, если не выезжать из богатых кварталов. Макс мог неделями торчать дома, работая удаленно во внутренней сети компании, а если скучал, наведывался в офис, расположенный в Сити. Умиротворение сказалось на внешности Макса, он отпустил бородку, некогда субтильное тело атлета несколько округлилось. Наташа не могла сдержать улыбку при его виде. Она не могла поверить, что этот благодушный бородач когда-то вселял в нее животный страх. На выходные они часто выезжали на Лазурный берег. В теплом прибое Наташа резвилась подобно девчужке.

В эти мгновения Макс развалившись на песке потягивал безалкогольный мохито и верил, что счастлив, и жене живется прекрасно.

Якорем прежних времен оставался старший брат Макса - Виктор. Когда Виктор привез юного Макса в Орлеан, выяснилось, что старший занят весьма сомнительными делами. Примерно тогда же Макс услышал впервые имя Апофиса, эдакого Аль-Капоне современности, жестокого и расчетливого лидера бандитского сообщества. Банда возникла в Орлеане, а затем распространила влияние на значительную часть провинции Галлия. Апофис первым догадался использовать «Презренный», первоначально заполненный мелкими хулиганами и маргиналами, в качестве базы растущей преступной империи. Поговаривали, что прозвище гангстер получил, когда переселился на инопланетный корабль и извел почти все источники освещения. Он полагал, что тьма даст преимущество в случае облавы или покушений, коих случалось немало на пути к величию. Теперь же Апофис царствует на вершине криминальной пищевой цепи в грозном одиночестве, его опасаются в равной степени и криминал, и власть. Впоследствии Макс узнал, что новые документы для побега из школы Виктор сделал при содействии Апофиса, да и деньги на открытие компании «Орион» старший брат достал явно не в банке.

Итак, сентябрьское утро. Макс разобрал унифицированную трехмерную модель системы транспортировки склада и размышлял. Он ждал Виктора к обеду, который в этот день возвращался из Африки. Наверняка мотался туда по очередному заданию Апофиса. Разумеется, Макс лишь предполагал, Виктор никогда не заговаривал о своих делах открыто. Раздался звонок от Наташи. Кроме нее и нескольких старших сотрудников фирмы никто не мог позвонить, Макс заблокировал эту возможность, чтобы посторонние не отвлекали от работы. Наташа сказала, что очень сочувствует. Затем она поняла, что муж ни сном, ни духом про то, что час назад Виктора нашли мертвым в промзоне с множеством огнестрельных ран. Макс почувствовал в голове щелчок, будто порвался стальной трос, не буквально, даже беззвучно, своеобразное ощущение. Наташа, не чувствуя эмоционального отклика мужа в разговоре, все говорила и говорила. Но как ни старалась, она не могла скрыть облегчения от кончины Виктора. Наташа не любила Максова брата, в респектабельном настоящем он был скелетом в шкафу. Макс не дослушал, отключился от звонка и продолжил работать. Наташа еще много раз звонила, собиралась приехать, но Макс ее остановил.

Вечером приехав домой, Макс мирно поужинал, посмотрел фильм и лег спать в привычное время. Все это происходило на глазах Наташи, не находившей объяснений поведению мужа, когда она сама металась по коттеджу с красными глазами. Она пыталась выразить сочувствие или подвигнуть мужа поделиться болью, но Макс лишь сконфуженно улыбался и продолжал вечерние занятия. Наташа не понимала равнодушия, ведь она ожидала бурю эмоций и скорби. А Макс вел себя, будто бы ничего не случилось. В итоге Наташа нашла объяснение: раз Макс замкнулся, раз он не хочет поделиться чувствами, значит, она что-то сказала или сделала не так.

Расследование убийства завершилось ничем, похороны организовала Наташа, а Макс заехал на погребение и отправился на работу. С тех пор он стал больше проводить времени на работе. Наташе требовались эмоции, переживания, объяснения мыслей, а Макс не давал выплеску чувствам - ни хорошим, ни плохим. Он продолжал жить по-прежнему. Наташа видела, что нечто переменялось в его мировосприятии, но не понимала природы изменений. Окружающие Макса люди вдруг хором принялись выяснять, почему он живет тихим одиночкой. Раньше подобный способ его существования устраивал окружающих, более того одобрялся, а со смертью брата, отчего-то все принялись трактовать его стиль жизни. Это выматывало.

Спустя год Макс вконец утомился от подобной заботы и оставил фирму. Теперь он служит в полиции. Наташа по сей день считает, что эмоционально муж закрылся от нее, и как истово любящая женщина, берет вину на себя, а Макс не понимает, как дать ей то, чего у него нет.

Макс нашел сауну, где отдыхал директор «Сирены» Джамал Доган. Люксовое заведение для состоятельных клиентов. Охрана на входе, к удивлению Макса, не была предупреждена о его приходе. Линси Кролл испугалась не на шутку, раз не подняла тревогу. Два клона-телохранителя запретили Максиму войти, и он обеспечил им выходной по болезни. Украшенные восточной мозаикой залы банного комплекса были уставлены ближневосточной утварью, на полу лежали дорогие ковры, всюду старинная резная мебель, привезенная из регионов, не тронутых пришельцами. Красавицы томно разгуливали в шелковых накидках, расшитых золотом. «Келли бы здесь понравилось», - оглядывался Макс, пока мордвороты из охраны Догана решали, что им делать с непрошеным гостем.

Пятеро противников, как волки окружили и напали разом. Макс прыгнул на одного и бросил его в остальных, и так выбрался из кольца. Запрыгнув на стол, он удачно метнул металлический казан в голову противника, но получил телескопической дубинкой по ноге. Макс схватил со стола нож и, оттолкнувшись здоровой ногой, прыгнул на плечо клона, оказавшись вновь в стороне от врагов. Уклонившись от выпада телохранителя, он вогнал лезвие ему под ребра, и оттолкнул тело на двоих перед ним. Удачно перехватив удар и забрав дубинку, он вывел из игры еще одного. Ту самую дубинку он сложил и метнул в голову бойца из двух оставшихся, так Макс остался один на один с последним клоном. Тот не решался нападать первым, и противники кружили вокруг трупа, лежавшего между ними. Максиму надоело, и, достав пистолет, он выстрелил клону в бедро. К тому времени визг девушек донесся до их босса в парной, и к окончанию драки толстяк выскочил, обмотанный простыней. Девушки сбились гурьбой в углу бассейна. Джамал с ужасом смотрел на разбросанную по залу стонущую охрану и брызги крови вокруг.

- Ты пришел убить меня? – крикнул Джамал.

- Пухлое тело оставь себе. Мне нужны ответы.

- Какие еще к черту ответы? Кто ты на хрен такой?

- Прошу прощения, - ответил Макс и достал жетон, - полиция Орлеана. Я задам вопросы, а ты уж постарайся найти ответы. Не заставляй стрелять.

Макс пистолетом приказал Джамалу сесть.

- Ника Деву. Она работала на тебя. Теперь она мертва. Я хочу знать почему.

- Так ты тот самый детектив? Выходит, Линси мертва, раз ты стоишь здесь, - Джамал потер заплывшую шею. - Эта шлюха, Деву, укрывала группу клонов, за которыми охотится Апофис. Черт его знает, зачем они ему сдались... Мне достаточно того, что клоны представляют для него интерес.

- В чем интерес?

- Говорю же, без понятия. Каждая собака знает, что Апофис держит лаборатории по производству клонов по всей Галлии, и в значительной части контролирует этот бизнес.

- Клоны, за которыми он гоняется, сбежали от него?

- Точно нет. Они особенные, привезенные из других мест. Порода, может, новая или еще что. Я занимаюсь шлюхами, я не вникаю в процесс их создания. В общем, Деву за моей спиной помогала скрывающимся клонам, а затем мы узнали, что она и вовсе держит их в своем доме. В доме, который я, сука, снял! Понимаешь, в каком я оказался дерьме? Да я чудом убедил Апофиса не убивать меня на месте. Поэтому, с великим удовольствием я отдал Нику Апофису, чтобы выпутаться из истории. Что с ней стало дальше, мне до одного места! Сама виновата, знала, против кого пошла.

- Вставай!

- Кончишь меня? Дай хотя бы одеться.

- Так легко не отделаешься, поедем в отдел, повторишь под протокол.

- Слушай, мент, ты больной? Никому я ничего не скажу, а ваши меня к утру отпустят и еще долго будут извиняться. Ты уже не жилец, Апофис тебя найдет.

- Пусть не утруждается.

Макс позвонил Адриану Келли, тот приехал через полчаса и забрал Догана, не задавая вопросов. Когда видишь полдюжины тел в крови и полуголых проституток в сауне ночью, лучше знать меньше.

Не успел Макс проехать несколько кварталов, как позвонил Фирзли.

- Да что ты нахрен творишь? – говорил он сиплым ото сна голосом. – Напал и покалечил работников Догана и его старшего менеджера в темном закоулке.

- Все не так...

- Молчать! Я не закончил! Потом приехал и убил еще троих, а остальные телохранители чудом остались в живых! И под конец, напал на безоружного бизнесмена! В бане, сука! Ты что идиот? Кто разрешил такое самоуправство?

- Они напали на меня!

- Ты шел по улице и тут на тебе – прибежала сауна, тебя затащили внутрь и давай дубасить! Ножам они тоже сами себя пырнули?

- Джамал Доган торгует проститутками и замешан в убийстве Ники Деву. Он отдал ее Апофису, который ее убил. Она оказалась замешана...

- Сможешь доказать?

- Джамал сам это сказал. Я отправил его с Келли в отдел, утром приеду и допрошу.

- Так, сынок, ты натворил много дел этой ночью. Немедленно возвращайся, и вместе подумаем, как выкрутиться. Полагаю, если ты достаточно искренне извинишься перед месье Доганом и возместишь ущерб, он пойдет на уступки и не станет обвинять нас в злоупотреблении властью.

- Что? Это гребаный сутенер, месье капитан, я никогда не буду лебезить перед этой скотиной.

- Ты выбираешь опасный путь, Макс. Свалился же ты мне на голову... Чего тебе не жилось спокойно? У вас миллионеров вечно причуды! Захотелось в Пуаро поиграть, а я должен мыкаться? Я взял тебя не по своей воле, закон обязал принять, как человека последнего года рождения. Ты работаешь хорошо, показатели раскрываемости растут, но ты Макс ни хрена не уважаешь правила, и бог свидетель, я всегда мирился с этим. Но последняя выходка уже ни в какие ворота! Хотя бы из уважения к тому, что я для тебя сделал, скажи, куда направляешься. Я приеду, и мы спокойно обсудим твою судьбу.

- Иду по следу. Я не стану говорить, где я, потому что, простите, месье капитан, я опасаясь, что вы меня арестуете.

- И правильно, мать твою, опасаясь. Правильно, чтоб тебя! Даю последний шанс вернуться. Ты хоть понимаешь, куда едешь? Против кого начинаешь копать?

- Да, и я не вернусь.

- Значит, с этой минуты мы по разную сторону баррикад, Макс.

- Я на стороне убитой Ники Деву. На которой вы? До встречи, капитан.

Макс нажал на тормоз и остановился у обочины. Он вышел из машины и со злости закурил. Нужно было написать Наташе, ведь он не знал, вернется ли из места, куда едет. Он зашел в контакты, однако, будучи во взвинченном состоянии, он выбрал не отправку сообщения, а видеозвонок. Он хотел сбросить, но перед глазами появилась Наташа, она лежала в кровати.

- Что случилось, милый?

- Мне нужно кое-что сказать, - сказал он, с паузами выговаривая каждое слово. – Ты знаешь, что я дорожу тем, что ты есть в моей жизни.

- Конечно, любимый. Я тоже.

- В последнее время между нами не ладится. Всему виной раздрай в моей голове.

- Макс, послушай, я никого не осуждаю. Приезжай домой, и мы вместе подумаем, как преодолеть трудности.

- Прости, я не могу, очень важное дело. Попытаюсь сформулировать. Ты права, что изменения во мне начались со смерти брата. Но трагедия послужила лишь толчком. К чему не знаю, видимо к точке, где я сейчас.

- У тебя появилась потребность стать более полезным для людей, чтобы бандиты, убившие Виктора, и им подобные исчезли из города.

- Возможно, ты права. Я пребывал в неизвестности, потом появилась ты, и жизнь встала на место. Сегодня я вновь чувствую себя пулей, но я не знаю, куда лечу. А останавливаться не хочу и не могу. Милая, я звоню тебе сказать, что мне известно, как ты не спишь ночами и пытаешься понять, куда движется наш брак. Поверь, может я одичал или стал скуп на чувства, но я не равнодушен. Я тоже ежедневно размышляю о том, как найти выход. Слышишь? Мне не все равно.

Наташа закрыла лицо руками и погасила видеоизображение, по каналу вызова остался лишь ее голос:

- Я буду ждать в нашем доме сколько тебе будет нужно, - произнесла она и отключилась.

Макс сел в машину. Домой было нельзя, в отдел тоже. Он шлепнул себя по груди, и понял, что эти два года он неосознанно искал предлог отправиться в «Презренный».

6

«Презренный» покоился в десяти километрах от города. Пока Макс ехал к кораблю по единственному ведущему туда шоссе, он восхищался приближавшееся громадой. Семнадцать лет он наблюдал эту груды высокотехнологичных обломков на горизонте, но что-то внутри мешало съездить и посмотреть чудо вблизи. Прочие корабли пришельцев, к моменту, когда Макс выбрался из школы, оказались либо отремонтированы, подняты на орбиту и запущены в далекий космос, либо разобраны на запчасти. В сущности, «Презренный» остался последним вражеским кораблем на планете.

Макс остановился у блокпоста. Из будки вышел серолицый национальный гвардеец в полной амуниции с автоматом наперевес и постучался дулом в боковое стекло.

- Рядовой Мюле, - представился гвардеец. – Назовите цель визита и предъявите документы, позволяющие проход в охраняемую зону.

Жетон полиции не впечатлил солдата, и он доходчиво объяснил, что объект входит в юрисдикцию федеральных войск и гражданские служащие здесь ничего не решают. Макс растерялся, рассчитывая на другой исход. Как же истории про банды, которые прославились находением на корабле, и полчища сброда, поводящего года без солнечного света. Солдат принялся покачивать автоматом, приказывая отъехать от блокпоста. Терять было нечего, и Макс осмелился на крайность:

- Послушай, есть девушка, она перебралась на корабль. Понимаешь, мы немного повздорили. Я должен уладить проблему, как мужчина.

- Красивая, поди.

- Космос! Таких, друг, крупца на миллион. Знал бы, что она вытворяет, когда мы остаемся вдвоем... - сказал Макс, лукаво прищурив глаз. – Вот, - он снял с руки дорогие часы и протянул гвардейцу, - я же вижу, ты нормальный мужик.

- Хорошие. Золотые?

- Можешь проверить.

- Отчего же не помочь соединиться влюбленным сердцам.

Гвардеец недолго вглядывался из-под каски на Макса и пошел в здание КПП. К счастью, через несколько минут поднялся шлагбаум, и детектив въехал на территорию. Другой солдат подошел к машине и наклонился, едва не влезая головой в створ дверного окна.

- Раздаешь дорогие подарки? Здесь такое не приветствуется. Мы люди маленькие и не любим привлекать лишнего внимания. Такса фиксированная, триста.

- Хорошо.

Макс протянул браслет, ожидая того же действия от солдата.

- Нет, друг. Ты что первый раз здесь? Наличные.

Макс не имел дело с бумажными деньгами лет шесть и, разумеется, с собой их не носил. Поэтому он не придумал ничего лучшего, чтобы сказать:

- Нал закончился.

- Ладно, придется делить деньги от часов. В другой раз не забудь. Все, проезжай.

В эйфории от удачи Макс заехал на просторную парковку, где вперемешку с военной техникой стояли сотни гражданских машин. Детектив бросил машину и принялся искать вход в корабль. Проблуждав добрые четверть часа у нескончаемой линии разбитого корпуса, он заметил, как на стоянку прибыла новая машина. Водитель пошагал напрямиком ко входу, и, следуя за ним на отдалении, Макс пробрался на корабль.

Внутри оказалось немногим светлее, чем снаружи при свете луны. Макс догадался включить ночное видение на глазных устройствах и тогда мир «Презренного» раскрылся в истинном величии. Ничего подобного Макс не ожидал – он увидел, как на пространстве, которому не было видно конца из-за тусклости, расположились бесчисленные лавки торговцев хламом, затесавшиеся вперемешку со стойками рюмочных, развалами оружейных магазинов и палатками контрабандистов. Между ними в глухих закутках прохлаждались местные жители за столиками, которые громоздились один на другом словно опята, и вокруг этого действа, точно вши в собачьей шерсти, бродили уродцы, престарелые калеки войны, попрошайки и клоны-шлюхи, площадной красоты и непотребства туалета. Насколько было мрачно, настолько и тихо. Никто не повышал голоса громче шепота, окружающая суматоха не производила привычного гула улицы. Общее звучание походило на шуршание сена с вкраплениями легких похлопываний. Воздух на удивление был свеж, но наполнен электрически-металлическим запахом, лишь последнее качество напоминало о минувшем присутствии инопланетных хозяев «Презренного».

Не один час плутая по кораблю, Макс дошел до места, где пресекался потолок нижней палубы, и поднял голову. Оказалось, доселе увиденное представляло толику от подлинных размеров корабля. Верхним ярусам не было видно предела, и повсюду ощущалось присутствие жизни. Маленькие кометки прыгали с уровня на уровень через центральную пропасть. Неподалеку детектив заметил очередь, тянущуюся к сверкающему фонтану частиц. Ступая на него, люди прыгали во все стороны и на любую высоту, образуя те самые кометки. Дождавшись своего черед, Макс ступил в фонтан, и его подбросило в воздух. Когда детектив взмыл, что-то привлекло его внимание на четвертом ярусе. Туда он и приземлился, точнее распластался по полу от неожиданной посадки.

Макс нашел забегаловку, где хозяин охотно предложил обналичить деньги по сходному полуторному курсу в ущерб электронной валюте. Подкрепившись вполне сносной едой, детектив отправился выискивать подсказки, которые могли указать на вход в убежище Апофиса. Торговцы переставали изображать обходительность, когда Макс спрашивал про грозного преступного босса. Пришлось искать самому. Оставалось только надеяться, что кто-нибудь нечаянно проболтается или неведомым образом отыщется нужный знак. Все-таки банда Апофиса доминировала на корабле.

На ярусе находилось огромное ветровое окно. Приблизившись к нему, Макс с интересом посмотрел на Орлеанские улицы изнутри «Презренного», из той самой зловещей громадины на горизонте, овеванной легендами, вместилища иной стороны жизни по сравнению с мирным городом внизу. А ведь Орлеан рос на глазах здешних обитателей, выходит у них больше прав на эту землю. Макс представил, как в свое время какая-нибудь старушка тоже глядела в окно и бормотала под нос, браня непрошенных строителей.

Макс был наивен, полагая, что его прибытие осталось незамеченным. С самого входа за ним следили местные шайки, выжидая. Хватать полицейского было опасно. Наконец, убедившись, что детектив слоняется по кораблю подобно туристу, на голубом глазу заходит на территории разных группировок, чего не позволяют себе местные, и открыто спрашивает про Апофиса, одна из шайк решила напасть. В тот момент Макс созерцал город у оконного полотна.

- Потерялся? – спросил здоровяк в бронежилете, надетом на голый торс.

- Что? Я никого не трогаю, и не хочу, чтобы мне уделялось внимание, - ответил Макс двум бандитам, преградившим дорогу, и замечая, как еще несколько обходят со спины.

- Тут ты хрен угадал. Чехли карманы, если жить хочешь, - прошипел сутулый старичок.

- Вы хоть понимаете, кого пытаетесь грабануть? - сказал Макс и последовал за тремя мужчинами.

- Ага, мент, куда нам? - засмеялся здоровяк. – Думаешь, мы легко выбили шанс на дело? Да за разрешение на твое только убийство уже три банды вели аукцион. Так что, выкладывай добро. Судя по раскладу, оно тебе один черт не понадобится.

Чувствуя приближение людей сзади и понимая, что разговор заходит в тупик, Макс перекатился назад и разобрался с тремя бандитами, затем вскинул пистолет на здоровяка со стариком, которые опешили и не успели среагировать, так ловко и быстро Макс разделался с их подельниками.

- Ты сказал разрешение? – выкрикнул Макс, громкий звук произвел большее впечатление, нежели жестокость. – Случаем ни у Апофиса?

- А че б не сразу у святого Петра? – проскрипел старик.

- Апофис – босс, мы простые мужики. У нас есть бригадиры, у тех свои и так по цепочке до босса, - проямлил здоровяк.

- Мне нужно попасть к Апофису, как это сделать? – крикнул Макс.

- Тише! Совсем жизнью не дорожишь? – сказал старик. – Ты понимаешь, мент, что с нами будет, если мы приведем полицейского к главному?

- Сваливаем... - поторопил здоровяк.

- Апофис хочет меня видеть, просто не знает об этом. Я заплачу, много.

- Кто ты, мент? – спросил старик, отбрасывая руку здоровяка.

- Слыхали про Виктора Капетуа?

- Уважаемый был человек, мир его праху, - сказал старик. – Что с того?

- Я его брат.

Старик нахмурился и отвел здоровяка в сторону. Они оживленно спорили, старик несколько раз подходил к детективу и поднимал цену, затем бандиты совещались снова. Наконец Макс выкрикнул двойной гонорар от последнего запроса, что чудодейственно оборвало прения.

Вслед за прыжком на дюжину ярусом вверх, путь пролегал через отсеки, приспособленные под бараки, попеременно заселенные либо молодыми женщинами клонического облика, либо сидевшими на полу по-турецки угрюмыми боевиками в броне и тяжелым вооружением в руках, словно роботы в ожидании приказа. Минув эти странные людехранилища, трое спустились в инженерные коридоры, где не было ни души. Детектив спросил старика, отчего ему не завяжут глаза или нечто в этом духе. Бандиты дружно загоготали и поведали, что, если Макс окажется бесполезен боссу или не завоеует доверия, то вряд ли покинет корабль.

Наконец остановились. Старик подошел к небольшому экрану у запетых дверей и принялся шепотом, почти неслышно увещевать допустить Макса к боссу. Когда створки разъехались, то детектив едва не ослеп от вырвавшегося изнутри яркого света. Затем он ощутил, что оказался схвачен и под руки проведен внутрь. Вскоре его посадили на нечто мягкое. Отключив ночное видение, Макс различил лишь мутное алое свечение, отчего под ребрами запульсировал дремучий страх, что яркий свет сжег зрение. Однако со временем глаза приспособились, и Макс разга-

дал, что цвет создается красными трубками с неоном, что проходят витиеватым узором по зеркальному потолку. Стены и пол также были выполнены из отражающего материала. Макс сидел совершенно один на диване, а прочей мебели в комнатухе не было. Видимо, хозяева не боялись побега, раз не приставили охраны. Ожидание порядком затянулось, и детективу не оставалось иного, как разглядывать себя в глянцевые стены. Видок, точно битая дворняга. Злой мужик во влажном мятом плаще, заляпанном грязью. Растрепаны волосы. В лице смятение, во взгляде пустота. Пальцы перебирали волну, барабана по кожаной обивке. В красном оттенке чужая ссохшаяся кровь на костяшках более не выглядела противоестественной.

Макса окликнули. Слева, в только что сплошной стене образовался проем, и стоявший там выхолощенный мужчина, жестом предложил проследовать за ним. Они прошли сквозь десяток небольших комнат, где обстановка напоминала бухгалтерию, одни серые замухрышки таскали деньги и наркотики, другие подсчитывали барыши и подбивали гроссбухи в компьютерах. Поднявшись на лифте, детектив с провожатым оказались в обширной зале. Прежде Макс слышал фразу «короли преступного мира», но никогда не думал, что у этих «королей» есть свои тронные палаты, ибо не найдется иного подходящего названия месту, куда привели детектива. Макс не мог вообразить существование подобной вульгарной роскоши, когда драгоценности свалены в кучи, на них брошены статуи и утерянные в ходе войны полотна и все это небрежно накрыто мехами и шелком, от куч прямо разило византийщиной. Однако, вместе груды дорогого, но бесполезного барахла оказались приторны, как пересахаренный чай, и сколько-нибудь чарующий эффект рассеялся. Макса подвели к мужчине в годах, который сидел за простым деревянным столом. Макс понял отчего столь огромен зал и зачем разбросаны богатства вокруг. Риза. Детективу подали стульчик, и он присел напротив Апофиса.

- Болезнь глаз. Не различаю цветов, кроме красного, - сказал Апофис.

- Поэтому, да? – Макс покрутил пальцем над головой. – Ясно.

- Ты подросток.

- А мы разве...?

- Нет. Твой брат выполнял некоторые мои поручения.

- В курсе.

- Виктор показывал семейные фотографии. Говорил, что ты был смышленным малым.

- Был?

- Был. Зачем пришел?

Апофис взмахом руки приказал охране выйти. Обойдя стол, он подошел вплотную к детективу, едва ли не касаясь брючной бляхой его носа. Макс поднял глаза, из такого положения могучий торс Апофиса выглядел словно у серебряновласого античного полубога. Казалось, Апофис мог бы развернуть руки и мощью громадных плеч в мгновение расколоть череп Макса, как спелую тыкву, настолько величественным представлялся босс «Презренного». Макс отшатнулся и вскочил на ноги, и только умелая координация тела не позволила упасть. Детектив начал осознавать ту лютую опасность, в которой оказался по неразумной воле, как дитя, что с разбегу прыгнуло в океан с волнореза, постигает содеянное лишь под холодной толщей. Все же Макс не мог позволить себе утонуть. «Апофис должен заплатить».

- Клон-проститутка Ника Деву, - не двигаясь, начал Макс, – работала на местного сутенера Джамала Догана. Она обсуживала сильных мира сего, пока прошлым вечером в промзоне не нашли ее труп. Она поплатилась за вмешательство в интересы людей, сокрушительную силу которых она не могла не знать. Скорее всего, Ника понимала неизбежность гибели, что попахивает суицидом, нежели авантюрой. Камнем в этой истории послужила таинственная группа клонов, которых укрывала покойная. По доброте душевной или за деньги уже не столь важно. Таинственны клоны их исключительной ценностью. Нечто дороже денег... - Макс сделал паузу и, взглянув прямо в глаза, бросил: - Зачем ты убил Нику Деву?

Макс вновь ощутил жжение в глазах, и в момент, когда он уже был готов отвернуться, Апофис произнес сквозь насмешку:

- Пришел арестовать меня? В своем ли ты уме, парень?

- Я не настолько глуп. Мне поведали, что невелики мои шансы покинуть встречу живым. И все же я здесь.

Апофис, потирая подбородок, отошел. На минуту он погрузился в раздумья, затем сказал, сменив тон на более дружелюбный:

- Садись.

Преступный босс занял свое кресло и продолжил:

- История с этими клонами началась давно. Перед гибелью твой брат успел поучаствовать в ней.. Из уважения к жертве, которую принесла твоя семья, я расскажу. Путь назад ты все равно себе отрезал.

- Я... - начал Макс.

- Ты! - отрезал Апофис. – Слушай! Технологии производства клонов делятся на две категории: с ускорением роста и без нее. Клоны первой взрослеют быстрее людей в три-четыре раза, однако и стареют с той же скоростью. Вторая модель не предполагает ускорения, жизненный цикл таких клонов равен человеческому. Разумеется, никому не хочется долго ждать, и все сообщества, которые занимаются клонированием, используют форсаж. Однако пошел слух, что есть де интересная лаборатория в Фаюмском оазисе, где произведена революция в клонировании. Ученые внедрили в геном инструмент, который позволил управлять старением. Другими словами, можно включить период ускорения роста, а после отключить, чтобы клон жил тридцать-пятьдесят лет. Я послал Виктора в Египет разузнать что да как, и он успешно выполнил поручение. Однако вести оказались неважными. Ближний Восток всегда был коробкой с петардами, что взрываются от любой шальной искры. В Фаюм докатилось очередное восстание, правительство бросило войска на подавление. Пользуясь анархией, группа выведенных клонов бежала из лаборатории. Виктор погиб от рук бродяг при разбое, едва прибыл в Орлеан, мы даже не успели повидаться. Я полтора года искал след беглецов и, наконец, нашел на Балканах. Мы их схватили и привезли в Орлеан.

- Скажи, что клоны вновь обхитрили тебя?

- Засранцы оказались смышлеными. Дальше ты знаешь, девка Догана была последней, кто им помогал. За это и поплатилась. Как ты выразился, она знала, что идет на самоубийство, ввязавшись в дело.

- Почему клоны не бежали из города?

- Они пытались. Но у меня все схвачено в округе, Орлеан стал их западней.

- Так ты не знаешь, где эти клоны сейчас?

- Они в Орлеане. На этом все. Но я догадываюсь, кто знает. Дубль, доморощенный главарь клонической группировки помогает им, вне всяких сомнений.

- Отчего же ты не изловишь Дубля сотоварищи и не выпытаешь информацию каленым железом?

- Парень, как ты думаешь, сколько клонов работает на меня?

- Много?

- Мой бизнес строится на них. Дубль, продвигает идею исключительности клонической формы жизни, его банда считает клонов заменой человечеству, которое из года в год издыхает. Дубль – червь по сравнению со мной, но убей я этого гада, и в моей организации затеется смута. Ведь даже мои клоны сочувствуют философии Дубля.

- Пат. Однако у тебя есть план.

- Ты выбрал удачное время, чтобы заявиться, Марат. Клон-близнец Дубля, с которым он крайне близок, вчера загремел в каталажку. За засранцем немало числится, так что посидеть

предстоит соответственно. А как мы знаем, век клона короток, и самый ничтожный срок заключения выливается в пожизненный. Ты его вытащишь.

- Нет.

- Я и не спрашивал. Не хочу давить, но ты же хочешь, чтобы твоя красавица жена и впредь продолжала мирно спать по ночам? Ты знал куда шел.

- Допустим, я выполню это. Ты собираешься шантажировать Дубля братом-заложником?

- Почему никто не утруждает себя взглянуть хотя бы на шаг вперед? Ты отведешь клона напрямик к любящему брату.

- Зачем?

- Чтобы заручиться доверием Дубля, разумеется. Затем после ряда событий, суть которых я объясню позднее, Дубль начнет тебе доверять. Тогда ты убедишь его напасть на меня.

- Так ты получишь предлог разбить банду клонов.

- И сведения, когда схвачу ублюдка. Тебе я отдам часть его людей и, в качестве компенсации за смерть Виктора, получишь компромат на Догана, а захочешь, и босса твоего сдам. Ты ведь не прочь скинуть занудного начальника?

- Хитро, только ты прогадал. Едва я появлюсь в городе, меня схватит полиция.

- Тоже мне проблема. Гарантирую, у тебя будет время. По рукам?

- Будто есть выбор...

- Он есть всегда. Ты сделал свой, когда вошел в «Презренный».

7

Когда система, которой ты служишь, становится угрозой, это заставляет задуматься о своем месте в ней. Макс ступал по казенному полу следственного изолятора, словно ковбой по каньону в окружении команчей. За его спиной закрыли уже три бронированных двери. Шансов вырваться отсюда в случае провала не просто ничтожны, их нет. Никогда следственный изолятор не воспринимался столь гнетущим, как сегодня. Наконец, детектива встретило радушное лицо сержанта Груно, без того круглое, оно стало более забавным из-за красного из-за простуды носа и милого бабушкиного шарфика, подвязанного под самый подбородок.

- Холод собачий, - вместо приветствия сказал Груно.

- Хотя бы дождь утих. Простыл?

- Так... - Груно развел руками. - Сегодня порожняком?

- На этот раз забираю. Вот, держи, - Макс переслал на компьютер Груно электронное постановление, которое незадолго до того пришло Максиму от людей Апофиса.

- Крупная рыба! - почтительно закивал Груно. - Я слышал ты с начальником опять на ножах.

- Что не так?

- Да нет, странно просто: рвет и мечет на людях, а сам поручает важного преступника. Хитрец, старикашка.

- Ну его! Что там, скоро?

- Сейчас, сейчас... проходит проверка, - ответил Груно, уставившись в компьютер. Вдруг он вскрикнул: - Чтоб тебя!

Груно испуганно взглянул на Макса и юркнул в кубрик позади. Старая металлическая дверь звонко лязгнула за его спиной, и детектив остался совершенно один в окружении бетонного коридора и решеток. Казалось, тело остыло на несколько градусов и ноги сами начали переступать к углу от стойки дежурного. Табличка «Тревога!», от которой Макс не отрывал взгляда, не загоралась, нагнетая напряженность. Макс потянулся к пистолету, при этом ясно понимая, что система внутренней организации изолятора не предоставит ни малейшего шанса ускользнуть. Рассудок судорожно искал причину, по которой Апофис решил подставить именно сейчас. Пожелай

он избавиться от детектива, то проще было убить в пустынных лабиринтах «Презренного». «Видимо не захотел марать руки о полицейского», - решил про себя Макс. «Ублюдок!» - вырвалось вслух. Детектив понимал, что отбрехаться вряд ли получится - липовое постановление едва не освободило опаснейшего уголовника. Макс пошел в рассуждениях дальше, прикидывая, что его не станут приговаривать к высшей мере, он же «Золотое поколение», последняя надежда человечества. Хотя Фирзли точно сделает все возможное, чтобы ухудшить долю Макса, учитывая его постоянное фрондерство. Фирзли непременно отомстит за груды неприятностей, которая за последние дни свалилась на его голову. Табличка до сих пор не загоралась. «Возможно, решили взять врасплох» - размышлял Макс. Злость подступала к самым гландам, и Макс почти выхватил оружие, но Груно вернулся из кубрика.

- Ты чего спрятался? – спросил Груно.

- Да так... просто отошел, - настороженно ответил Макс.

- Блин, извини, что убежал. На полчаса пропустил прием лекарства, - сказал Груно и грустно выдохнул. - С этой работой никак не выздоровеешь, еще погода дрянь, постоянно...

- Что там с проверкой?

- Сейчас... - Груно взглянул в компьютер. - Все в порядке, можешь принимать клиента. Где твой наряд сопровождения? Внизу?

- Я повезу один.

- Макс, так нельзя, ты же знаешь. Пусть клон не молод, но опасен, как дьявол. Я вызову наряд.

- Груно! – прервал Макс, прежде чем дежурный успел связаться с оперчастью. – Дело проходит в крайне конфиденциальной обстановке. Мне нельзя допустить осведомленности лишних людей, пусть и своих.

- Даже не знаю... Это прямое нарушение инструкции, меня накажут!

- Груно, дружище, скажи мне, разве я когда-то обманывал?

- Нет, но все же...

- Ответственность на мне. Мероприятие согласовано, постановление выдано прокурором, так почему, черт тебя дери, я должен распинаться и терять время, которого нет! Без обид.

- Принято, детектив.

- Не обижайся. Столько навалилось, а когда приходится тратить лишние силы, нервы сдают.

- Встречай на заднем дворе. Не веди сам, когда его выведут, пусть посадят в машину.

С примыкающей дороги вылетел автомобиль, и только чудом Макс сумел сманеврировать и избежать аварии. Ночью излияние с небес прекратилось, и утренние заморозки подняли густой туман. В непроглядной пелене Макс полагался на инстинкты и просто жал газ. Сон и завтрак с Наташей он променял на клон-уголовника на заднем сидении. Телосложение мужчины средних лет, рябую кожу покрывали морщинами. Через зеркало заднего вида он смотрел на Макса живыми, но замутненными глазами, от него воняло престарелым домом, а когда он чесал седеющий затылок, то волоски и перхоть сыпались на обивку. Юнец в дряхлом теле, что могло быть более жалким.

- Нервничаешь?

Клон нарушил молчание, наблюдая, как Макс с третьего раза не сумел прикурить. Говорил он сквозь хрипоту, переходившую в кашель.

- Дай сигарету, - сказал клон и, когда закурил, добавил: - Чего-то я не помню, чтобы мой детектив назначал на сегодня следственные мероприятия.

- Скоро ты встретишься с братом.

- Идет, - клон затаился и раскинул руки на подголовниках.

- Не спросишь, зачем я тебя вытащил?

- Какая хрен разница? Можешь звать меня Младший. Мы с братом пусть и появились из одной партии, но он - босс, а я, стало быть, Младший.

- Макс.

- Хорошо, Макс, хорошо.

Детектив выехал на дорогу к «Презренному», который будто исчез в тумане. Может, случилось чудо, и он улетел вместе со обитавшей внутри грязью. А на его месте разбит сад, где мужчины смелы и умелы, а женщины добры и с ясными глазами. Они несут угощение кудрявым детям, а те, облизывая сладкие пальцы, норовят улизнуть поиграть в салки среди грушевых деревьев. Всюду улыбки, вино, и блики солнца режутся в пруду.

- Снова ты... - уныло протянул задубевший от холода солдат на КПП. – Таксу знаешь.

Обитель Дубля на корабле напоминала коммуну. Большие разветвленные залы завалены хламом. Освещение, как и всюду было тусклым, но обстановка разгоняла мрачность. Клоны, которых насчитывалось не меньше полусотни, разбившись на кучки, занимались бытовыми делами. Одни перебирали хлам, гудели станки – за ними мастерили снаряжение, иные починяли одежду, в другом месте не хватало только костра, чтобы пляшущие и поющие мужчины и женщины сошли за беззаботных туристов на пикнике. Вдруг навстречу Максиму выбежал ребенок! Настоящий пацан лет четырех с задорным лицом распростер руки и бежал, запрокинув голову. Впервые увидев живого ребенка, Макс приготовился принять в объятия малютку, но тот пробежал мимо и вцепился в ноги Младшего. Старый клон потеревил парнишку по холке и улыбкой поднял на руки.

- Кто я?

- Мла-д-ши-й, - выговорил ребенок.

- И все же постарше тебя. Ну ладно, беги к остальным.

Младший отпустил парнишку, и тот убежал к группе взрослых. Макс с Младшим прошли вглубь зала, на их пути клоны замолкали и расступались. Наконец, появился сам Дубль. Его было трудно не признать, учитывая, что он походил на брата, как, собственно, клон. Вслед за радостными объятиями братьев, Дубль спросил, указав на Макса:

- Кто это?

- Сам увидел впервые. Решил, ты подрядил.

Взгляды устремились на Макса.

- Что же, - Дубль сел на стул, - ты молод, но я не знаю клонов твоей внешности.

- Я человек, рожденный матерью. Меня зовут Макс Шмит.

- Кто бы мог подумать, - сказал Дубль, - что перед смертью своими глазами увижу человека последнего поколения. Сколько тебе?

- Тридцать два.

- Друзья, вы видите самое ценное, что осталось у живорожденных, их «Золотой ребенок».

Такое у вас прозвание?

- Типа того.

- Очень интересно. Я слушаю тебя «Золотой Макс Шмит».

- Я служу в полиции Орлеана...

Не успел он договорить, как поднялся гвалт. Макс краем глаза заметил, как некоторые достали оружие.

- Тише, тише! Пусть говорит, - приказал Дубль.

- Я расследовал дело об убийстве девушки по имени Ника Деву, она была клоном.

- Была! – засмеялся Младший. – Что же, после смерти она превратилась в живорожденную?

- Она превратилась в труп, - отрезал Макс.

Стоявший рядом с боссом клон в защитной экипировке со злой гримасой, вызванной последней репликой, хотел броситься на Макса, но Дубль удержал.

- Плеть, ты забыл, кто здесь главный? Я приказал слушать. Встань на место!

Обменявшись недобрыми взглядами с Плетью, Макс продолжил:

- Итак, я вел дело об убийстве Ники. Обычно следствия, связанные с клонами, остаются без внимания. Однако этот случай меня зацепил. Я нащупал след.

- Пстой, - прервал Дубль. – Ника Деву...

Главарь подозвал Плеть и пошептался с ним. Получив разъяснения, он рукой предложил продолжить.

- Я вышел на Джамала Догана, сутенера из Сити. Встреча не прошла без потерь со стороны Догана. В результате я получил имя Апофиса, как бенефициара убийства.

- Апофиса, значит. Очень интересно, - сказал Дубль.

Плеть вновь склонился над ухом Дубля и произнес несколько фраз.

- Начальство весьма враждебно отреагировало на мою решимость найти виновника смерти клона, - продолжал Макс. - Скажу более, я нахожусь под угрозой ареста. Коррупция и темные дела с Апофисом опутали руководство полиции. Клоны для них мусор. Я иного мнения.

- Какого же ты мнения о нас?

- Клоны не выбирали, рождаться им или нет. Люди сами вывели их себе в помощь, ведомые алчностью и осознанием скорой гибели рода человеческого. Отношение к клонам несправедливо. Не важно, как ты появился на свет. Все мы люди. Одинаковые.

- Достойная позиция, редко встречаемая среди живорожденных. Может ты врешь, а может говоришь от чистого сердца. Время покажет. Теперь поведай, зачем освободил брата ценой разрушения собственной карьеры.

- После отказа бросить дело Ники Деву, мой арест и без того являлся вопросом времени. Поэтому я ищу покровительства того, кому не чужды благородные устремления.

- Хм... и видимо этим уважаемым человеком оказался Апофис, раз ты направился к нему первому?

- Я пришел к нему не по собственной воле. На меня напали, и чтобы выжить мне пришлось сказать, что мой брат работал в банде Апофиса.

- Это так? Про твоего брата?

- Да, он служил Апофису, пока его не убили.

- Он говорит правду? – обратился Дубль к Плети.

Помощник утвердительно кивнул.

- Ты же понимаешь, что принять тебя в нашу семью большой риск. Да, ты спас Младшего, но ты очень мутный человек, вдобавок коп, со давними связями с Апофисом и...

- Дубль, он хороший человек.

За спиной Дубля из толпы клонов вышла девушка и положила руку на плечо босса.

- Мы встречались, и детектив хорошо со мной обошелся. Сделанное говорит больше, чем слова. Он добрый, я ему верю.

Дубль обернулся к девушке и склонил голову в раздумьях. Макс пригляделся. Очертания лица казались ему знакомыми. Он видел ее, причем совсем недавно. «Клон-проститутка из исторического квартала! Как ее? Мизери! Точно, Мизери!» - вспомнил Макс.

- Хорошо. Возможно, я и правда стал параноиком, раз враждебность к живорожденным затмила признательность за спасение брата. Вопреки сказанному тобой разница меж нами существует, Макс Шмит. Хорошо, хорошо... – задумался Дубль. - Нужно взвесить, что сулит твое появление. Пока можешь отдохнуть. Идти, как я понимаю, тебе все равно некуда. Хорошо, хорошо... Ступай, тебя проводят.

Несколько клонов окружили Макса и вынудили следовать. Детективу отвели темную комнату, похожую убранным на камеру. Наверняка, ею она и являлась. У стены располагалась стальная кушетка, и Макс с наслаждением прилег, ощутив, как он до невозможности устал.

Не успел Макс задремать, как услышал скрип дверных петель. Когда он нехотя повернулся, чтобы посмотреть на вошедшего, в комнате снова воцарилась тьма.

- Кто здесь? - сказал он, поднимаясь.

- Это я.

- Мизери?

- Да, милый. Ты спал, прости, но я не смогла удержаться. Если хочешь, я уйду.

- Нет, - сказал Макс.

Его глаза освоились в темноте, и детектив увидел очертания девушки. Он нащупал ее руку и посадил на кровать. Молчание.

- Ты хотела что-то сказать?

- Ты обманул меня... - произнесла она после долгой паузы, - но я не сержусь.

По манере речи было заметно, как непросто ей давалось каждое произнесенное слово.

- Я тоже соврала. Я не работала в борделе. Когда я сбежала от хозяев, мне помогли укрыться в том месте до поры, пока меня не заберут к Дублю.

- Зачем тогда обслуживала клиентов?

- Не обслуживала. Честно. Меня нарядили, как работницу, и девочки объяснили, как себя вести. Я старалась делать все правильно. Мне не хотелось подставить хороших людей потому, что они здорово рисковали ради меня.

- Тебя посадили с про... с девочками, чтобы спрятать на виду. Хитро.

- Распорядительница сказала, что на мою внешность невысокий спрос. Так и было...

- Пока не пришел я, - закончил фразу Макс.

- Да, - тихо сказала она.

Гадливое чувство собственного ничтожества, которое Макс испытал в борделе, не стояло ни в каком сравнении с нынешними переживаниями.

- Я не жалею, нет! - вдруг возбужденно заговорила Мизери. - У меня были мужчины, но они ни разу не проявляли доброты, как ты!

- Тише, прошу тебя!

Она взяла детектива за плечо, от ее ладоней исходила мелкая дрожь.

- Хорошо, - прошептала она. - Ты говорил Дублю правду? О том, что клоны такие же люди, и что мы вместе способны жить дружно?

Мозг кричал, и Макс никогда так сильно не хотелось выпить.

- Да, - сказал Макс и мысленно влепил себе пощечину.

- До сих пор не могу забыть ту девушку.

- Ккк...какую? - сквозь комок в горле произнес Макс.

- Нику, которую убили. Этот Апофис плохой человек, я слышала про него много гадостей.

- Да, он самый грозный человек в целом городе, и не только в нем. Разобраться с ним практически нереально.

- Я могу помочь.

- Спасибо, милая, но эта игра слишком опасна.

- Нет, я буду помогать. Скажи, как, и я сделаю. Мы должны наказать убийцу!

Как говорится: «..., но снизу постучали». Темнота милостиво скрыла пунцовые уши Макса.

- Мне нужно найти особых клонов. Они помогут мне добраться до Апофиса.

- Как их зовут? Я узнаю.

- В том-то и дело, что мне не известны ни имена, ни внешность. Только одна черта: они быстро вырастают, но потом стареют медленно, как люди... то есть, живорожденные.

- Ого... Я не знала, что такие бывают. Как бы я хотела появиться такой же и жить бесконечно долго, как ты.

- Бесконечно... - сконфуженно улыбнулся Макс. – Смотри, не проболтайся.

- Никогда! Это наша тайна. Я найду их, обещаю.

Макс погладил Мизери по головке. Она поцеловала его и начала стягивать с себя майку.

- Не нужно, - остановил ее Макс.

- Я больше тебе не нравлюсь?

- У тебя самая чистая и добрая душа. Но пока я просто не могу.

- Можно, хотя бы полежать рядом?

Макс кивнул, и они легли на узенькую жесткую кровать. Девушка уткнулась головой в усталую грудь и обвила бедра ногами. Ее лобик морщился, но она не плакала, наверное, о чем-то размышляла. Постепенно Мизери перестала дрожать и засопела. Макс, напротив, было не до сна. Спустя какое-то время девушка проснулась и приподняла голову. Детектив прикинулся спящим, и она аккуратно поднялась и вышла. На подушке остался запах ее тела. Глубоко вдохнув, Макс закрыл глаза.

8

Наутро Макс вышел на нижнюю палубу позавтракать. В местной забегаловке ему подали суп из консервированной рыбы. Суть здешней еды не во вкусе, а по большей части сводится к выживанию. Ритм жизни внутри пространства, лишённого солнечного света, не привязывался к суточным циклам, оттого местная публика пребывала в постоянном оживлении, словно никто думал не расходится на сон.

Неожиданно шею детектива обвили чьи-то руки. Слишком плавные и легкие движения, чтобы насторожиться. Он оторвал глаза от тарелки. Так и оказалось – одна из легиона клонов-проституткок решила выказать интерес к одинокому мужчине. Макс вежливо дал понять девушке, что не нуждается в ее услугах, но она не думала отчаиваться и села рядом. На смену деликатности пришло грозное недовольство. На нимфу это произвело ровно обратное действие, она придвинулась ближе и прикоснулась к чуть повыше запястья. Детектив не успел одернуть руку, в дополненной реальности появилось сообщение: «Мне доложили о твоём успехе. Поступай так же решительно и наши дела завершатся успешно, и что важнее для тебя – быстро. С данным сообщением тебе передан адрес зашифрованного канала связи, на случай если понадобится моя помощь». Макс взглянул на руку проститутки и увидел смарт-браслет, приложенный к его браслету. Девушка с почтением кивнула, но в этот момент ее словно муху прогнал помощник босса клонов Плеть.

- Развлекаешься? – ядовито спросил Плеть, проводив взглядом проститутку.

- Ем.

- Шевели челюстями.

- Проблемы? – сказал Макс и расположился так, чтобы половчее выхватить оружие.

- Да, и я бы охотно уложил тебя прямо здесь, но у босса имеется дело. Теневой торговец органами, Томаш Чечик, лезет на нашу территорию со своим бизнесом и не хочет платить. Прикрывается именем Апофиса и думает, что броневой. Впрочем, он туп, как и прочие живорожденные. Устрани проблему. Заодно проверим, сидишь ли ты на поводке или все же есть мизерный шанс, что ты не очередная шавка, подосланная Апофисом.

- Где найти цель?

- На седьмом ярусе, вблизи гидропонных ферм. Понял или за ручку довести?

- В другой раз.

Плеть резко поднялся, опрокинув стул, и ушел. Уже на ходу Макс спросил мнения Апофиса, касательного убийства его человека. «Делай», - было ему ответом.

Наблюдая за жертвой, Макс обнаружил, что Чечик крайне редко покидает офис. Внутри было полно головорезов Апофиса, оттого нападение грозило обернуться резней с непредсказуемым результатом. Однако торговец имел слабость – он был прилежным семьянином. В определенное время дважды в день, используя портал, он прыгал на ярус, где находился его дом, чтобы поесть в окружении семейства. На следующий день Макс выдумал план, как просто, а главное весьма эффектно устранить жертву. Как ожидалось, в обед Чечик прыгнул с седьмого яруса на десятый, а Макс настроил пистолет на беззвучный режим и прыгнул наперерез. Применяя виртуальный алгоритм прицеливания, детектив лишь нажал курок в нужный момент. Доля секунды и Макс смешался с потоком людей на нижней палубе, а тело Чечика в ослепительном ореоле выбросило на порог к ногам жены и детей.

Даже Плеть с присущей ему враждебностью не сумел скрыть впечатления от изобретательности исполнения заказа. Следующим поручением был захват лаборатории клонирования. Она принадлежала небольшой сторонней группировке, поэтому Макс оказался избавлен от удовольствия лишней раз якшаться с Апофисом. То, что у банды не хватало влияния отнюдь не значило, что у нее слабая команда солдат. С ходу исключив удар в лоб, Макс использовал известную в криминальном мире фамилию Капетуа, чтобы договориться на личную встречу с главарем банды под предлогом заинтересованности в крупном заказе партии клонов. Попав внутрь лаборатории, Макс потребовал приватности, для чего избрал под переговоры весьма небольшую комнату. Ослепленные жадностью бандиты не распознали западни. Орудую ножом в стиснутом пространстве, Макс проворно уложил главаря и пятерых подельников. Затем, по сигналу, отряд Плети ворвался в лабораторию и добил остальных. Выходя из комнаты, омытый кровью врагов Макс ожидал аудиенции Дубля, чтобы тот воздал ему должное, но Плеть с ехидной ухмылкой подрядил детектива на новое дело.

Прошла неделя, а Макс всё бегал на побегушках у Плети, к вящему удовольствию последнего.

Больше всего в жизни Плеть презирал живорожденных, а Макс, который олицетворял их сливки, вызывал искреннюю ненависть. Макс понял, что пока старший помощник жив, ему не светит оказывать даже сколь-нибудь мизерное влияние на босса. Однако убить Плеть собственноручно было равнозначно самоубийству, ведь тот почитался Дублем за самого доверенного человека после собственного брата. Мерзко, но при сложившемся раскладе Макс не нашел иного выхода, кроме как просить подмоги Апофиса. Детектив понимал, что для завоевания доверия клонов требовалось действовать коварством. Тонкая игра являлась сильной стороной Наташи, но не его.

Апофис указал координаты места встречи. Макс шел по ходам, сокрытым от посторонних, но наткнулся на тупик, однако, по навигации путь проходил намного дальше. Апофис посоветовал подключиться к интерфейсу «Презренного».

«- Он работает до сих пор?»

«- Как, ты полагаешь, действует система циркуляции воздуха и водоснабжение? Неужели не задумывался, почему до сих пор функционируют генераторы? Подключись к компьютеру корабля и расчисти путь»

Макс с долей скепсиса приступил к связи с кораблем, и каков же был восторг, когда ему удалось. Изумило же другое - интерфейс инопланетного корабля оказался приспособлен под человека. Для чего захватчикам понадобилось создавать совместимое с врагом управление кораблем? Это не укладывалось в голове Макса, но зато стало понятно, как люди вмиг овладели внеземными технологиями и разлетелись по галактике на захваченных кораблях.

- Ты один? – спросил Макс у Апофиса, когда встретились.

- Хе-хе... это скорее следует спросить у тебя. Набил шишку и побежал к папочке за помощью? – съязвил Апофис. – Не закипай, у меня хорошее настроение, ведь дела идут по плану.

Макс рассказал о недавней работе на Дубля и проблемах с Плетью.

- Эх, нет в тебе пронциательности Виктора. Не беда. Уже похвально то, что тебе достает ума обратиться ко мне. В наши дни люди не в меру самонадеянны, а потом приходят в слезах размазывая кровавые сопли. Ну, да ладно... Когда я послал тебя вызволять младшего Дубля, у меня уже имелся план, что поступить с этой занозой, правой рукой Дубля, - сказал Апофис. – «Плеть в руке босса!» - с омерзением произнес он. - На подобную пошлость способны только безмозглые клоны.

- Что ты придумал?

- Нет в тебе терпения! Слушай и не перебивай. Мы обернем ситуацию так, что болванчики сделают грязную работу за нас. Вот, как ты поступишь...

Посреди большого зала общины сияла голограмма солнечной системы. Вокруг нее рядами на полу сидели клоны и заворуженно смотрели на изображение. Между планет разгуливал Дубль.

- Понимаю, что сложно поверить, но это наш дом. Солнечная система. Ослепительный круг в небе, который вы могли видеть вне корабля – вот он, - сказал Дубль, указывая на звезду, - наше Солнце. Солнце – это раскаленный шар из газов и всех элементов, которые существуют в природе. Там даже есть железо, правда оно жидкое и спрятано очень глубоко. Вокруг Солнца обращаются планеты, вот они, крохи. А это – наша Земля, на ней мы живем и по ней же ходим.

Под изумленные вздохи слушателей модель Земли увеличилась до размеров нескольких метров.

- Какая большая, а! Можете представить, насколько велико Солнце? Его диаметр... длина, в сотню раз больше нашей планеты. Приближимся ближе, - голограмма показала Европу и Дубль указал в ее центр, - эта территория называется провинцией Галлия. Приближим еще, и вот – город Орлеан, рядом с ним живем мы. Хотите, покажу нечто удивительное?

- Да! – отозвались клоны.

Земля уменьшилась, переходя к панораме Солнечной системы, далее к галактике и их скоплениям и, наконец, к модели вселенной. Клоны замерли в трепете. Макс подошел к собравшимся и будучи единственным человеком на ногах, оказался замечен Дублем. Голограмма погасла и, подозревая одну из сидевших женщин, Дубль сказал:

- Теперь Буква почитает рассказ о морских путешествиях капитана Васко да Гама.

Женщина сменила Дубля и принялась читать вслух. Босс подошел к Максусу.

- Оружие доставили? – спросил Дубль.

- Да, обошлось без жертв. Хотя я заметил, что они сильно желали нас кинуть.

- Поэтому я и послал тебя, живорожденные вечно норовят поиметь клонов в сделке. Это все?

- Я хочу поговорить.

- Тогда идем в мой кабинет.

В личных апартаментах Дубля ощущалась та же царящая в общине разруха, разве что было гораздо чище, и обустройством комнаты соответствовали представлениям о жилом пространстве.

- Ты хорошо себя проявил за то недолгое время, что работаешь на меня. Будет несправедливо, если я не скажу, что за день ты приносишь больше пользы, чем некоторые мои ребята за жизнь.

- Рад слышать лестную оценку.

- Она, вне сомнений, заслужена. Однако, наблюдая за твоими успехами, за тем, как тыходишь к работе и, разумеется, за качеством исполнения, я не могу не спросить: как ты достиг столь выдающихся способностей?

- Секрета нет. До четырнадцати лет я обучался в специальной военной школе. Значительная часть учебной программы состояла в постижении искусства убийства, боевой тактики, военной инженерии и использования кибероружия. С рождения структура связей в моем мозгу формировалась под военные цели с помощью технических устройств и методов, разработанных прогрессивной системой образования, а оттого и образ моего мышления заточен отлично от прочих людей.

- Подумать только, четырнадцать лет! Знаешь, это на год меньше, чем мне сейчас, - с впечатлением сказал Дубль. – А что потом?

- Меня сочли дефектным, не способным работать в команде, ведь армия - это прежде всего дисциплина, и меня выперли в обычную школу. Однако я не забросил занятия и ежедневно упражнялся, хотя сейчас, признаюсь, тренируюсь реже.

- Очень интересно. Учение великая вещь...

- Ты ценишь познание и твои интеллектуальные способности на голову превосходят клонов, которых мне доводилось встречать прежде. Сегодня я видел не что иное, как урок, который ты провел для своих людей. После того, как я открылся перед тобой, позволь вопрос?

- Кажется, я понимаю, что ты хочешь узнать. Как так получилось, что клон стал умнее мар-тышки? - сказал Дубль. – Не отнекивайся, так оно и есть... В это будет нелегко поверить, но меня тоже учили. Как это говорят? Внеклассные занятия, - засмеялся Дубль. - Меня вместе с партией братьев купил местный наркопроизводитель, когда мне исполнилось два года. К тому моменту я был крепким пареньком, умел сносно разговаривать и считать до сотни. Большого хозяева не требовали. Нас определили на роль подсобников в метамфетаминовую лабораторию. Приходилось таскать мешки и работать на токсичных участках, где отказывались работать живорожденные. За год от таких условий все братья, кроме меня и Младшего погибли. Сгинули бы и мы, не подвернись случай. Главный подручный предал босса, прихватив солидный куш из общего тайника. В свете этих событий, боссу пришла идея, взять клон в качестве замены помощнику, который по своей природе целиком зависимое существо, а, значит, будет преданным. Не знаю, чем я выделился, но для этой роли он избрал меня. Ты спросишь: «Разве глупый клон поможет рулить крупным бизнесом?», и будешь прав. Босс купил школьное оборудование для обучения и нанял специалиста. Я переживал сакральный ужас, было невыносимо тяжело, когда на меня напывали все эти штуки и вливали в голову библиотеки информации. Но я терпел и старался, ведь я знал, если выдержу, буду жить, продвинусь и помогу уцелеть брату. Но как же было плохо... Позднее я выяснил, что за полтора года в мой мозг впихнули то, что обычные люди постигают целое десятилетие. Как видишь, я смог. Босс ввел меня в курс дел, и я служил с исключительным усердием. Когда мне стукнуло восемь, я стал уважаемым человеком, живорожденные люди садились за мой стол, спрашивали моего совета. Младшего я перевел на склад продукции, довольно непыльная работенка. Вот так я стал поумнее.

- Макиавелли был справедлив, отдавая должное случаю.

- И смелости.

- Как ты сколотил огромную банду?

- Элементарно. Я подговорил клонов, и мы перебили каждого живорожденного в лаборатории. Я лично перерезал артерию на шее главаря. Быстрая и красочная смерть... Его бизнес стал моим бизнесом, его клоны с охотой перешли под мое крыло. Группировки живорожденных пытались нас задавить, но я поднял восстания внутри их организаций, и их бизнес тоже стал моим бизнесом. А знаешь, почему так случилось? Люди относятся к клонам, словно к собакам. Тупая биомасса, которая лижет руки. Однако начини эта биомасса получать знания, она поймет, как живорожденные до ужаса боятся неизвестности, варианта, в котором человечество погибнет, и

мир унаследуют клоны. Люди старого мира ничего не могут нам противопоставить, ведь чем дальше, тем дряхлее они становятся. Хозяева будут немощно смотреть, как вчерашние псы самодовольно бросят им в лицо ошейники. Поэтому я пошел к боссу боссов - Апофису. Я отказался волновать клонов в его империи в обмен на признание моей новой организации. Будучи мудрым человеком, он принял условия. Оружие клонов – время, не нож.

- Не боишься говорить столь откровенно с живорожденным?

- Чего мне опасаться? Ну, сколько мне осталось: год-три? Ладно, что-то я увлекся... Чаю не хочешь?

- Нет, спасибо.

- Что-то я заболтался. Ты же пришел обсудить дела?

- Не совсем. Насчет Плети.

- Плеть? Что с ним не так? Да, я заметил, что он иногда перегибает, но тому есть причина. В свое время он натерпелся от вашего брата.

- Злопыхательство меня не тревожит. Я заметил, что он ведет сомнительные дела с враждебными тебе силами. Я кое-что сумел снять. На одном видео он в компании военных, на другом записан разговор с Триарием, близким человеком Апофиса. О чем они говорили, записать не получилось, иначе бы я себя обнаружил.

- Ничего страшного, мы ведем дела, в том числе с врагами. Откровенно говоря, только с врагами и работаем, друзей у клонов нет.

- Тогда все, босс.

Макс поднялся из кресла и пошел к двери.

- Ты куда? Видео-то сбрось на компьютер, - остановил Дубль, затем немного помолчал, добавил: - И еще. Ночь, которую ты провел с Мизери... Я стерпел, учитывая твои заслуги по спасению Младшего, но впредь знай - она моя. Не советую проверять: что будет если...

Из кабинета Дубля Макс пошел напрямик к Плети. Было глубоко за полночь, клоны разошлись на ночлег и обитель затихла. Плеть сидел в помещении, отведенном под столовую, и в уединении угрюмо поедая холодный ужин. Макс налил кофе и подсел.

- Чего тебе? - не отрываясь от миски, буркнул Плеть.

- Между нами напряженность.

- Хех... Мне не нравишься ни ты, ни твое появление здесь. Смирись.

- Все же я попытаюсь сгладить неприязнь. Пусть и односторонним шагом.

- Я ем, говори, чего надо и проваливай.

- Я узнал, что послезавтра утром в лавку Равида Клемана прибудет партия бриллиантов, где-то тысяч на пятьдесят.

- С чего бы мелкому барыге привалило такое богатство?

- Не веришь, разнюхай сам. Только аккуратно, чтобы не спугнуть.

- Поучи меня дела вести.

- Я отдаю наводку тебе. В знак уважения. Ты правая рука босса, и я признаю за тобой старшинство. Если мы уладим вражду, это послужит общей пользе.

- Похоже ты не совсем конченный debil, как остальные живорожденные, но я откажусь. В этот день пройдет крещение молодняка. Ритуал состоится на открытой площадке под небом на двадцать шестом ярусе. Как ты понял, это чужая территория, а, значит, боссу будет угрожать опасность.

- Зря, отказываешься от неплохих денег, на них можно купить большой дом. Не бей по дружеской руке. Как боец, я лучше любого из твоих, и пригляжу за боссом. Обстряпаешь дельце и под шумок присоединишься.

- Деньги правда хорошие, и, черт возьми, они бы мне сгодились. Если соглашусь, придется доверить тебе свою шкуру.

- Так начинается сотрудничество. Если будешь расторопным, легко подоспеешь до конца церемонии. Вместе мы достигнем большего, нежели продолжив рознь. Вот тебе моя рука верности и дружбы.

- Ты показал себя достойным бойцом... - сказал Плеть и опустил ложку. – Я приму твой дар.

Плеть протянул ладонь в ответ, и они заключили договоренность крепким рукопожатием. Макс, удовлетворенный успехом, вышел из-за стола. Плеть кинул вдогонку:

- Обманешь меня - умрешь.

Макс оскалился, но не ответил. Партию бриллиантов он оплатил из своего кармана.

Идея ритуала крещения была заимствована Дублем из христианской религии. В ходе него годовалые клоны проходили инициацию во взрослую жизнь. Вдобавок, крещению подлежали недавно примкнувшие к банде, в таком случае обряд символизировал клятву верности. Церемония проводилась под открытым небом, что для многих служило первой возможностью взглянуть на Солнце вживую. Однако именно это представляло наибольшую трудность. На подконтрольной клонам территории не было доступа к открытым площадкам. Путь к ближайшей проходил через многочисленные ярусы, на которых хозяйничали враждебные группировки. Несмотря на то, что за безопасный проход Дубль платил огромные суммы, эксцессов ожидали всегда.

Подготовка бурлила с самой ночи. Клоны выстроились в походные колонны, в середину поставили малышей, которых окаймляли взрослые. Для сопровождения босс отобрал дюжину лучших бойцов, в чьих рядах нашлось место и Максусу. С вечера накануне Плеть не возвращался на базу, объясняя отлучку сложностями некой проводимой им тайной операции. Услышав эту неприятную весть Дубль пришел в ярость и, за неимением иных достойных командиров, нехотя вверил Максусу командование над охранением.

Наступил рассвет, и по команде колонна приступила к движению. Однако клоны заметили, что Макс не явился на позицию в голове сопровождения.

- Они решили сорвать церемонию! – хлопотал Дубль. - Почему все лучшие люди словно сговорились кинуть меня в самый ответственный день?

- Я видела Макса совсем недавно. Наверное, забыл что-то в комнате, - произнесла Мизери, которая стояла в колонне приводимых к клятве клонов.

- Так найди его, дорогая! Если мне придется искать самому, то ей богу пристрелю сукина сына!

Мизери выбежала из колонны и со всех ног помчалась к комнате Макса. Не найдя его там, она оббежала каждый уголок общины, но тщетно. Раздосадованная, она ринулась по второму кругу. Наконец, они встретились, когда Макс захлопывал дверь комнаты Плетя. Глаза Мизери округлились от удивления. Макс замер, не зная, как поступить. Для сегодняшнего дела он облачился в боевую экипировку, с правого плеча на ремне свисала автоматическая винтовка, снаряженная глушителем, отчего проблема с легкостью могла разрешиться короткой очередью.

- Милый, пойдем быстрее! Босс нервничает.

Мизери попыталась взять Макса за руку, но он благоразумно не позволил, опасаясь, что следом за девушкой мог быть послан кого-то еще. Вдвоем они вернулись к заждавшейся колонне.

- Черт тебя дери! Где ты шляешься? – заорал Дубль, едва заметил приближающегося Макса.

Макс осторожно взглянул на Мизери. Она украдкой улыбнулась и села рядом с мальчишкой, чтобы поправить ему волосы.

- Забыл винтовку, босс.

- Дебил... - сказал себе под нос Дубль. – По местам, выходим!

Бандам заплатили за беспрепятственный проход, но никто не обещал клонам радушие. Вслед шествию летела брань, им плевали под ноги, а те, кто имел оружие, держали колонну на мушке. Дубль запретил отвечать на любые провокации, понимая, что находится словно на ладони с обозом, состоявшим преимущественно из неподготовленных женщин и детей, уязвимых перед самой ничтожной перестрелкой. Для защиты Дубль с радостью выгнал бы всю имевшуюся свору бойцов, но банды согласились только на двенадцать сопровождающих.

- Не нервничай, живорожденные постоянно ведут себя, как свиньи, - сказал Дубль, шедший с Максом в голове колонны. – Все улажено, шайки станут издеваться, но не стрелять. Так что наплюй, будет еще время отомстить.

Дубль ободряюще хлопнул Макса по бронежилету. Именно из-за этого хлопка Макс не услышал первый выстрел. Окруженные сиянием на площадку посыпались вооруженные головорезы. Нападавшие не имели значительного перевеса в численности, но внезапность атаки и плотный огонь причинил колонне сокрушительный урон. Первым делом Макс броском зашвырнул босса в окно ближайшей лавки и запрыгнул следом. Застигнутые врасплох клоны-бойцы на открытом пространстве мало что могли противопоставить слаженным действиям врага, удерживая позиции, они жертвовали собой, давая шанс безоружным. Тела клонов усеяли площадку. Нападавшие не щадили никого.

- Спаси девчонку, - сказал Дубль, вцепившись в Макса, - спаси Мизери!

Макс иронично посмотрел на босса, недоумевая, как в час смертельной опасности он способен думать о любовнице. Все же под напором Дубля Макс выскочил из укрытия и, на бегу поливая врага из автомата, врезался в сбившихся в гурьбу клонов. Расталкивая жавшихся друг к другу беспомощных существ, он отыскал скованную шоком Мизери. Макс схватил ее ладонь, но она объятая ужасом отпрянула от него, словно от демона. Тогда он запустил ладонь в ее густую копну и, намотав волосы на кулак, потащил к боссу. Едва они успели отбежать на пару метров, как в обреченную кучку клонов полетели пули. Стреляли экспансивными, от детей и женщин, стоявших там, осталось месиво из плоти и оторванных конечностей. Оказавшись в укрытии, Мизери с неистовой силой обхватила руками спасителя, пряча голову в грудь. Больше не за кого опасаться, настал час действовать. О собственной жизни Макс не думал, с детства его учили, что в бою страх смерти губит, если не самого, то бойцов рядом. Поднявшись и силой оторвав от ног Мизери, Макс перезарядил винтовку и выпрыгнул из окна. Маневрируя зигзагами, он побежал навстречу врагу, щедро разряжая боезапас. Первого на пути Макс убил прикладом с разбегу, второго с размаху столкнул в пропасть. Справа под ногами заискрились пули, Макс бросил порожнюю винтовку и, достав пистолет, прыгнул на пол, уклоняясь, и уложил стрелка. Фланг был зачищен. По фронту атакующих давили к краю площадки двое израненных бойца Дубля. Осознав близящееся поражение, нападавшие принялись организованно отступать по тросам на нижние ярусы. Макс бросил пару дымовых и, нацепив респиратор, бросился на врагов. Из тех несчастливцев, кто не успел удрать, Макс убил троих, но пленил последнего. Таков был уговор.

- Где ты, сука, был?!

Дубль яростно вопил и сокрушительным ударом в ухо уложил Плеть на пол, когда тот появился в общине. У босса был повод – из трех десятков вернулось лишь шестеро включая его самого. Самый ценный актив клонов, молодняк, погиб без остатка. Пока оглушенный Плеть на карачках тщился подняться, Дубль грозно взглянул на Макса, который обрабатывал захваченного боевика по печени.

- Обыскать его! – крикнул Дубль бойцам, указав на Плеть. – Макс, что с пленным?

- Хочет исповедаться, босс!

- Так тащи эту собаку сюда!

Макс поставил пленного на колени перед боссом.

- Ты клон, верно? – спросил Дубль.

- Не все клоны твои рабы!
- Как ты осмелился поднять оружие на братьев, на детей?
- Он служит Апофису, босс, - сказал Макс, указав на татуировку на шее пленного.
- Как же так? Клоны предадут клонов, собственное племя... - исполненный презрения прошипел Дубль.

- Если тебя предали самые ближние, как ты смеешь обвинять меня, - ответил пленный.

Дубль в гневе схватил пленного за горло и крикнул:

- Что ты сказал, тварь?

- Босс, - окликнули бойцы, обыскивавшие Плеть. – У него в сумке деньги. Очень много, босс.

Дубль бросил пленного и подошел к Плети.

- Откуда это? – недоуменно спросил Дубль.

- Это хабар с ограбления, тут и твоя доля.

- Лжешь! Обыскать его комнату! – крикнул Дубль. – Говори, ты продал меня Апофису?

- Никогда, я верен тебе, клянусь, босс...

- Дубль, позволь... - сказал Макс.

Он снял с Плети смарт-браслет и взломал его.

- Похоже, босс, твои подозрения подтвердились, - тихо произнёс Макс.

Взяв переданный браслет, Дублю подключился к нему и просмотрел почту Плети. На виртуальном облаке хранились письма от людей Апофиса.

- Сговорился с врагами? – сказал Дубль и прежде, чем получил ответ, огрел Плеть по лицу рукоятью пистолета.

Из раздробленного носа и рассеченных губ Плети брызнула кровь, смешанная со слюной и слезами. Он уже не был в силах возражать. Глядя на выплунутые на пол зубы, Дубль в душе устрасился своей жестокости и отдал оружие Макс, чтобы ненароком не спустить курок в приступе гнева. Босс отшатнулся и сел за стоявший неподалеку стол. Отвернувшись от всех, он оперся лбом на ладони, и, усилием остужая ярость, попытался размышлять, оперируя логикой, а не эмоциями. Возможно, ему бы это удалось, если бы вскорости бойцы, перетряхнувшие комнату Плети, не бросили на стол электронный накопитель, инкрустированный в золотую монету размером с половину ладони. Зажав в кулаке монету, Дубль поднялся и его в глазах умерла человечность.

- Что это, босс? – спросил Макс.

Дубль не ответил и прошел мимо. Встав напротив Плети, он предъявил монету. Плеть отчаянно замотал головой.

- Эта техномонета называется «Услугой Апофиса», - сказал Макс, указав на монету. – Ее обладатель вправе просить Апофиса о любой просьбе. Если продать техномонету можно выручить целое состояние, не говоря о том, что ей можно воспользоваться по назначению. Ведь не было случая, чтобы Апофис отверг исполнение услуги.

Вдруг раздался выстрел, Макс обернулся и увидел, как Дубль опускает пистолет, затем втискивает монету в мертвый рот Плети. Увидев расправу, Макс собрался пристрелить пленного клона, но Дубль остановил.

- Пусть несет труп Апофису, - тихо произнес Дубль.

- Босс, нужно отомстить! – с воодушевлением крикнули бойцы.

- Такое нельзя прощать, - подойдя к Дублю, сказал Макс.

- Я отправлю послание, - сказал Дубль, указывая на тело Плети, - этого довольно.

- Но, босс... - сказал Макс.

Не добавив ничего к сказанному, Дубль устало поплелся в кабинет.

- ... и лишь тогда созреет почва, - договорил Апофис.

- Считаешь, взбешенный Дубль не отправится по твою голову? – спросил Макс.

- Он возжаждет мести, но побоится развязывать самоубийственную войну. Чтобы Дубль прыгнул в пропасть, я подожгу землю под его ногами. Мы поставим под угрозу самое дорогое, чем он обладает. Его заветных клонов, то есть моих заветных клонов.

- Так у него не останется выхода, кроме нападения, а заодно ты узнаешь, где заветные клоны, когда он обнаружит их, поместив под усиленную защиту.

- Парень, кажется, ты начинаешь учиться, - ухмыльнулся Апофис. – Тебе пора возвращаться, не нельзя пропадать надолго, чтобы клоны не заподозрили лишнего.

- Один вопрос: как ты заставишь клона, которого я возьму в плен выдать необходимые обвинения? Он же будет ясно осознавать, что неминуемо умрет.

- Любому нормальному человеку можно внушить установки, которые превратят его в смертника. Клоны же по натуре глупы и ущербны. Пообещай им воскрешение, вечную жизнь, райские кущи с удовольствиями и прочую давно известную чушь, и они сдохнут с небывалым рвением. Ты вдумайся: они поклоняются овечке Долли и мажутся кровью бедного животного. Это финиш, с эдакими олухами можно творить что угодно.

- Мы их сделали такими.

- Хочешь поразглагольствовать о морали?

- Нет, конечно. У меня письмо, - сказал Макс и достал из кармана плаща свернутый листок, - для Наташи. Там ничего о делах, просто сообщаю, что я в порядке. Полиция наверняка сказала, что я преступник и подался в бега. Она не находит себе места...

- Передам, тихо кинем под дверь. Видишь, ты работаешь хорошо, и я плачу тем же.

- И еще, последний вопрос. Я хочу узнать ответ, прежде чем приступим к выполнению финальной стадии. Кто убил Виктора?

- Ты думаешь, я? – указав пальцем на себя, спросил Апофис. – Знаешь, я немного удивился, почему ты не спросил при первой встрече. Помню твое выражение лица: ты – сволочь, погубившая брата. Вот остановись и подумай: кому послужила смерть Виктора? Мне, его боссу, который из-за убийства потерял след клонов, или... – он развел руками.

- ... тому, кто ими владеет сейчас.

- Парень, ты мастерски убиваешь, но совсем не пытаешься думать, - разочарованно сказал Апофис и ушел в темноту.

9

В полдень Макса, отдохавшего после утреннего побоища, разбудил посланник Дубля и передал, что босс срочно вызывал его в кабинет. Когда детектив явился, то увидел голограмму внутренних ходов и палуб корабля, вокруг которой оживленно спорили два десятка клонов весьма преклонного возраста. Макс узнал окруженного вниманием Дубля. Он разглядел и Младшего, который наблюдал за собранием из кресла в углу. Приблизившись к голограмме Макс послушал разговор и понял, что находится среди лидеров подполья в недрах банд на «Презренном».

- Мы решили действовать, - сказал Дубль, увидев вопрошающий взгляд Макса. – Апофис дал ответ на утреннее послание, из которого стало ясно, что промедление невозможно. Мы уничтожим Апофиса либо погибнем, другого расклада нет.

- У нас немного людей, но, если проявим хитроумную тактику... - начал Макс, подходя к голограмме.

- О, мы не будем в меньшинстве, - влез в разговор Младший. – Брат сигнализировал клонам, чтобы те подымали мятежи в независимых от Апофиса бандах.

- К ночи восставшие возьмут под контроль треть территории «Презренного», откуда мы соберем рекрутов для достойной схватки с Апофисом, - сказал один из делегатов подполья.

- Чудно, - сказал Дубль. – С этой третью мы легко отобьем еще столько же. Именно за остаток, где сосредоточилась армия Апофиса, состоится главная битва.

- Отчего тогда не поднять клонов Апофиса? Этим мы серьезно ослабим врага, - сказал Макс.

- Клоны Апофиса умело обработаны и фанатично преданы боссу. Боюсь, их призвать не получится, - сказал Дубль.

- Кто поведет силы общины? С твоими лучшими бойцами я разворочу «Презренный», конечно, если ты поручишь руководство мне, – сказал Макс.

- Ты показал себя великим воином. Мое доверие беспредельно. Ты не единожды выручал общину и спас вначале брата, а после меня самого. Однако клоны не пойдут за вождем из живорожденных. Во главе встанет Младший. Тебе же я уготовил особую роль, - сказал Дубль. – Отойдем в соседнюю комнату, я объясню.

Оба вошли в спальню. На кровати ждала Мизери, при виде мужчин она поднялась и, лишь кивком поприветствовав Макса, обняла босса. Покровительственно Дубль положил руку ей на плечи, и сказал Макс:

- Я вверяю тебе охранять меня и Мизери здесь в общине, когда начнется битва.

- Это безусловная честь, но все же представляется, что у атаки поднимутся шансы, командуй я хотя бы одним из отрядов.

- Думаешь мне невдомек, что Младший стар и не ровня тебе в военном ремесле? Решение оставить тебя здесь вызвано отсутствием иного выбора. Наверняка враг попытается совершить вылазку в общину, чтобы убить меня и тем самым обезглавить клонов. Этого нельзя допустить.

- Хорошо, босс, тебе виднее.

- Макс, помни, что я вверяю тебе не только собственную жизнь, но жизнь своей женщины, - сказал Дубль и чмокнул руку Мизери. – Пока я рассказал только Младшему, так что ты станешь вторым, кто узнает... в общем, после победы я женюсь на Мизери. Мы проведем церемонию и торжества, все по правилам живорожденных. Не потешайся над старческой сентиментальностью. Удел клонов не сводится к сношениям с кем попало. Я хочу разрушить стену предрассудков, показав, что мы, клоны, тоже вправе заключать браки и создавать семьи. Что думаешь об этом?

- Ничего, кроме восхищения твоей пронизательностью. Поздравляю босс, - сказал Макс. – И тебя, Мизери.

Девушка опустила глаза.

- Вроде бы на этом все, Макс. Нам выпало перенести суровое испытание, поэтому до завтра набирайся сил, приводи в порядок снаряжение, и в шесть я жду тебя.

Макс кивнул головой и покинул кабинет Дубля. В залах общины, оглушенные трепетом надвигающейся схватки, как предвестия неизмеримой боли и бойни, клоны двигались украдкой и общались интуитивно, главным образом жестами. С виду обитатели занимались привычными бытовыми делами, но малейший резкий звук приковывал взгляды. Проходя через обширный зал Макс пытался разглядеть что-то человеческое в глазах у клонов, но видел даже не молчаливую свору, а немое стадо. «Кого клоны видят во мне: пса-погонщика или волка?» - спрашивал себя Макс и не находил ответа. Вдруг он почувствовал под ногами нечто липкое. Включив ночное видение, он понял, что вступил в вязкую лужу. Кровь Плети. Безразлично клоны топтали ее, не подумав убрать. Макс оглядел общину - грязь, разруха, клоны, обряженные в рвань. Ничто вокруг не напоминало детективу прежнюю жизнь. Разве что теперь и здесь исчезли дети.

Вернувшись в свою комнату, Макс вымыл руки в тазу. Он разделся по пояс и ногтями соскоблил с кожи грязь и сохшуюся кровь, наощупь сбрил запущенную щетину и опустил голову в воду, в которой было так приятно и прохладно, что он держался покуда не вышел воздух из легких.

- Если хочешь искупаться, прикажи, чтобы нагрели воды, - услышал он, когда отпрянул от таза.

Макс утер глаза. Рядом стояла Мизери. Она подала полотенце и присела на край кушетки.

- Я знаю, ты замышляешь против Дубля, - тихо сказала она. – Это ты подсунул монету в комнату Плети. Мы встретились, когда ты выходил оттуда.

- Почему не выдала меня? - спросил Макс, одеваясь.

- Заверши начатое. Убей Дубля. Освободи меня.

- Зачем? – удивленно спросил Макс и залез на кровать, забравшись с ногами, так что оказался за спиной девушки.

- Дубль домогается моей любви.

- Да, он не красавец, зато влиятелен. Понимаешь, если Дубль умрет, то община падет. Когда это случится, часть клонов перебьют, остальных вернут в рабство.

- Глупенький... если я влюблюсь в Дубля, то забеременею! - воскликнула она и повернулась к Макс.

- Девочка моя, в нашем мире женщины не способны зачать, не переживай. Тем более от любви, которая...

- Не через секс. Клоны бесплодны, как живорождённые. - перебила Мизери. – Я же говорю, что могу забеременеть если полюблю. Внутри моего тела создастся частица с ДНК возлюбленного, которая, соединившись с моей, даст новую жизнь.

- Невозможно!

Макс потупил взор, и в голове наконец история клонов соединилась воедино.

- Ты... Ты тот самый клон, которого... - встрепенулся Макс, но вовремя остановился. – Тогда зачем он придумал эту чушь про скорость выращивания?

- О чем ты? – спросила Мизери.

- Апофис! От него ты скрывалась в борделе, когда мы впервые встретились. Ника Деву погибла, помогая тебе. Апофис захватит тебя!

- Убей и его! Есть друзья, они помогут.

- Мизери, до Апофиса не добраться. Он слишком силен, а главное хитер. Хотя это все не важно. Даже сумею я убить обоих боссов, на их места взойдут новые, и охота за тобой не прекратится, если только...

- Что?

- Не уничтожить всех разом, вместе с кораблем! - сказал Макс и исполненный решимости посмотрел на Мизери. – Посторожи меня! Не пускай сюда никого пока не скажу. Поняла?

- Да, милый. Что ты намерен сделать?

- Помни, никого!

Макс навалился на стену и, подключившись к сети, замер. Мизери вскочила с кровати и заперла дверь. Вернувшись на место, она взяла Макса за руку, но он уже не реагировал. Его лоб и брови поморщились, Мизери почувствовала, как напряглись мышцы его рук. Она отпустила ладонь, и рука Макса будто по инерции вернулась ему на колено. В нарастающей тревоге Мизери не представляла, как себя вести, лишь настойчиво повторяла в голове: «Не пускать никого!». Макса прошиб пот, так что влага закапала с кончиков волос. Мизери гладила Макса по голове, когда вдруг его тело затряслось сперва в легком ознобе, затем дрожь нарастала, и Макса заколотило, словно в припадке. Мизери саму начало подергивать от беспокойства, она плакала в бессилии. Проводя пальцами по щекам Макса, она судорожно озиралась на дверь при малейшем шорохе извне, непрерывно вторя: «Не пускать никого, не пускать никого, не пускать никого...» Когда из носа Макса протекла кровь, Мизери сдавленно вскрикнула, будто пронзенная собственной болью. Ничего уже не соображая, лишь повинувшись инстинкту, она крепко зажала рот ладонью, впиваясь ногтями в лицо. Вдруг тело Макса обмякло, он поднял голову и сквозь

полузакрытые глаза убедился, что в комнате нет посторонних. Ослабшей рукой он провел по щеке Мизери, качнулся и завалился набок.

- Что с тобой, милый? Ты жив? Что мне делать? – судорожно спрашивала Мизери, утирая кровь с его губ.

- Все уже свершилось, - еле шевеля губами сказал Макс. – В компьютере корабля осталась не просто рабочая система... - говоря, Макс тяжело дышал, - настоящий интеллект.

- Корабль живой?

- Можно сказать и так.

- Вы говорили?

- Это не походило на человеческое общение, но, кажется, он понял меня.

10

Мечтатели изобрели ад себе на потеху. Тысячелетия прошли в изощренной жажде затмить ушедшие поколения, превышая планку мерзости и ужаса, которым возможно подвергнуть живую плоть. Именно живую. Даже мертвецы обязаны воскреснуть, чтобы принять страдания. Не вопрошай: когда развернется бойня. Ведь демон крови томится в узде искушенных фантазий, покуда мечтатели не дерзнут, наконец, воплотить преисподнюю в явь.

Ад вернулся! Идущие на смерть приветствуют тебя!

Кабинет Дубля превратился в штаб боевых действий. Доклады сыпались с быстротой телеграфных щелчков, приказы вперемешку с самой наипаскуднейшей бранью улетали в ответ. К полудню клонам удалось занять означенные рубежи, чтобы оттуда ударить по основным силам Апофиса. Макс сидел на софе рядом с Мизери в стороне от клонов, снующих вокруг голограммы. Он не получал истеричных писем от Апофиса, значит события двигались по плану.

- Друзья готовы увезти тебя, когда окажешься на улице? – шепнул Макс.

- Готовы, но как выбраться? – сказала Мизери, тревожно поглядывая на Дубля, стоявшего в нескольких метрах.

- Я покажу путь. Ты залезешь в сокрытые тоннели и, пройдя по ним, окажешься снаружи. По крайней мере, я так понял. Гарантий нет, наши судьбы в руках корабля.

- Макс! Все в порядке? – крикнул Дубль, увидев, что он перешептывается с Мизери.

- Под контролем, босс! – крикнул Макс в ответ.

- Когда? – шепнула Мизери.

Макс закрыл глаза и замер, подключившись к сети корабля. Спустя несколько секунд он внимательно посмотрел на Мизери, провел ладонью по ее коленке и сказал тихо, несколько любовно:

- Беги в спальню, детка.

Мизери стремительно вбежала в соседнюю комнату и, хлопнув дверью, забилась в угол и зажмурилась. Внезапно сквозь веки она увидела, как вечный мрак впервые был рассеян светом. Открыв глаза, она изумилась озаренной светом комнате, и тогда за дверью зарокотал автомат. Когда стихло, она выглянула из кабинета и увидела, что Макс связывает руки Дублю, на голове которого был натянут мешок. Всюду валялись тела мертвых клонов. Макс поднял Дубля на ноги и, взяв Мизери за локоть, повел в зал общины.

- Сволочь, предатель! - ругался Дубль.

Макс съездил кулаком по мешку в место, где предположительно находилось лицо, и Дубль замолчал. Затем Макс укрыв обоих под стол и перестрелял бойцов в зале, что было нетрудно, учитывая яркое освещение и дезорганизованных этим обстоятельством клонов. Расчистив путь, трое вышли на открытую площадку яруса. Макс замер у одной из стен, и вскоре перед ним открылся проход.

- Лезь, - сказал Макс.

- Я боюсь, - пролепетала Мизери.

- Я тоже. Заходи и карабкайся вниз, пока не выберешься наружу. Когда встретишься со своими людьми, поезжайте к хлебозаводу, справа от ангара с готовой продукцией ты найдешь бетонную будку, на которой будет написано «Орион». Выломайте дверь и залезайте в технические тоннели. Запомнила?

- Хлебозавод, ангар с продукцией, будка с надписью «Орион». Выломать дверь и залезть в тоннель.

- Верно. Вот держи, - сказал Макс и достал коробочку из кармана. – Это смарт-браслет и линзы, пусть кто-нибудь из твоих людей наденет их. В браслет загружена карта, по которой вы выберетесь из тоннелей в склад на окраине Орлеана. Там и встретимся, если выживу.

- Не говори так!

- Беги!

Макс затолкнул девушку в проем, после чего отверстие затянулось.

- Светло! Откуда свет? – сказал Дубль.

- Думал, Апофис перебил светильники? Выходит, не все, - иронично ответил Макс.

- Чего ждешь?

- Подожди, свет — это только начало сюрприза!

В час, когда угрюмые мечтатели упиваются кровью, и их ненасытная страсть перемолоть все живое грозит катастрофой, возбуждаются проповедники рая на грешной земле. Мирный стихарик ложится на полку и вскрываются сундуки, скрепленные священной печатью. И вот поднимается белая рать в сияющих доспехах. Они вынимают мечи из ножен, покрытые вековой кровью нечестивцев. Они грезят Армагеддоном, полем последней схватки.

Рубите каждого, Господь распознает своих!

Стрельба и крики были повсюду, на каждом ярусе бойцы ожесточенно вгрызались в позиции противника. В побоище не осталось мирных жителей, все, кто сумел отыскать обрез, нож или даже металлическую трубу, рьяно истребляли друг друга. Пощады никто не желал, без разницы, что клоны и люди отличались меньше, чем ненависть, которая их разделяла. Клоны Апофиса сражались наиболее стойко. Названные предателями, они стремились взять бойцов Дубля в плен, чтобы особо изуверженно прикончить. Свет, растворивший мрак «Презренного», вселил души противников предвещие конца старого уклада. Осознание, что после победы, не важно какой стороны, грянет новый порядок, ожесточило бойню.

В самый отчаянный момент боя по кораблю разнесся низкочастотный гул. Следом, фонтаны в ярких потоках частиц стали выплевывать призраков прошлого – на палубы посыпались дюжины ксенодронидов. В полтора человеческого роста, сотканые из отливавших металлом трюсов, они светились изнутри. Ксенодрониды не ведали страха и жалости, они разили скрупулезно эффективно. Люди, которым во время войны доводилось видеть эти машины на полях сражений, с ужасом бросали оружие и разбегались. Дезертирство людей ни в коей мере не помогло клонам Дубля. Не знакомые со внеземным врагом, они стойко держали позиции, и целыми отрядами выкашивались бесстрастными воинами из металла.

Одна боевая машина приземлилась рядом с Максом. Видевший ксенодронидов в хрониках войны, Макс оторопел, понимая бессмысленность сопротивления, однако, верил, что интеллект корабля его не тронет. Металлический гигант посмотрел на детектива и зашагал дальше. Немедля Макс схватил Дубля и прыгнул в фонтан. Приземлившись на нижнюю палубу, он не утруждал себя боем, это за него с успехом делали машины. Пытаясь распознать путь в кутерьме взры-

вов и разрушений, Макс попал в тоннели и ринулся к условленному месту встречи. В свете вмешательства в битву третьей силы Макс не надеялся застать Апофиса и поэтому пошел дальше, напрямиком в логово.

- Что происходит на гребанном корабле? - заревел Апофис, едва завидел Макса в золотом зале.

Апофис стоял в окружении четырех охранников, которых Макс не замедлил пристрелить. Разъяренный Апофис кинулся на Макса, но получил удар прикладом в грудь. Пока криминальный император валялся, Макс вывел из тоннеля Дубля и бросил его рядом.

- Я держу слово, Апофис. Вот твой главарь клонов! – сказал Макс.

- Апофис? Ты притащил меня к Апофису? Ах, ты чертов ублюдок! – закричал Дубль.

Макс стянул с головы Дубля мешок и усадил на стул. Апофис между тем поднялся и с ненавистью взирал на Макса, держась за грудь.

- Откуда взялись ксенодроиды? Их же давным-давно истребили, – спросил Апофис, умерив пыл.

- Ты ведь мнил себя хозяином «Презренного», я и забыл, - сказал Макс.

- Где мои клоны, Макс? – спросил Апофис.

- Она моя! – выкрикнул Дубль.

- Она ничья. Девушка покинула корабль, и теперь до нее не добраться. Так что успокойтесь, - сказал Макс. – Та-та-та!

Макс погрозил автоматом Апофису, который начал медленно отходить к письменному столу.

- Встань на место, - сказал Макс. - Не хочу, чтобы ты погиб раньше, чем мы разберемся с главным делом.

- Что ты несешь? – воскликнул Апофис. – Все, нет у нас больше дел. Ты свободен!

- Спасибо большое! – рассмеялся Макс, - Я-то свободен, а ты нет. Не будем тянуть, корабль вот-вот окончательно превратится в гиену огненную. Я собрал вас обоих вместе, чтобы выяснить, кто из вас, ублюдков, отдал приказ убить Виктора?

- Виктор? Какой нахрен Виктор? – недоуменно спросил Дубль.

- Старая песня... - закатил глаза Апофис.

- Не ерничай! Ты сказал, что убийство было выгодно Дублю...

- Нет! – перебил Апофис. – Насколько помню, я предложил тебе оценить, кто выиграл от смерти Виктора.

- Разве ты намекал не на него? - спросил Макс, указав дулом автомата на Дубля.

- Этот доморощенный вождь клонов узнал про девчонку не далее месяца тому назад, - сказал Апофис. - Верно? – обратился он к Дублю.

- Да, мне сообщили, что в Орлеане появилась особенная девушка-клон, и что она ищет защиты, опасаясь Апофиса, - сказал Дубль.

- Как, ты думаешь, девчонка выживала последние годы? За ней стоит команда преданных клонов, под чьей опекой она находилась. Недавно я прижал их настолько, что скрываться стало невозможным. Я раскрыл их последнее убежище! – сказал Апофис, встал лицом к лицу с Максом.

- Как звали ту проститутку?

- Ника Деву.

- Она самая. Мои ребята завалили ее и почти настигли беглецов, но не хватило буквально считанных часов, - закончил Апофис.

- Это мне известно без тебя. Апофис, ближе к Виктору.

- Боже! Два года назад Виктор по пути из Фаюма выследил новое убежище клонов. Успей он добраться сюда, то я незамедлительно послал бы бойцов на захват! Разве в твоей голове не укладывается вывод? – сказал Апофис и устало выдохнул. – Скажу прямо, твоего брата убили

подручные девки-клона, которую ты только что отпустил на все четыре стороны. Продолжать объяснения или, наконец, дошло?

С минуту Макс молча сверлил Апофиса взглядом, не двигая ни единым мускулом. Апофис, уставший играть в гляделки, развернулся и пошел к ближайшему креслу.

- Ты бы все равно его убил, - раздалось у Апофиса за спиной.

С нескрываемым изумлением Апофис остановился и взглянул на Макса.

- Доберись Виктор до этого зала и расскажи все, что знал, ты бы тотчас расправился с ним, - тихо сказал Макс. – Ты не мог допустить, чтобы еще кто-то знал о девушке, способной рожать.

Апофис склонил голову и провел ладонью по лысому затылку. Он сел за свой и закурил.

- А я все думаю, какого черта ты вообще приперся на «Презренный»? – произнес Апофис. – Ловко же ты провел меня глупой историей про расследование...

С усмешкой Апофис раздосадовано хлопнул по столешнице и откинулся на спинку кресла.

- Убийца, ищущий оправдание... - бормотал с диковатой улыбкой Апофис. – Не уложил меня при первой встрече, потому что не был до конца уверен, что я виновен в смерти Виктора?

Макс не ответил, продолжая исподлобья глядеть на Апофиса.

- Убить оттого, что я играю за команду зла, для тебя не достаточный повод. Всегда поражался насколько принципиальными могут быть убийцы, - сказал Апофис, растирая окурок в пепельнице. – Ты давно понял: между нами, в сущности, нет разницы. Просто масштабы разные, я - лидер организации, а ты – одиночка. Я не повинен в гибели Виктора, но это не важно, ведь ты больше не в силах сдерживать жажду крови.

Апофис поднялся, затем произнес:

- Исполни задуманное! Довольно врать себе, что ты способен быть хорошим парнем! Не демоны вырываются наружу, а маска трескается, обнажая демона.

Вслед за фразой повисло молчание. В отдалении слышались глухие выстрелы, скрежет. Дубль, замороженно наблюдавший замершую картину, уже было расслабился, но вдруг Макс выпустил очередь. Апофис неуклюже перевалился через кресло и когда эхо утихло, в зал вернулся покой.

- Что теперь? – прервал молчание Дубль.

- Ничего.

Макс сел на стул напротив Дубля и бросил оружие на пол.

- Зачем ты разрушил будущее клонов, отняв у меня Мизери, если твои устремления заключались исключительно в убийстве Апофиса?

- Мизери тебя не любила, а шутка в том, что без чувств она способна не зачать, - сказал Макс. – Допустим, у тебя получилось, и она подарила тебе наследника. На этом все, чудодейственная сила ее генокода имеет резон исключительно в женском теле.

- Могла бы родиться девочка.

- Какая разница. Одной, пусть даже чудо-женщины, недостаточно для создания популяции. А чтобы наклепать клонов с ее ДНК у тебя сотоварищи не хватает знаний.

- Чего ж не забрал девчонку себе? Насколько я помню, человечество вымирает.

- Хорошо, положим, я заберу ее для людей. Опять же, одной женщины мало для спасения цивилизации. Да, люди способны выделить ДНК Мизери и вырастить миллионы ей подобных. Но мы помним: она может зачать единственно, когда полюбит. А если нет, что тогда? С другой стороны, как поступить с нашими женами, которых мы любим? Выбросить, словно бракованный материал?

- Вы бы что-нибудь придумали.

- Скорее всего. Создали бы центры для содержания детородных клонов, где ученые зашили бы им в головы имплантаты, накачали психотропами и проделали еще невесть что, и женщины гарантированно бы влюблялись в любого мужчину. Только представь эти садистские лупанарии.

Во что превратиться общество? Я не хочу подобной судьбы для людей, уж лучше погибнуть с достоинством.

- Я тоже не желаю такого для клонов. Выходит, у клонов появится будущее только после гибели живорожденных.

- Нет никакого будущего без живорожденных. Живорожденных... - с отвращением произнес Макс, - выдумали, блин, идиотское слово. Вы не владеете технологиями искусственного производства человека. Даже сейчас ты вынужден грабить лаборатории или пополнять банду беглецами. Клоны никогда не сумеют вырастить урожай, построить дома, излечить болезни. После заката человечества клоны едва ли продержатся больше пятнадцати лет.

- Выходит, пришельцы победили в войне, и выхода нет?

- Победы... - устало усмехнулся Макс. - Это была не война.

- Что тогда будет?

- Не знаю, но решение насчет человечества окончательное.

Макс подошел к стене и, открыв проход, оставил золотой зал навсегда.

Бой стих. Инопланетные солдаты исчезли столь же внезапно, как появились. Макс шел по нижней палубе не таясь, хотя, в сущности, никому не было до него дела. Уцелевшие, не важно, клоны или люди, карабкались по трупам, пытаясь найти помощь.

Макс покинул корабль через тот же проход, по которому впервые поднялся на «Презренный». На парковке стояло полно автомобилей, во время сражения искусственный интеллект не позволил никому покинуть корабль. Сев в свою машину, Макс подъехал на КПП. Его тут же окружили солдаты. Один из них, видимо старший по званию, постучался в окно.

- Что там происходит? Многие часы мы слышали выстрелы.

- Все в порядке, офицер, - ответил Макс, протягивая купюры. - Я могу проехать?

- Вы единственный, кто вышел. Мы обязаны вас задержать на случай, если там стряслось нечто чрезвычайное.

Макс осмотрелся и прикинул варианты прорыва. Однако в этот момент раздался оглушительный рокот. Солдаты опустили оружие и с экзальтированным ужасом уставились в сторону «Презренного». Не желая упускать удачного замешательства военных, Макс вдавил газ и, протаранив шлагбаум, выехал на трассу. Мчась по дороге, он глядел в зеркало заднего вида.

«Презренный» оторвался от земли и принялся сжиматься, излучая яркое сияние и жар. Это продолжалось сравнительно долго, Макс успел добраться до промзоны, когда корабль окончательно обратился в раскаленный шар. Солдаты должно быть погибли от температуры, если не додумались убежать. Вскоре раздался невыносимый для ушей звук, от которого вышибло стекла. Со вспышкой от шара понеслась ударная волна, сбившая Макса с ног. Когда он поднялся, то на местности, где некогда покоилась громада «Презренного», образовалось безжизненное поле углерода величиной в гектар, представлявшее собой нагромождение из напирających друг на друга черных шестиугольных призм.

11

Пока власти и горожане разгадывали, что за неведомое событие произошло в закрытой зоне и куда подевался последний на Земле инопланетный корабль, неизменно грозивший Орлеану, Макс плутал по техническим ходам системы доставки «Ориона». Тысячи контейнеров с невероятной скоростью пролетали по магнитным путям, чтобы быстрее поспеть к заказчикам в их «Очаги». В свое время при проектировке Макс настоял на расширении диаметра каналов, чтобы не только роботы, но и инженеры-рабочие могли безопасно действовать в транспортной

сети. Подобное решение многократно увеличило смету строительства, но Макс не жалел затраченных денег, ведь сегодня, когда ему самому довелось оказаться в тоннелях, он беспрепятственно покинул город, оставаясь сокрытым от полицейских патрулей.

Склад 27, где должна была ждать Мизери с подручными клонами, располагался на небольшом удалении от городской периферии. Хранилища «Ориона» имели огромные площади, но благодаря отданному смарт-браслету Макс с погрешностью до метра знал, где находятся клоны. Опасности быть встреченным рабочими не было, внутренняя логистика создавалась полностью автоматизированной, ведь ни один человек не сумел бы управиться со столь значительным количеством товаров. Макс собственноручно разработал систему каждого склада, поэтому разгуливая среди высоких стеллажей, он чувствовал себя на родной территории, и все же пистолет держался наготове.

В отмеченной по геолокации точке кружком сидело пятеро клонов. Все мужчины, кроме Мизери. Едва клоны заметили приближающуюся фигуру, они мгновенно встали наизготовку, вскинув винтовки. Разглядев в темноте силуэт, Мизери склонил дула автоматов и побежала навстречу Максиму.

- Милый, ты живой! – воскликнула она, повиснув на шее Макса.

Застыв с опущенными руками, Макс с нарочитой недоброжелательностью взирал на свиту через плечо девушки. Отпрянув, Мизери оцупала тело Макса, пролетая ладонями по плащу.

- Ты не пострадал, не ранен? – спрашивала она.

С напряженными мускулами на лице Макс неотрывно смотрел на вооруженных клонов, и в его руке по-прежнему сжималась рукоять пистолета.

- Что с тобой? – недоуменно спросила Мизери.

Она коснулась шеи Макса, и только тогда он впервые бросил на нее взгляд.

- Что? Что? - перебирала она дрожащим голосом. – Прошу, не молчи.

- Твои люди убили моего брата. Человека, который выследил тебя после побега из Фаюма. Мизери отступила на шаг и опустила головку.

- Скорее всего, да. Иначе было нельзя.

После этих слов вооруженные клоны начали осторожно подступать. Мизери махнула им за спиной, чтобы остановились.

- Такое невозможно просить... Я приму месть.

Не поднимая головы, она сжала кулачки и зажмурилась. Сжав скулы, Макс долго молчал, потом выдохнул, медленно протянул руку и провел пальцами по ее черным волосам.

- Уже отомстил, - сказал он и отшвырнул пистолет.

Боясь пошевелиться, а может просто не решаясь спугнуть момент, Мизери взглянула Максиму прямо в глаза. Она сдерживала слезы.

- Можем поговорить? Одни, - сказал Макс.

- Конечно, любимый.

Мизери взяла его за руку, но тут всполошились клоны-бойцы.

- Перестаньте, - сказала им Мизери. – Он бы убил нас, если бы хотел.

Макс отвел девушку за угол стеллажа и снял с полки два пластиковых контейнера. Сев, он предложил присесть Мизери, но она предпочла не контейнер, лежавший напротив, а приютилась рядом с Максом. Опуская жестокие подробности, он рассказал о случившемся в золотом зале. Мизери не перебивала, положив голову ему на плечо. Когда Макс закончил, она сказала:

- Не может быть, чтобы тебя вела месть. Будь это верно, то я бы сейчас не дышала. И милый, умоляю, не называй себя монстром.

- Я жесток, мне нравится схватка. От себя не уйти.

- Ты до сих пор держишь злость?

- Нет. Чувствую... - Макс задумался, - облегчение. Больше некого бить, враги повержены. Теперь, когда все позади, меня переполняет гадливое осознание, что я обратился в злодея. Бесповоротно.

- Может и злодей. Не став злодеем, нельзя бросить смертельный вызов великому злу и победить. Почему хорошие люди бездействовали, зная, что корабль несет столько боли вокруг?

- Каждому свое. Мое - решить, как поступить с пониманием, кем я стал. Настанет время, когда снова потянет крошить людей и...

- И пусть! – перебила Мизери.

- Как же воздаяние?

- Милый, что изменится, обреки ты себя на страдания? Мы несем груз поступков сколько можем, пока нас не остановят.

Макс улыбнулся и поцеловал Мизери. Затем он поднялся.

- Уходишь?

- Пора, - невесело сказал Макс. - Я перевел на браслет, что дал тебе, сумму, достаточную для того, чтобы твои друзья смогли купить документы и увезти тебя как можно дальше отсюда.

Макс взглянул на девушку в последний раз и ушел прочь. Проводив его взглядом, Мизери вернулась к товарищам.

- Надо было убрать его, - нервно сказал Мизери один из клонов.

- В этом больше нет необходимости.

На улице крупными хлопьями сыпал снег, какой бывает единственно в добрых сказках. Он прикрыл грязь от многодневной непогоды. Снежинки падали на лацканы плаща, щеки Макса порозовели от морозного прикосновения ветерка.

При такой погоде в голове Макса невольно затягивалась мелодия из песни Синатры. Он добрал до жилого района, но внезапно ему жуть как захотелось выпить чашку какао с корицей. Он зашел в ближайшую закусочную. Внутри пахло выпечкой. Макс расположился за стойкой рядом с двумя мужчинами в одинаковых свитерах, расшитых узором с оленями. Хозяин принес Максиму заказ: кружку какао, из которой тянулась ароматная струйка пара, и круассан. Макс попросил листок и ручку. Закончив писать, он подзвал хозяина.

- Передайте это письмо женщине по имени Натали Шмит, - сказал Макс, протягивая сверток. - Она живет в доме двенадцать по улице Барраса. В письме я указал, чтобы вам дали тысячу за услугу.

- Очень щедро, месье.

- При этом, я бы желал, чтобы никто не узнал об этом поручении.

- Как можно месье, дела амурные... я и сам некогда был молод.

Послание было написано по-русски, так что Макс не опасался любопытства хозяина кафе.

Покончив с какао, Макс сунул в губы сигарету и вышел через заднюю дверь в переулок. Запах табака слился с привкусом ароматной корицы на языке.

Открыв дверь и сделав первый шаг, Макс ощутил влагу в ботинке. Опустив взгляд, он увидел, как по щиколотку погрузился ногой в промозглую зыбь, коварно скрывавшуюся под снегом. Макс вышел на сухое место и принялся дергать стопой, оттрясая налипшую грязь. Внезапно он услышал оклик и собственное имя. Обернувшись, Макс увидел в метре от себя молодого патрульного, который неуклюже пытался вытащить пистолет. Клон из нового отряда полиции, созданного для самой неприглядной и опасной службы. Среди полицейских ходила шутка: «Чем отличается патрульный клон от собаки? – Собак любят».

Наконец достав оружие, патрульный клон скомандовал:

- Макс Шмит, вы арестованы! На землю!

Макс прекратил чистить ботинок и ответил с ироничной улыбкой:

- Сам ложись в грязь.

Вспомнив про сигарету во рту, Макс потянулся во внутренний карман за зажигалкой. Ошалевший клон принялся судорожно жать на спусковой крючок, но выстрелов не последовало. Макс прикурил и хитро прищурился.

- Предохранитель.

Выпустив струйку дыма, Макс с насмешливым видом наблюдал, как парень проводит нелепые манипуляции с оружием, затем подошел и протянул руку.

- Давай покажу...

В этот момент из-за угла появился старший патрульный, толстый с пышными усами. Увидев Макса, толстяк лихо выхватил пистолет и выпустил несколько очередей, которые в узком переулке сразили обоих.

Макс и клон валялись друг напротив друга в грязи и собственной крови. Как рыбка, выброшенная на сушу, клон беззвучно открывал рот, в котором пузырилась кровь. Рядом с его рукой лежал пистолет. Из оставшихся сил клон выпучил глаза и принялся толкать по вязкой слякоти оружие к Максиму. Толстяк подходил ближе, а клон, задыхаясь от заполнявшей легкие крови, все толкал и толкал пистолет.

Семь лет спустя.

Большой внедорожник ехал по историческому центру. В аккуратной позе у окна на просторном заднем сидении Наташа выглядела миниатюрной. Был понедельник, после выходных в Орлеане почти не осталось туристов. Большинство уехало на север в Париж, ведь местные достопримечательности блекнут по сравнению с великолепием прекрасного города на Сене. Вдобавок виной малолюдности служила ветреная прохладная погода. Горожане, привыкшие к теплоте солнца круглый год, не кажут носа на улицу при малейшем намеке на пасмурность.

У водителя работал приемник:

- ... Не прошло и полутора лет, как клоны получили гражданство, а вы уже настаиваете на смешанных браках. Это немыслимо, сенат никогда не пойдет на подобное безрассудство, - говорил выступавший.

- Пару лет назад ваша партия говорила, что сенат никогда не одобрит законопроект о предоставлении клонам прав человека. Однако посмотрим действительность – клоны свободные граждане мира. Остался последний позорный барьер в виде запрета браков. Сколько еще вы намерены сопротивляться неизбежному?

- Забыли, что людей и так остается все меньше? Стерев последнюю границу, мы фактически...

- Жан, - тихо сказала Наташа, - можешь отключить?

- Да, мадам.

Водитель выключил интернет-радио и до кладбища ехали в полной тишине. Прибыв к каменной арке входа на городское кладбище, водитель обежал машину и отпер дверь для начальницы. Наташа подала руку и спустилась с высокого порога. Облаченная в черное пальто, она подняла ворот, прикрываясь от ветра. Голову она покрыла черным платком из тончайшего венецианского кружева. Этой ночью Наташа плохо спала, поэтому, несмотря на слабое солнце, она надела темные очки. Водитель подал две лилии и последовал на небольшом удалении, но Наташа попросила его остаться у машины.

Среди плит бродил старик-смотритель, с которым Наташа поздоровалась по пути. Она поблагодарила за его труд и протянула пятидесятичную банкноту.

- Спасибо, мадам, но мне незачем деньги. Я тружусь с мыслью, что скоро сам лягу здесь.

- Берите, Клод, на обустройство.

Старик кивнул и принял деньги. Вскоре Наташа добралась до надгробия, на котором было начертано «Виктор Капетуа», а чуть ниже «Марат Капетуа». Помолчав, Наташа положила цветы к подножию.

- Знаю, ты все равно не слышишь, и каждый год, приходя сюда, я разговариваю с воспоминаниями. Что бы там ни говорили ученые, я не смогу до конца принять твою смерть, ведь где-то внутри я продолжаю ощущать твое присутствие. Люди мнят, что живут в настоящем, однако, понять жизнь возможно лишь погружаясь в прошлое, - говорила она еле слышно. – Я не могу винить тебя, да и не хочу. Ты был слишком критичен в письме, бесстрастно обличая дела рук своих. Прости за то, что наговорила здесь за прошлые годы. Слова рождены слабостью и болью. Ведь ты ушел так внезапно. Знаешь, сегодня, пока ехала сюда, я поняла, что в потаенной области души я с самого начала готовилась к подобному концу. Знала, когда впервые увидела тебя из окна.

Она сняла очки и промокнула глаза платком.

- Прости... - продолжила Наташа. – Забавно, но поэтому я и выбрала тебя. В тебе имелось то, чего недоставало мне. Прямота, неодолимая настойчивость, вера в правильность поступков, независимость... Я встречала, конечно, подобных тебе мужчин. Но в тебе эти качества слились в чистой эссенции, попробовав которую, я больше не могу польститься на воду. Прощай, Марат, вернее, до встречи.

Наташа провела ладонью по навершию камня и пошла обратно. У ворот рядом с машиной она встретила пожилую даму с белокурым мальчиком-клоном. «Наверное, решила скрасить остаток дней, заведя ребенка-клона», - подумала Наташа. Завидев хозяйку, водитель выскочил из машины, чтобы открыть дверь. В этот момент пожилая дама окликнула:

- Мадам! Да, да, я вам, - говорила пожилая дама. - Могу ли я к вам обратиться?

Наташа улыбнулась и полезла в карман за деньгами.

- Нет, я не прошу подаяния, лишь вашего внимания, - сказала женщина и подалась к Наташе.

Увидев это, водитель преградил пожилой даме путь и схватив ее протянутую руку. Едва он коснулся женщины, как мальчик, доселе безучастный к происходящему, в несколько прыжков приблизился к водителю, ударил его в пах и пнул под колено. Затем, когда водитель согнулся, мальчик схватил выскочивший из-под пиджака галстук, и изо всей мочи потянул вниз, желая повалить водителя на землю. Однако сил в его детских руках не хватило справиться с крепким мужчиной. Водитель подхватил мальчонку на руки и прижал к груди. Извернувшись, мальчишка смог высвободить руку и вознамерился пальцем выколоть обидчику глаз, когда пожилая дама воскликнула:

- Максим, хватит!

Услышав это, Наташа опешила. Она взглянула на ребенка, который раздосадовано сдался и повис в хватке водителя. Наташа повелела опустить мальчонку на землю. Когда он оказался на ногах, Наташа встала на колени. Она аккуратно пригладила его растрепавшиеся локоны и провела пальцем линию от виска до подбородка. Дрожа всем телом, она взглянула на пожилую даму.

- Ему семь?

- Шесть и девять месяцев, мадам, - ответила дама.

- Вы - Мисти? - прошептала Наташа.

- Мизери, мадам.

- Верно. Простите, Мизери.

- Нам следует поговорить.

- Не здесь, - перебила Наташа, - поедemте ко мне.

Всю дорогу Мизери, сидевшая рядом с водителем, быстро и много говорила, словно боясь не успеть. Наташа с мальчиком расположились сзади. Отстраненно от звучащих без остановки

слов, Наташа безотрывно смотрела на мальчика, который спокойно глядел сквозь окно на большие серые облака.

Часть IV. Возмездие

1

- Умирая, я пришел к мысли, что моя жизнь — это копеечный детский мячик. Видимо однажды создатель, торопясь по своим неисповедимым делам, случайно наступил на эту подспущенную игрушку и, едва не упав, выругался, да и брюзжа засандалил меня наобум. Хэх, именно так... Если бы, разумеется, творец существовал... Впрочем, сейчас выясню.

Капитан межзвёздной канонерки Путник-14 завершил импровизированную эпитафию и театрально прикрыл глаза. Алексей немного посидел у кровати, потом неслышно поднялся и тянувшейся поступью отправился долой. Все же в самых дверях командирской каюты он в три скачка возвратился, единственно, чтобы поднести палец к ноздрям капитана. Действительно помер.

Капитану оставалось два месяца до семидесятилетия, но его призвали не годы. Неделей ранее корабль приземлился на четвертый спутник газового гиганта в исследуемой звездной системе в рукаве Стрельца. Небесное тело размером с земную луну содержало под поверхностью невероятные залежи радиоактивной руды.

Экспедиция прибыла в это опасное место, не по координатам инопланетного врага, как оно случалось прежде, но ведомая следами обнаруженной цивилизации Шара. К слову, одной из многих обнаруженных человечеством. До единой погибших. Корабельные сканеры нашли на спутнике сеть шахт и производственный комбинат. Капитан снарядил три группы разведки по три человека, в одну из которых вошел сам. Комплекс не удивил новыми находками, в его базах данных хранились лишь технические документы и логистические планы. Не обнаружили и мертвых тел, видимо, хозяева шахт прекратили разработку руды и законсервировали объекты задолго до гибели своей цивилизации. Трупы для разведгрупп представляли ничтожный интерес, их найдено с избытком в ранее исследованных городах. В общем, рядовая поисковая миссия на пути к основной цели экспедиции.

В назначенное время две группы вернулись обратно, а капитан со своими бойцами задерживался. Вскоре выяснилось, что он попал под случайный выброс раскаленного газа из трещины в шахте. Бывалый космонавт и солдат, он доставил на джипе не только себя на корабль, но и напарников из группы. Их скафандры оказались сильно повреждены, защитная система не допустила разгерметизации, но не сберегла от колоссального воздействия температуры. Полопалась кожа и повредились внутренние органы. В медицинском блоке пострадавшим оказали неотложную помощь, и они наверняка бы поправились, если бы счетчик Гейгера рядом не трещал, как сумасшедший.

Двое скаутов скончались в считанные дни. Несмотря на солидный возраст, капитан продержался неделю. Он страдал от нестерпимых болей, испражнялся собственным кишечником и невесть что еще. Поэтому с помощью медицинского робота доктор поместил в отделы мозга капитана, что отвечают за боль, имплантаты, которые сняли муки.

Тщетно Алексей предлагал переливание своей крови, насыщенной организмами из ямы далекой планеты.

- Тело распадается с каждым часом. У меня остался лишь рассудок. Выбирая из вероятности вечного безумия от твоих организмов и ясным умом хотя бы на день, я выберу последнее, - ответил капитан.

- Я сумел побороть затмение и тебе помогу.

- Любимая жена и трое чудесных детей, остальная семья и друзья, которых я знал с детства были пожаты полчищами вторжения. Я безнадежно стар, но прожил счастливую молодость, выдержал молох войны и узрел величие человечества. Космос, о котором я грезил мальчишкой, смотря фильмы, мне выдалось увидеть своими глазами. Космос. До войны мы знали о нем так мало, десятилетие уходило на полет к Марсу и обратно, космонавты казались атлантами, которые бесстрашно улетают в неведомое. Вышло так, что я, обычный человек, забрался дальше горизонта воображения.

- Кэп, еще полетаем, доверься мне.

- Алексей, а может все-таки существует мир иной, тот самый рай? Может, все-таки ждут...

- Не знаю. Слушай, давай попробуем переливание.

- Хватит, я приказываю. Пока еще на тебе нет моей формы, так что выполняй.

Этот разговор случился вчера. Теперь Алексей стоял над телом бывшего капитана в качестве новоиспеченного. Этого не должно было произойти, но вот уже сорок лет ничего не шло по плану. Алексей вступил в миссию Путника-14 в качестве помощника командира разведгрупп. После бури на водной планете, унесшей жизнь командира, Алексей занял его место. Через четыре года от рака скончался заместитель капитана корабля. По штату Алексея подняли на освободившуюся должность. Теперь Алексей надел капитанские шевроны. За шесть лет экспедиции из сорока человек экипажа в живых осталось только четырнадцать и тем перевалило за пятьдесят. Спасибо стазису, иначе бы Алексей, застывший в двадцативосьмилетнем теле, остался совершенно один.

В дверях капитанского кубрика Алексея застал пилот разведывательного шаттла Поль Телье.

- Капитан? – спросил Поль.

Алексей покачал головой.

- Стало быть, отмучался, - сказал Поль, заглядывая через плечо Алексея. – Янг... Товарищ капитан... - замялся он.

- Давай без этого, что случилось?

- Карл с Войновичем заметили на радаре летящий неподалеку объект. Посылает аварийные сигналы.

- Чей?

- Код земной. Может кому-то рядом требуется помощь.

- Мы одни в секторе, - сказал Алексей и почесал щеку. – Ладно, хватай инженера и дуйте на шаттле наперехват. Мало ли.

Поль кивнул и побежал в ангар, а Алексей отправился на мостик. Карл Шиттенберг и Лука Войнович были самыми пожилыми членами экипажа, ровесники покойного капитана вдвоем выполняли работу всех скончавшихся навигаторов и операторов локационной аппаратуры. Из-за напряженной работы они ложились в стазис реже остальных. Годы, проведенные вместе придали обоим вид стариков-супругов, они знали привычки и характеры друг друга и зачастую общались без слов, на исключительно им понятных восклицаниях и жестах. Выглядели они, как бородачи из ZZ Тор, что тоже сближало. Из-за неразлучности за ними закрепилось объединительное прозвание «Карл и Войнович».

- Что там парни? – спросил Алекс, войдя в рубку.

- Янг, ты? – крикнул Карл, который был глуховат.

- Нет, блин, мулатка с пятым размером. Поль сказал, вы засекали зонд.

- Зонд? – откликнулся Войнович, который с возрастом стал туговат. – А! Зонд появился из ниоткуда, после варп-прыжка! Вон, смотри, - он ткнул пальцем в экран, - точка, этот самый зонд. Эй, Карл, помнишь песню, что-то там – точка, точка, палочка...

- Иди ты, - отбрехался Карл. – Янг, по-моему, посылаемый код приписан к «Возмездию».

Алексей подошел к экрану радара и отыскал точку, затем взял со стола кружку.

- Кофе?
- Знамо кофе, не бурбон. Угощайся. Кто запретит капитану, - сказал Войнович.
- Уже знаете?

Войнович откинулся в кресле и скрестив руки на груди изобразил надменное лицо.

- Чего ты кривляешься? Вообще-то капитан был хорошим человеком, - пробурчал Алексей.
- Команда почти перемерла, что ж теперь вечно в трауре ходить? Когда сдохну, разрешаю выкинуть мой труп в космос и забухать на радостях, - насмешливо ответил Войнович.
- Обязательно, - ответил Алексей. – Много времени уйдет на перехват зонда?
- Какого зонда? – спросил Войнович.
- Старый кретин! Малый варп-прыжок до цели и обратно... - ответил Карл. – От силы часа три.

Алексей сел за командирскую панель, которая находилась на небольшом возвышении в правой части рубки. Прихлебнув из кружки, он приступил набирать отчет о смерти капитана, адресованный космическому агентству на Земле. Текст выходил чересчур бюрократическим, словно речь шла о мешке с зерном. Алексей и желал бы придать ему красок, но земным чиновникам нет дела до рассказа о жизненном пути почившего капитана, его незаурядной судьбе и воззрениях. Этим займется городской писака, набросает коротенький некролог с клишированными оборотами. Может имя капитана выбьют на памятной стеле, где оно затеряется в сонме миллионов погибших за будущее планеты. Обыватель, открыв утреннюю сводку новостей, не остановит взгляд на заметке о гибели какого-то капитана и промотает ленту до полосы о спорте. На Земле слишком много героев на одно поколение, отдельный подвиг размывается, да и каждого не упомнить. Лучше бы героев не существовало вовсе, лучше, чтоб они жили. Алексей погружился в мысли, пялясь в бегунок на экране. Слева появилась плутоватая физиономия Войновича, который украдкой стянул кружку со стола. Алексей ухмыльнулся и продолжил работу.

Едва затих свист от нагнетаемого в ангар воздуха, Алексей отпер герметичную дверь. Подъемник поехал по потолку и зацепил пойманный зонд из магнитного уловителя шаттла.

- Чуть ниже, - скомандовал по внутренней связи Алексей.

Кран опустил устройство до уровня глаз. Зонд был размером с автомобиль, по его корпусу ниспадала бронзового цвета материя, заряжавшая батарею от энергии звезд, она распростерла шлейф на десяток метров вокруг. Несмотря на военный класс устройства, его настоящее обличье пробуждало жалостливые чувства, словно роскошную медузу распластали на палубе.

Поль выскочил из кабины шаттла и, не снимая скафандра, лишь отбросив защитный шлем приблизился к добыче. Обойдя аппарат, он протер иней на участке с названием.

- «Персей», - сказал Поль, указав на надпись. – Это корабль из флота Возмездия.
- Корабли «Возмездия» назвали в честь греческих героев, - сказал Алексей. – Можешь просканировать?
- Минуту, - ответил Поль и подключился к зонду при помощи умного браслета.

Спустя мгновения приоткрылся эксплуатационный люк зонда. Подцепив край пальцами, Поль дернул с трудом подающуюся створку и резко откинул дверцу. Внезапно нечто выпало изнутри и больно ударило Алексея по носу. Ошеломленный резкой болью он не сразу разглядел предмет лишь услышал, как Поль воскликнул:

- Мать честная!

Протерев слезящиеся глаза, Алексей взглянул на пол. У его ног лежала отрубленная выше запястья окровавленная рука и пара пальцев, отколовшихся при падении. Поль присел на корточки и озадаченно вытаращился на находку.

- Боже, - сказал Поль и перекрестился, - что же с ними сотворили?
- Мда... Ничего хорошего, судя по находке, - сказал Алексей. – Это личный компьютер?

Алексей кончиком ботинка указал на выбритую область, на которую был нанесен экран-татуировка.

- Похоже на устройство, что вживляли солдатам вместо обычных умных браслетов, которые они постоянно теряли во время боя, - ответил Поль.

- Проверь, работает?

- Блин, Янг... - Поль сморщил лицо.

- Ни разу не видал оторванных рук? – командирским голосом спросил Алексей. – Хорошо, вот как поступим: сбегай в кабину и возьми из аптечки стазисный пакет для сохранения тканей.

Поль зашагал к шаттлу, тем временем Алексей присел на корточки рядом с оторванной рукой. Оглядев ее с разных сторон, Алексей аккуратно дотронулся до посиневшей кожи пальцем и протер от конденсата экран-татуировку. Устройство незамедлительно отреагировало на касание, и прямоугольник на руке задался сиянием, которое спустя секунду трансформировалось в картинку интерфейса. Умный браслет Алексея завибрировал, и в глазных линзах всплыло окно подключения сторонних устройств. Охваченный любопытством Алексей, не раздумывая, одобрил соединение, и вслед за процедурой загрузки, в ушах Алексея раздался голос:

- Меня зовут интеллектуальный помощник, сокращенно ИП.

- Здравствуй, - сказал Алексей, вздрогнув от неожиданности. - Мне нужно подключиться к памяти устройства.

- Прежний пользователь, капитан Михаил Тэн, разрешил неограниченный доступ для человеческих существ. Доступ разрешен. Чем еще я могу вам помочь?

«Похоже, на ранние модели устанавливали голосовой помощник», - подумал Алексей, лет тридцать не выдавший подобных функций в персональных гаджетах, и дал мысленную команду на отключение ИПа, благо компьютер в руке поддерживал технологию нейроуправления.

Алексей открыл хранилище данных и нашел записи видеодневника. «Наверняка заставляли записывать дурацкие отчеты после выполнения боевых операций», - Алексей от души пожалел хозяина устройства, ведь и он сам ненавидел строчить рапорты.

Выбрав одну из первых записей, датированную примерно годом до конца войны, Алексей открыл файл.

«Запись 47, открываю...» - произнес ИП. Раздраженный появлением помощника, который вроде бы считался отключенным, Алексей полез в настройки системы, но не успел. Он оказался посреди эпического сражения. Линзы Алексея передавали все, что видел капитан, а слуховые импланты обеспечивали объемное звучание.

Лежа в воронке, капитан Тэн глядел на проплывавшие в небе корабли пришельцев, которые извергали потоки плазмы на армию людей. Человеческая авиация и инопланетные летательные дроны роились, нещадно истребляя друг друга в огненных брызгах. Внезапно, здоровенный кусок искореженного металла со свистом зарылся в грунт в метре от капитана. Изображение затряслось, затем взгляд окинул руки и ноги, закованные в экзоскелет. Снизу на мини карте отображались зеленые точки подчиненных бойцов.

- Чего залегли? – закричал капитан. – Вперед, неподвижных проще убить!

Капитан подпрыгнул на несколько метров из укрытия и, приземлившись, ринулся в бой. Точки двинулись вслед за командиром. По фронту увязшие в грязи танки молотили неустрашимо наседавшие орды ксенодроидов. Капитан стрелял короткими очередями, очищая близлежащую машину от вскарабкавшихся пришельцев.

- Справа! – вскрикнул ИП.

Не успевая обернуться, капитан выпустил в ту сторону бешеную очередь. Ксенодроид оперившийся разорванными тросиками, из которых был соткан корпус, отлетел на землю пронизанный дырами. Однако другой успел извернуться, потеряв только руку, бросился на капитана и повалил его навзничь.

Фонтанируя экстренной информацией, виртуальный интерфейс в глазах капитана окрасился в алый, сквозь который он тарасился на нависшего врага. Без страха капитан хватался за последние мгновения жизни. Удары пульса в ушах отсчитывали неприлично затягивавшееся наступление вечного мрака. Не в силах освободиться из-под этой махины, капитан был близок, чтобы молить: «Ну давай же!», но вдруг цвет интерфейса вернулся к привычному, и в ушах раздался голос ИПа:

- Завершено. Подтверждено.

Затем из нагрудника капитанского экзоскелета вырвался поток частиц, разметавший пришельца на куски. Рядом появились солдаты и поддержали командира огнем штурмовых винтовок. Однако в ультрамариновом сиянии с небес на бойцов обрушилась грозная боевая машина, разметавшая их словно былинки.

Алексей отключился, не в силах продолжать. Увиденное никак не походило на скучные отчеты, которые он ожидал увидеть. Грудь покрылась каплями пота. Взглянув на браслет, Алексей заметил дрожь в ладонях. Он слишком хорошо помнил схожие мясорубки, в которых участвовал.

- Что с тобой? – всполошился Польша, глядя на побледневшее лицо Алексея затем на оторванную руку со светящимся экраном. – Удалось включить?

Утомленный Алексей сел на пол и кивнул в ответ.

- Упакуй руку и отнеси в медицинский блок. Пусть Лита возьмет образцы ДНК и что там еще необходимо.

С нескрываемой брезгливостью Польша сунул оторванную конечность в стазисный пакет и побросал пальцы следом.

- Просканируй зонд, может удастся что-нибудь узнать о судьбе корабля, откуда он был запущен, - придя в себя, приказал Алексей и поднялся на ноги.

- Подготовить рапорт об этой чертовщине?

- Не надо, все равно чиновники правительства затребуют моих объяснений, как старшего на корабле. Шутка ли, флот «Возмездия» отчалил от Земли сразу после победы, и спустя сорок три года молчания мы натываемся на зонд с отрубленной рукой солдата.

2

Запорный механизм дверцы крематора издал отчетливый щелчок, навсегда заточив тело покойного капитана. Сквозь затемненное стекло проглядывали только покрытые язвами ступни, со свисавшими лоскутами слезшей кожи. Алексей качнул головой и Ипполита Коллинз, корабельный врач, нажала тумблер запуска. Внутри разлилось ослепительное сияние, испепелявшее тело. Ипполита или, как ее чаще называли, Лита взяла ладонь Алексея и грустно вздохнула, склонив остриженную под мальчика голову. Высокий рост и белый приталенный халат, облежавший ее хрупкое тело, убавляли минимум пятнадцать лет от ее нынешних пятидесяти. Все же, рядом с вечно молодым Алексеем Лита стеснялась морщин. По иронии он испытывал схожие чувства, одолеваемый мыслью, что Лита немногим старше его дочери. Капелька упала на пол.

- Лита, ты чего? – тихо произнес Алексей.

- Он похож на моего дедушку. Мне было нестерпимо смотреть, как лучевая болезнь стремительно и бесславно забрала жизнь достойного человека.

- Кэп бы расстроился, видя, что ты горюешь. Он ушел не жалея, без страха.

Сияние погасло, и Лита вынула из отсека крематора металлический куб с прахом. Она отнесла его к стенду и поставила в ряд с двадцатью пятью одинаковыми кубами. Смотря на импровизированную усыпальницу, она сказала:

- Ты по-прежнему уверен, что мы поступаем правильно, улетая дальше от дома?

- Наша цель, как и прочих миссий, найти вакцину.

- Знаю, но прошло столько лет, а мы не продвинулись ни на йоту. Разве, что теперь в отражении зеркала я вижу увядание.

- Ты превосходно выглядишь, Лита.

- Просто... Может пора смириться?

- ... и вернуться домой, чтобы провести остаток жизни у берега моря, счастливо насколько возможно.

Лита посмотрела взглядом, исполненным мечтой о несбывшемся.

- Наша молодость протекла в замкнутых коробках, дрейфующих в космосе неизвестно куда, - сказала она.

- Мы летим к материнской планете разумной цивилизации Шара.

- Зачем изучать мертвецов, попутно становясь подобными им? Лучше уж...

Она закашляла от подступившего к горлу комка.

- Лита, для чего опять этот разговор? Я же говорил, что не могу вернуться, и дело не в инопланетных организмах в моих венах. Ты испытываешь тоску здесь, а я сгину там, лежа на песке в щекочущем пятки приборе. Я боюсь, Лита.

- Чего ты, неподвластный времени, можешь бояться?

- Этого и боюсь. Остаться одному.

- Трудно быть богом, - сказала она с легкой улыбкой.

- Не говори ерунды.

Алексей приблизился и обнял ее.

- Важно не где, а с кем.

- О, детки! Милуетесь? - раздался старческий возглас.

Пара обернулась на вошедших Карла и Войновича. Карл недовольно пробурчал себе под нос и ткнул большим пальцем в ребро довольного друга.

- Ой, блин! - вскрикнул Войнович, выпучив глаза. - А чего я такого сказал?

- Что вы оба здесь делаете? - спросил Алексей, выпустив отстранившуюся Литу.

- Известно, что. Посмотреть на оторванную руку, - сказал Карл. - Ты же ничего не рассказываешь, вот мы сами и пришли.

- Мужики спрашивают ... - как бы оправдывался Войнович, потирая бок.

Лита ушла на другой конец комнаты. Отвернувшись к примыкающему к стенке столу, она изображала что изучает журнал вскрытия. Она хотела скрыть, как предательски залилось краской лицо сквозь тончайшую кожу.

- Я обследовала руку, которую принес Польш, - говорила она, не оборачиваясь. - Это мужская конечность, ее хозяину было чуть за пятьдесят.

- Кто ее оттяпал? - с нетерпением воскликнул Войнович. - Пришельцы?

- Не думаю, - ответила она и поднесла ладонь к щеке. - Мягкие ткани надсечены единственным надрезом по кругу. Кость отрублена небрежно, многочисленными ударами, есть расщепления. Я думаю, рука отрублена ножом, топориком или чем-то похожим.

- Ого! - сказал Карл. - А зонд прилетел с «Возмездия»?

- Да, - ответил Алексей. - В руку вмонтирован компьютер на манер умного браслета. Он принадлежит капитану Михаилу Тэну. Я собираюсь исследовать записи в памяти устройства. За этим, собственно, и пришел.

- Алекс, - спросила Лита, вернувшись к остальным, - Мне препарировать конечность и извлечь компьютер или оставить как есть в стазисном мешке?

- Не знаю, - ответил он. - Рука не испортится в пакете?

- Нисколько пока держится заряд батареи.

- Выходит, незачем возиться, - сказал Алексей и, подойдя к холодильной камере, взял пакет с рукой капитана Тэна.

На прощание улыбнувшись Лите, чем вновь вогнал ее в краску, Алексей зашагал к двери, но заметил, что Карл с Войновичем остались.

- Вы идете? – спросил Алексей, остановившись.

- Мы к Лите по делу, - сказал Карл.

- Какому такому делу? – настороженно спросил Алексей.

- Янг, тебе знакомо понятие о тайне пациента и врача? – ехидно спросил Войнович. – Слышал? Нет?

Алексей вернулся в каюту и, проматывая записи в компьютере капитана Тэна, наткнулся на пустой интервал в двадцать два года. «Вот оно. Двадцать два года капитан Тэн провел в стагнотическом сне, пока «Возмездие» летело к планете пришельцев». Алексей выбрал первую запись, следовавшую за длительным промежутком, под номером 144.

Капитан Тэн сидел за столом в белой комнате. Напротив него за компьютерной панелью работала девушка в белом халате. Вскоре она достала из кармана неврологический молоточек, и приблизившись к капитану ударила его по коленям, локтям и запястьям.

- Сколько можно проводить осмотры? – заворчал капитан. – Я лежу стагнотически, что со мной случится? Ей богу, за всю войну мне меньше докучали.

- Такой сильный мужчина, а ругается на слабую женщину за ее работу, - отчитала врач. – Сегодняшний осмотр станет последним.

- Хотите сказать, прилетели?

- Верно, капитан. Двадцать два года, и вот мы на месте.

- Не напоминайте. Никак не привыкну к огромному сроку. Подумать только! Помню, будто вчера, взобрался на борт корабля. С ума сойти!

- Не советую в этом признаваться. Солдаты, у которых обнаружатся тяжелые заболевания, в том числе психиатрические недуги, будут принудительно помещены в стагнотический до возвращения домой.

- Эх девочка, знай ты, каково биться с пришельцами, ты бы не была так уверена в возвращении.

- Следите взглядом за молотком, - сказала врач, проводя из стороны в сторону инструментом. – Мой отец и муж погибли, сражаясь в Корее. Я знаю куда лечу.

- Простите, - стусевался капитан.

- Можете идти.

Девушка села за стол и указала на дверь. Капитан накинул китель и вышел.

- Думаешь, я был резок? – спросил капитан, шагая по коридору.

- За годы войны погибло семь миллиардов человек. Чтобы избежать конфликтов, следует избегать темы убитых родственников при разговоре с людьми, - ответил ИП. – Я неоднократно советовал отправиться в военный санаторий...

- Ладно, - прервал капитан, - покажи, где мы находимся.

- Запрос отклонен. Данная информация заблокирована уровнями доступа.

- Хотя бы скажи, правда, что я провел в стагнотическом двадцать два года?

- Экипаж кораблей и военный контингент выведен из стагнотического в соответствии с графиком. Флот «Возмездия» вошел в звездную систему пришельцев после очередного варп-прыжка. До прибытия к планетарной цели осталось сто восемьдесят земных дней.

- Полгода, - удрученно произнес капитан. – Каково состояние бойцов роты?

- Потерь нет. Солдаты прошли осмотр и готовы к приказаниям.

- Отлично. Передай лейтенанту Додаеву, пусть соберёт личный состав в расположении.

Разговор с помощником прервался входящим видеосообщением от адмирала флота. В правой части обзора появилось окно, в котором при полном параде стоял адмирал с заместителями.

- Офицеры и солдаты! – начал адмирал. – Флот «Возмездие» прибыл в систему агрессора. Так сказать, с ответным визитом, - произнес адмирал, злобно оскалившись. – Десятки лет прошли, планета восстанавливается после разрушений, но для нас, солдат еще ничего не кончено. Война завершится только когда флаг Земли воткнется в пепелище вражеских городов! У нас есть полгода, чтобы подготовиться к величайшей битве тысячелетия. Мы возмездие, и клянусь, правосудие свершится!

Отключившись, Алексей вспомнил подобные речи времен войны, когда командиры стояли перед солдатами и, неумело перемежая вдохновляющие слова матом, пытались убедить, что умереть за чужие судьбы естественно и ни разу не страшно, заранее представляя, как завтра после боя придется заполнять сводку потерь, в ужасе связывая в отчете разорванные тела и благородную цель. Оторванная рука – все что осталось от капитана Тэна. Фантастика современности в том, что после смерти останки способны поведать, как жизнь привела человека, который тренировал тело, пестовал интеллект, любил, лелеял мечты и был для кого-то важен, в состоянии посиневшей оторванной руки, небрежно брошенной в пакет. И все же два месяца капитана Тэна на «Возмездии» были небрежно отринута, когда Алексей включил файл 218, повествующий спустя три месяца по хронологии полета.

Капитан Михаил Тэн ворвался в офицерскую раздевалку и швырнул в сторону тренировочный шлем. Вошедший следом лейтенант обошел рассерженного капитана и открыв шкафчик поставил учебную винтовку, и принялся снимать снаряжение.

- Нет, ты понял? - рыча от гнева, сказал капитан Тэн. – Он, понимаешь ли, не хочет стрелять в безоружного!

- Миша, чего ты завелся? – сказал лейтенант, продолжая переодеваться, - Всего-то тренировочный бой. Я уверен, когда дойдет до настоящего дела, никто из ребят не дрогнет.

- Шимковский, правильно? Ну, я ему устрою... Откуда этот боец?

- Нашей роты, кэп. Из добровольцев. Ты же знаешь, многие ветераны отказались лететь на «Возмездии», поэтому привлекли энтузиастов из военных школ.

- Теперь все ясно!

Михаил сел на скамью и принялся нервно сдергивать защитную кирасу, которая будто бы назло не поддавалась и оттого сильнее распаляла гнев капитана.

- Застежки сбоку. Ты как маленький...

Лейтенант подошел и ослабил крепление нагрудника.

- Ничего, все отлично! – крикнул капитан, наконец сбросив надоевшую защиту. – Подожди, сейчас операторы тренажера донесут в штаб, и начнут нас с тобой драть за то, что допустили деморализацию личного состава за три месяца до вторжения! А так ничего, я бы сказал превосходно, мать твою!

- Не сгущай. Мы очистили объект от противника и вышли без потерь, а значит, выполнили учебную задачу, уложились в норматив и сохранили место в рейтинге, - сказал лейтенант. - Ну не выстрелил боец в сервер разума пришельцев. Ты-то цель уничтожил.

- Тебя не было рядом, потому так спокойно говоришь, - парировал капитан. – Сопляк опустил винтовку не случайно. Демонстративно опустил, а затем повернулся к товарищам и призвал не стрелять в безоружного пришельца. Мол, раз бойцы, которых контролировал разум пришельца, уничтожены, мы не имеем права стрелять в, послушай, «в беззащитное существо». Беззащитное! – капитан выкрикнул последнее слово и передернулся от злости. – А то, что каждый

такой беззащитный манипулятор ведет в бой батальон ксендроидов с техникой – это для рядового Шимковского недостаточный аргумент безусловной виновности.

- Парень запутался. Не забывай, молодняк держали подальше от боев. Я поговорю с ним.

- Нет, - не слушая, продолжал капитан, - даже не это взбесило. Когда я уничтожил разум пришельца и подошел к засранцу узнать, в чем истинная причина демарша, он мне ответил, что пришельцы принесли людям больше пользы, чем вреда и поэтому...

- Дальше можешь не рассказывать. Ты рванулся ему врезать, но, к счастью, я успел перехватить твою руку.

Рассерженный Михаил пристально взглянул на лейтенанта.

- Пойдем в душевую, вода тебя отсудит, - сказал лейтенант, перекинув полотенце через плечо.

Дальше по распорядку следовал обед, поэтому офицеры отправились в столовую.

- Миш, высказанные Шимковским идеи, давно в той или иной форме ходят в народе, - сказал лейтенант, когда капитан поставил поднос с пайкой и сел за стол.

- Все эти либералы, не успели остыть тела павших, а уже мутят воду.

- Рассказывай.

- Что рассказывать?

- Ты с самого подъема на шпильках, я же вижу.

Капитан съел пару ложек супа, мышцы его лба расслабились, и он раздосадовано шлепнул ложку в тарелку.

- Ночью какая-то чушь снилась, и до сих пор не отпускает.

Не говоря ни слова, лейтенант повел бровями, чуть склонив голову.

- Я очутился в доме мечты, - начал капитан, - комнаты заполнены теплом из просторных окон или даже весь зал представлял одно большое окно. У окна лежала беловолосая жена в кружевном халате, которое едва доходило до лодыжек...

Тут капитанский голос сошел на нет, рассыпался, как пирамидка из камешков. Он взглянул на лейтенанта и продолжил обычно:

- Еще дети – двое, может, трое. Знаешь, такие, как в рекламе кондиционера для белья.

Лейтенант прищурил края глаз и сказал:

- Довольно поэтично. У тебя же никогда не было семьи?

- Нет, – с вернувшимся металлом командирского голоса сказал капитан. – С нашим образом жизни, когда перебрасывают с места на место, я не заботился об отношениях с женским полом, да и постоянно подворачивалась связистка, готовая приласкать офицера. Потом война...

- Не самое лучшее время, чтобы остепениться.

- Я не дурак и понимаю, как глупо винить войну в неудачах на личном фронте. С другой стороны, наверное, мне было легче не иметь близких во времена, когда каждый час они могут погибнуть. Но! – сказал капитан и отпил из кружки. – Понимаешь, когда привиделась семья, то я возможно впервые в жизни задумался... Знаешь, о том... Если бы не было вторжения... Черт возьми, сохранялся же шанс, что я найду ту женщину в теплом доме, моем теплом доме, понимаешь? Это как, - капитан покрутил пальцем по столу, - упущенная выгода. Самое обидное, что не только моя. Сколько парней пошло в мясорубку, сколько бело девчонок не встретят мужей в теплых домах мечты.

- Все, конечно, так, но Шимковский во времена нашествия учился в школе на другом конце света. Потому, у подобных ему создалось отличное от нашего мнение.

- Ты, я вижу, больше знаешь, так просвети, о чем думают молодые.

- Они увидели космические флоты в руках человечества, и как технологии пришельцев вывели нас в галактику. Когда вернули оккупированные земли, они оказались девственно чистыми, словно там никогда не существовало цивилизации. Экология восстановилась, ресурсов стало в

изобилии. Другими словами, молодежь не видит смысла воевать насмерть с ожесточением, как поступали мы. Их беспокоит вирус бесплодия, они летят не на смертный бой, а используют шанс добыть лекарство, что, как можно вывести, не обязательно подразумевает кровь.

- Вот она гниль... Шимковские полагают, что есть выбор: сражаться или нет! Примиренчество, - капитан замотал головой, - первый шаг к разложению. Я не допущу этого, тем более перед решающей атакой на планету врага!

- Согласен, но позволь мне поработать с личным составом. Деликатно.

Капитан, услышав последнее слово, выпучил глаза, но лейтенант, слегка подавшись вперед, добавил шепотком:

- Чтобы не поднимать шумиху. Мы же не хотим, чтобы о нашей роте заговорили в штабе.

- Да, да... ИП говорил нечто подобное.

- Ты до сих пор разговариваешь со своим искусственным интеллектом?

Капитан отмахнулся и откинулся на спину стула. Остаток времени ели молча.

Алексей поднялся с кровати и щелкнул кофейник. Дробленный шум и шипенье воды. Взглянув на отражение в зеркале, Алексей включил воду в умывальнике и плеснул в лицо. Каюта наполнилась горьковато-терпким ароматом. Машина работала в неспешном ритме, пока Алексей бродил взад-вперед. Когда раздался щелчок, Алексей бросил пакет с капитанской рукой на матрас и вышел.

3

Бортовой центр связи представлял собой узкий вытянутый зал со столом посередине, на котором стояли ряды экранов, смотревших в обе стороны. Большинство ламп освещения давно перегорели, отчего создалось приватное пространство, пришедшее по вкусу посетителям, которые приходили в центр связи чтобы позвонить домой на Землю. Войдя, Алексей посмотрел на отживавшую лампочку на потолке, которая мерцала подобно проблесковому маяку. Затем Алексей разглядел у противоположной стены геолога Руди. Мужчины встретились взглядом, Алексей кивнул и прошел к самому дальнему экрану.

- Наш новый капитан пришел... Тот умер... От... Ммм... Знаешь, он был довольно старый... - голос геолога раздавался приглушенным эхом. – Давай лучше о вас, у нас космос и космос, ничего интересного... Очень хотел быть... Марта и ты – это единственное, что дает сил не погибнуть... Нет, нет, я в безопасности, я же простой геолог, что со мной может приключиться. Я в другом смысле...

Алексей таращился в экран. Без того тусклое пространство вовсе потеряло резкость. Из реальности остались только уши и слова.

- Да... Да, очень люблю... Мне безумно жалко, что я пропустил выпускной и свадьбу, доченька, но ты же знаешь, сердцем я с вами... Всегда... Всегда...

Уличив себя в подслушивании, Алексей вздохнул и принялся рыскать глазами по значкам в мониторе. Найдя иконку «Вызов на Землю», он открыл портал связи и в поисковике набрал: Н, А, Т, А. На очередной букве его разум будто пробился из толщи воды на воздух. Алексей зарылся лицом в ладони, размял шею и закрыл портал.

Затем он кликнул на иконку базы данных армии и вбил: «капитан михаил тэн возмездие». В окне открылась личная карточка бойца: «Капитан Михаил Ангырбанович Тэн. Штурмовые войска специального назначения армии Объединённой Земной Федерации. Участник многочисленных операций против внеземных войск». Алексей вывел список операций, в конце он нашел – «Штурм головного флагмана с кодовым названием «Презренный»». Алексей кликнул на «Подробности». По ссылке открылись бесчисленные рапорты. Промотав большую их часть, Алексей остановился на отчете штаба разведки армии, в резюме которого содержалось следующее:

«По итогу операции имеем незначительные потери среди личного состава штурмовой группы до момента, пока враг добровольно запустил капитана Тэна внутрь корабля. Через час двадцать восемь минут с момента проникновения капитана Тэна внутрь флагмана от верхней части судна отделились мелкие боеголовки в количестве более тысячи и разнеслись во все стороны на сверхзвуковой скорости. Содержание: биологическое оружие, направленное на поражение репродуктивной функции человека. Через час тридцать пять минут управляющие системы врага на планете самовывелись из строя. Ксенондройды деактивировались. Космические аппараты врага на орбите перешли в свободный дрейф. Два часа семнадцать минут: в отсеке флагмана найден капитан Тэн, живой без сознания. Враг на корабле не обнаружен.»

Алексей принялся искать протоколы допроса капитана после случившегося, однако, нашел только медицинские отчеты о состоянии его здоровья и сведения о потере памяти за время пребывания в «Презренном».

Вернувшись к личной карточке капитана, Алексей нашел то, что изначально искал: «капитан Михаил Тэн допущен к участию в армейской межзвездной операции космического флота ОЗФ «Возмездие». Цель: нанесение максимального урона противнику на его родной планете, поиск вакцины от бесплодия».

Узнав достаточно, Алексей поднялся со стула.

- Я тоже очень хочу домой, но ... - вновь услышал он голос геолога.

Увидев проходившего мимо командира, геолог улыбнулся. Алексей отвел глаза и ускорил шаг.

- Алекс! - почти в дверях окликнул геолог.

Алексей не хотел, но ему пришлось остановиться, иначе его поведение выказало бы несуразное пренебрежение.

- Да?

- Ты, случаем, не обедать?

Геолог Руди отключил портал связи и подошел к Алексею.

- Я поговорил с домашними, и на радостях у меня разыгрался здоровый аппетит. Ну как, составишь компанию?

Алексей не придумал мало-мальски убедительной причины отказа, поэтому пропустив Руди вперед, пошел следом.

Спустя пару шагов Алексей снова впал в сумбурную задумчивость, пока где-то по пути у него внезапно не вырвалось еле слышно:

- Дочь...

Галерея, по которой шли мужчины, представляла собой глухой проход с равновеликими плоскостями, отчего даже малейший звук отчетливо резонировал. Алексей испугался, что спутник его услышал, однако, Руди, не сбавляя ходу, повернул за угол. Облегченно вздохнув, Алексей свернул следом, но едва не врезался в Руди, который стоял, обернувшись к нему лицом.

- Ну, а что дочь? Марта вроде бы счастлива, вышла замуж, - сказал на выдохе Руди, прикоснувшись к плечу Алексея, и пошел рядом. – Детей, правда... но, с другой стороны, если разбегутся, - сказал он и тщетно поискал кулаком дерево в полностью полимерном коридоре, - не придется делить детей. Я разводился, и мне кажется Марта, а она от первого брака, могла запомнить тот негативный опыт, когда мы с бывшей за нее судились. Знаешь, там... - говорил он, помахивая руками, - наследственность, предрасположенность, хотя, это, наверное, не то... Ну, ты понял в общем. У тебя как?

- С чем? – спросил Алексей.

- С дочкой, у тебя вроде была, то есть, есть. Хе-хе, тавтология. Или это по-другому называется?

- Наташа.

- Чудное имя? Сколько ей?

- Где-то сорок шесть.
- Молоденькая, моей пятьдесят пять. Интересные дела выходят.
- Не понимаю.
- Ты выглядишь младше дочери, благодаря этим твоим организмам в крови.
- Это произошло не по моей воле.
- Ну да, ну да... Хотя, знаешь, современная медицина не та, что была. Сегодня разговаривая с девочками, я бы ни в жизнь не дал жене ее лет, а Марта вообще выглядит словно ей вот-вот стукнуло тридцать. Твоя-то поди, как студентка.
- Не знаю, надеюсь.
- Как так? Не знаешь, как выглядит дочь? Как, почему? - сказал Руди, остановив Алексея, и уставился на него с вытаращенными глазами.
- Последний раз я видел ей было три. До войны.
У геолога опустились плечи, он долго искал, что сказать. Наконец, не найдя слов, геолог принялся изливать океан междометий, но Алексей прервал:
- Слушай, по-моему, я забыл накопитель данных. Пойду заберу, пока не потерялся.
- А?
- Ты иди, а я гляну в каюту и присоединюсь к тебе, если не еще закончишь. Извини.
Алексей неуклюже улыбнулся и, развернувшись на каблуке, прескоро оставил геолога.

4

Позади двух дюжин солдат, засевших на изготовке вокруг закрытой двери в корабельном фойе, капитан Тэн говорил с офицером, которого Алексей доселе не встречал в записях. По конфигурации помещения, стандартного на любом космическом корабле, Алексей распознал дверь – вход в рубку.

- Уверен, ребята просто запутались. Ужасная ситуация, но прошу Майк (капитан, которого увещевал Михаил) самое опасное сейчас, это спешка.

- Раздуплись, по всему флоту бунтуют! Михаил, не понимаю, почему тебя вообще не арестовали? Ведь там, - говорил Майк, указывая на дверь рубки, - забаррикадировались, в том числе, и твои бойцы.

- Да, черт возьми, мои! Их возглавляет мой лейтенант. Я не отказываюсь от ответственности, поэтому стою здесь!

- Ответственность... Хрена с два, штаб направил тебя, чтобы уговорить их выйти потому, что при штурме существует опасность разнести пункт управления кораблем.

Михаил вытянулся, поправил китель и сделал три чеканных шага к двери.

- Отведи людей, я пошел.

- Без тебя разберусь, - процедил Майк. – Эй, парни, назад, займите позиции. Будем надеяться, что Тэн справится со своим личным составом, и мы не взорвемся на этой посудине!

Подойдя к двери, Михаил взглянул на микрокамеру наблюдения сверху, и поборов желание оглянуться, прислонил ладонь к двери.

- Лейтенант Додаев! Ризван, это Миша. Открой, надо поговорить. Ты можешь видеть через камеру, что солдаты отошли, а я без оружия, - сказал капитан и сделал два строевых разворота с поднятыми руками.

Дверь приоткрылась ровно на столько, чтобы капитан смог втиснуться боком. С кителя слетела пуговица и звонко упала на пол снаружи. Михаил бросил последний взгляд на капитана Майка, который наблюдал за ним из-под сведенных к носу бровей, и дверь захлопнулась.

Лейтенант вышел навстречу. Он был одет в штабную форму, его табельный пистолет покоился под застежкой в набедренной кобуре. Никто из бойцов внутри не подумал направить оружие на капитана Тэна. Они сидели на столах и полу с винтовками на коленях и разговаривали друг с другом в полголоса, кто-то вовсе дремал, бросив рядом тяжелую бронезащиту.

- Раненые есть? – спросил капитан, подав руку.

- Виделись утром, - ответил расслабленно Дадаев, пожимая протянутую ладонь. – Часть отстала в стычках на корабле, не знаю мертвы они или нет. Здесь все целы, не считая царапин.

- Наворотил же ты, Ризван. Как же так... Мы же всю войну, как братья, не жалея и не таясь. После этих слов глаза солдат обратились на офицеров.

- Мы не открывали огонь, даже в ответ, - сказал лейтенант. – Я лишь хочу, чтобы наши голоса слышали в штабе.

- Два взбунтовавшихся дредноута расстреляны в пыль! На флоте потери перевалили за полтысячи!

Михаил взял лейтенанта за плечи.

- Ризван, ты понимаешь, что никто не собирается вас слушать?

- Не при бойцах... - тихо произнес Дадаев. – Отойдем в навигаторскую.

- Что ты можешь сказать... Чтобы, что? Как ты не уяснишь, вы в ловушке, бунт подавлен, - пророкотал капитан, но затем добавил тихо: - Вы умрете, если не сдадитесь, понимаешь, все умрете.

«Михаил, - раздался в ухе капитана голос ИПа, - возможно лейтенант Додаев желает посвятить вас в свои планы. С тактической точки зрения будет разумно узнать идеологическую позицию бунтовщиков. В случае наступления исхода, сопряженного с боестолкновением, полученные сведения помогут дать правильные показания на трибунале.»

- Пойдем, я прошу. В знак дружбы, - сказал лейтенант.

Капитан согласился и позволил проводить себя в навигаторскую комнату, ответвляющуюся от основного зала рубки. Посреди небольшой комнаты располагался широкий стол с интерактивной столешницей, на которой была выведена карта звёздной системы и значки, помечавшие корабли флота «Возмездия». Для удобства работы с экраном свет был слегка приглушен. Офицеры сели за стол напротив друг друга, Михаил навалился на спинку положив кулаки на край столешницы, когда как Ризван оперся локтями на экран, отчего его лицо подсветилось.

- Пилоты живы, мы выкинули их отсюда, когда заняли рубку, - сказал лейтенант.

- Да, я собственно...

- Неважно. Ты, наверное, хочешь спросить, как нам удалось поднять бунт?

- Ризван, Ризван... Я спрашиваю себя, как я проморгал разложение своей роты, моего ближайшего помощника – моего преданного лейтенанта. Не такого преданного, как оказалось... Как ты мог, Ризван? Я до сих пор не могу принять того, что мы сидим друг напротив друга, как враги.

- Брось, Миш, внутри тебя давно пустило корни понимание абсурда официальной трактовки войны, еще когда я сам не сознавал картины. Только зачем с такой настойчивостью ты выжигашь это понимание из своей голове?

- Понимание чего?

- Того, что пришельцы не уничтожили человечество, хотя с легкостью могли. Разве не глупо было выжидать годы, пока мы «якобы» не захватим их технологии и не создадим новую армию для достойного отпора. Тебя не насторожило внезапное самоустранение пришельцев, когда они прекратили войну? Фактически они отдали снаряжённый космический флот, управление которым будто нарочно полностью совместимо с нашей физиологией. Карты галактики, любезно оставленные на серверах кораблей...

- Обстоятельства.

- Это парадоксы той войны. Покуда люди не перестанут слепо верить идеологии под предлогом лишь бы не было войны, они не увидят очевидного.

- Сомнения были во мне, но их суть самообман, потворство умозрительным домыслам, только с другой стороны. Человечество проявило гибкость, сплоченность и решительно выступило против врага. Разве ты забыл, как мы захлебывались собственной кровью, но били захватчика. Нас опрокидывали, но мы возвращались. Человечеству было, что терять. Технологии мы взяли боем, ценой жизней миллиардов. Отрицать это – значит плюнуть в могилы наших братьев.

- Хочешь сказать, что я плюю...

- Пришельцы очистили экологию на оккупированной территории, говоришь ты, но скажи, часто ли ты сталкивался с врагом, который из альтруизма работал на благо соперника? У них были планы на нашу планету.

- Разве технологии не вывели человечество на немыслимые ранее высоты?

- Да черт бы побрал эти технологии, если взамен человечество потеряло девять десятых населения. Будто ты не видел испепеленные города? Пришельцы убивали не солдат, они зачищали наш вид. Если мы справились с нечистью, то я не собираюсь призывать к всепрощению и благодарить за железки.

- Твои аргументы могут сколь угодно изощренно вертеть факты. Ты лишь принял в комфортную трактовку. Я, ты, все мы на этом доморощенном «Возмездии». Массовая идиотия. Попробуй трезво посмотреть на нас – летим на кораблях, с самоотключенным инопланетным искусственным интеллектом, на родную планету их создателей. Гребаный сюр, ведь даже не известно, пока мы десятки лет валялись в стазисе, остались ли живы люди на Земле.

Внезапно в рубке раздался грохот. Михаил и Ризван рефлекторно соскочили со стульев на пол и перебрались к стенам. Следом раздалось еще два хлопка, капитан узнал звук световых гранат. Бойцы в рубке не успели издать вопля, как разразилась стрельба. Слаженные, четкие очереди не походили на ошалелый огонь загнанных в угол людей. «Значит, не дотерпел», - пронеслось в голове у капитана. Лейтенант вскочил на ноги и выхватил пистолет, тем временем в навигаторскую поползли лазерные лучи винтовочных прицелов. Одолев шок, капитан бросился к дверному проему.

- Не стрелять! Я капитан Тэн! Опустите оружие, я приказываю!

Капитан оказался между группой штурмовиков и лейтенантом позади.

- С дороги, идиот! – прокричал капитан Майк за спинами штурмовой группы. – Ей богу, ты ляжешь рядом с предателем!

Сзади у уха капитана Тэна раздался негромкий голос лейтенанта, непрерывно и чеканно он проговорил:

- Пусть ты не помнишь или не хочешь, но я уверен, тогда на «Презренном» ты говорил с пришельцами. Именно ты закончил войну, и вирус был выпущен не случайно. Бесплодие не похоже на вернейший способ геноцида. Я думаю, вирусом пришельцы дали послание. Мы не поняли урока, но он был дарован. Возможно, ты последний человек на флоте готовый это воспринять. На «Презренном» ты сделал первый шаг, наберись мужества и доверши начатое – найди ответ и спасение.

Затем у правого уха капитана Тэна раздался хлопок. Оглушенный он обернулся и увидел тело лейтенанта с пробитым виском.

5

- Еще долго, Поль? – спросил Алексей, входя в ангар.

Пилот захлопнул люк технического отсека под хвостовой направляющей шаттла.

- Птичка готова, кэп, - отрапортовал Поль, шмыгнув носом. – Через пятнадцать минут можем взлетать по твоей команде.

Алексей одобритительно кивнул и подошел к разведчикам, которые облачались в защитные костюмы и проверяли аппаратуру. Поприветствовав каждого, Алексей быстро скинул одежду и

поспешно, ведь в ангарном отсеке было довольно зябко, принялся втискивать ноги в костюм для высадки.

- Янг, - спросил его один из разведчиков, - на кой мы так экипируемся, если на планете тропический климат?

- Ничего не желаю слышать! - раздался голос Литы.

Доктор подошла к мужчинам с медицинским чемоданчиком и передала его Алексею.

- На прошлой высадке тоже не ждали проблем. Думаю, не нужно напоминать, чем обернулась беспечность, - сказала она.

- Планета и правда цветущая, и совсем не похожа на радиоактивный спутник газового гиганта, - сказал Алексей.

- С мертвой цивилизацией, - парировала она.

- Гибелью разумного вида, жизнь не ограничивается! - воскликнул кто-то из разведчиков.

Лита присела на корточки перед Алексеем.

- Не застегивай нагрудник. Нужно тебя осмотреть.

Лита просунула руку с головкой стетоскопа через нательное белье к сердцу Алексея. От прикосновения студеного металла он содрогнулся и нечаянно положил ладонь поверх Литиной. Разведчики разразились улюлюканьем, которое прекратилось лишь когда Алексей нахмурено посмотрел на мужчин.

- Летите двумя группами? – спросила Лита.

- Шесть крепких солдат, это все, что удалось собрать из оставшихся, - ответил он настолько тихо, чтобы другие не услышали. – Вместе с тобой, мной, дряхлыми Карлом с Войновичем нас осталось жалких полтора десятка. Признаюсь, снарядив даже две группы, я задаюсь вопросом: не слишком ли рискую?

- Думай прежде всего о себе. Я не переживу, если увижу на операционном столе твое израненное тело, - сказала она. – Не хочешь думать о моих чувствах? Подумай об экипаже, нам нужен капитан. Пусть высаживается одна разведгруппа.

- Только одной? – задумался Алексей. – Что ж, ты права, - сказал Алексей, проведя рукой ее по бедру.

Он поднялся и, затягивая крепления на защитном костюме, скомандовал:

- План изменился. Со мной – Михо и Ревилья, остальным отбой, переодевайтесь обратно.

Под ошеломленным взглядом Литы и под раздосадованные выкрики разведчиков, оставшихся не у дел, Алексей двинулся к шаттлу.

- Не забудьте переносные генераторы! – крикнул Алексей, не оборачиваясь, и надел шлем.

- Уже на борту, кэп!

Поль включил на прогрев двигатели, которые подняли вихрь внутри ангара. Искусственный голос из динамиков затянул: «Подготовка к взлету. Разгерметизация шлюза через: пять минут. Персоналу, не задействованному в полете, срочно покинуть ангар.»

Придерживая развевавшиеся волосы, Лита выбежала из ангара под руку с разведчиком, оставленным на корабле. Она не отрывала взгляда от трех мужчин, закованных в восхитительную космическую защиту, которые поднимались по трапу на шаттл точно олимпийцы на пьедестал.

За годы экспедиции экипаж узнал довольно много о цивилизации Шара. По видимости, эволюционировавшие из подвида землероек, представители разумной расы Шара имели сферическую форму ростом до метра, отсюда и прозвание, которое им дали люди. Особенностью необычной морфологии было полное отсутствие зрительных органов. Поверхность их тел была усеяна гибкими щупальцами-отростками на манер осьминожких, однако более плотными и умелыми, которые шароиды унаследовали от рывших грунт предков. Они искусно манипулировали

руками-щупальцами, что могли орудовать инструментами одновременно в трёхмерном пространстве. Отсутствие глаз компенсировалось активной ультразвуковой биолокацией. Шароиды могли не только ориентироваться в пространстве посредством испускания звуковых волн, но и насколько можно судить из развитой архитектуры и технического прогресса, моделировали в мозгу формы объектов. Покойный бортовой биолог Кац, высказывал гипотезу, что шароид помимо эхолокации мог улавливать мельчайшие вибрации и испускал собственные для получения обратной информации.

Материнская планета Шара имела несколько разделенных небольшими проливами материков в экваториальной зоне, которые ограничивались двумя мегаокеанами с севера и юга. Довольно благоприятный климат содействовал разнообразию растительности, отличной по строению от земной. Разумная цивилизация Шара зародилась на северной оконечности крупнейшего материка. Посланные зонды-разведчики нашли в той местности бесчисленные озера, при этом достаточно мелководные. Водившиеся в них мелкие организмы – мягкие рачки составляли основу питания цивилизации Шара. Об этом можно судить определенно по найденным в планетарных колониях пищевым пайкам. Исследуя экологическую ситуацию на планете, ученые исследовательской миссии предположили, что на протяжении нескольких тысяч лет вся пригодная для сельского хозяйства суша была насильственно изменена и покрыта множеством полей, принудительно затопленных для выращивания рачка. Современное зарастание суши тропическими лесами стало следствием исчезновения цивилизации.

Культура цивилизации Шара была изучена экспедициями в руины планетарных колоний. Постройки редко возвышались над землей более двадцати метров, уступая первенство бесчисленным ярусам под землей. Что высилось на поверхности, имело куполообразную форму. Та же скругленная тенденция обнаруживалась во внутренних помещениях. В привычном для людей понимании архитектурный стиль отсутствовал у цивилизации Шара. Взамен шароиды использовали сочетание материалов в особой компиляции узоров, что услаждало тонкий слух отражаемыми нотами. В том же ключе развивалась живопись, вернее подвид музыки, запечатленный на поверхностях, ведь именно музыкальное творчество составляло основу искусства Шара. Цивилизация Шара не создала религии, вместо нее была выработана система ритуала и строго регламентированного кредо, ближайшей аналогией которым представляется традиция китайской церемонии.

Сквозь шум в грузовом отсеке шаттла разведчик Михо прокричал нечто адресованное Алексею, который сидел на противоположном кресле. Алексей постучал пальцем по шлему рядом с ухом. Михо кивнул.

- Ты видел останки шароидов в яме? – спросил он, включив внутреннюю связь.

Словно вспышка у самых глаз, картинка со дна на мгновение вспыхнула в воображении Алексея.

- Не помню, прошло столько лет.

- Садимся! – раздался голос Поля.

Шаттл приземлился на площадь одного из них немногих сохранившихся городов. Навьюченные снаряжением разведчики выбрались наружу. Погода выдалась туманная, сквозь дымку виднелись своды куполов похожие на черепашьи в морской пене.

- Может снимем шлемы, атмосфера вполне пригодная, - предложил Ревилья.

- И не думай! - сказал Алексей. - В воздухе полно органической взвеси. Не забывайте, что мы не дома и наш иммунитет бессилен перед местными патогенами.

- Войнович, - связался Михо с кораблем на орбите, - нас видно?

- Вижу четко, как свой лысый... коленку, - с хриплым смехом ответил Войнович.

- Завершил сканирование города? – спросил Алексей

- Секунду... - ответил Войнович. – Выслал.

- Принято, - ответил Алексей. – Выдвигаемся к куполу в четырехстах метрах к северу, ожидаем найти публичное учреждение. Не спите там с Карлом, обо всем подозрительном и бла, бла, бла... В общем, работаем в штатном режиме. Конец связи.

Площадь оканчивалась широчайшим спуском под землю в каждую из сторон. Чем глубже уходили разведчики, тем ниже становились потолки.

- Я и забыл какие они коротышки, - сказал Михо, когда макушку шлема заскребло о потолок.

Освещая путь мощными фонарями, разведчики прошли по темному подземному проспекту к точке входа в здание, отмеченного на карте. Зайдя внутрь, Алексей смог расправить плечи, высота купола составляла добрый десяток метров. Каждая поверхность была идеально гладкая совершенно без рисунков и, казалось, без цвета – всюду землисто-металлический оттенок. В центре зала разведчики нашли С-образные стойки операторских панелей.

- Подключай генератор, - сказал Михо Ревилье, - может получится запустить компьютер.

Ревилья нашел разъемы для питания и подключил к машине контакты от генератора.

- Ничего, - сказал разочарованно Михо.

- Посмотри на панели ввода, - сказал Ревилья. – До этого они были идеально гладкие, а теперь покрылись сетью бугорков.

- Значит, работает, - сказал Алексей. – Еще помнишь, как с этим управляться?

- Как на велосипеде... - ответил Ревилья и, достав из рюкзака анализатор ультразвука, повесил его на грудь.

Он вошел за С-образную стойку и начал быстро водить пальцами по панели. Устройство на груди преобразовало ультразвуковую речь в человеческую: «Навык... Знаний... Учреждение публики... Учить...»

- Видимо мы в заведении наподобие университета или школы, - сказал Михо.

- Попробуй узнать, где хранилище данных или библиотека, - сказал Алексей.

Ревилья вновь пробежался пальцами по панели, и прибор откликнулся следом: «Запрос: база данных... Не найдено... Хранилище... Найдено: пищевые склады... Отмена... Запрос: библиотека... Не ясен запрос...»

- Должен же быть источник информации, - растерянно сказал Алексей.

- Может, поискать беспроводные сети? - спросил Михо.

- Без энергии от них нет толку, - ответил Ревилья. – Ну-ка, подождите...

Ревилья ввел команду и устройство ответило: «История... Третий этаж... Южное крыло...»

- Что это значит? – спросил Алексей.

- Мы же ищем, что стало с цивилизацией Шара, вот я и спросил: «История» плюс название их народа, - бодро произнес Ревилья.

- Толково, - похвалил Алексей. – Итак, этажи шароиды считали сверху вниз, значит спускаемся на три уровня. Поглядим, что с ними приключилось.

- Вот бы найти экраны, чтобы посмотреть, - сказал Михо.

- И ведро попкорна в придачу, - вклинился в эфир Карл.

- Вечно ты, как чирей на заднице, - раздался голос Войновича.

- Мистер «я брюзжу по всякому удобному поводу» вновь на тропе войны, - съехидничал Карл.

- Что ты знаешь о войне? – завелся Войнович. – Сидел в занюханной лавчонке и втюхивал голодранцам гнилую свинину.

- Шиттенберги никогда не торговали свининой, тем более тухлой, чего не скажешь о вас, бульбашах!

- Ах, ты собака сутулая!

- Прекращайте засорять эфир! – приказал Алексей и на время отключил связь с кораблем.

В здании имелись лифты, но столь своеобразные и неподходящие под комплекцию человека, что разведчики решили спуститься по лестницам, благо путь предстоял не столь далекий. Оказавшись на нужном этаже, первым делом Ревилья составил карту помещений с помощью переносного сонара. Когда определились с маршрутом, разведчики с фонарями выдвинулись к нужному помещению. Шли в полуприсяде, поскольку потолки не превышали полутора метров. Наконец, они добрались до места и выбили дверь зарядом направленного действия, ломать голову над взломом двери не было ни нужды, ни времени. Внутри помещения располагались знакомые С-образные стойки, установленные рядами, словно парты.

- Похоже там, - сказал Михо, посветив фонарем на устройства в полоток высотой, находившееся у противоположной стены.

- Будем надеяться, - сказал Алексей.

Принятые за суперкомпьютеры цилиндрические механизмы оказались капсулами для просмотра трехмерных записей.

- Эти штуки помогли шароидам увидеть картинку, точнее погружаться в заснятые модели, - объяснил Ревилья.

- У шароидов же не было глаз, - растерянно сказал Алексей.

- Мозг очень сложен и при этом пластичен. Картинка рождается не в глазах, а в отделе мозга, который отвечает за зрение. Шароиды видели, но по-особенному, с помощью эхолокации. Например, они могли знать точное местоположение и размер спички на расстоянии в половину километра, но никогда не видели света своей звезды. Пока не изобрели волновые телескопы, разумеется, - сказал Ревилья.

- Понятно, - сказал Алексей. - А как нам посмотреть записи в этих штуковинах?

- Сперва запитаем устройство, - сказал Ревилья, подключая генератор к цилиндру.

Алексею и Михо оставался удел наблюдателей, и спустя несколько минут дверца в цилиндре отъехала вбок.

- Отлично, нам повезло, устройство работает, - радостно сообщил Ревилья. - Капсулы действуют так: шароид входил внутрь, затем дверь капсулы герметично закрывалась. Если приглядитесь, - Ревилья посветил фонарем внутри цилиндра, - тут повсюду расположены излучатели. Они имитируют ультразвуковую картинку так, что шароид будто бы оказывался в центре записанных событий. На самом деле технология намного сложнее, но, если начну подробно рассказывать, это выльется в лекцию.

- Отложим на потом, - сказал Алексей.

- Согласен, - продолжил Ревилья. - Теперь я помещу анализатор ультразвука в цилиндр, мы его закроем, и я введу нужный запрос в операционную панель. Анализатор запишет информацию, затем мы подключимся к нему с помощью смарт-браслетов и посмотрим запись, преобразованную в 3D-изображение.

Михо сел на пол и сказал:

- Чую, это надолго, разложу пока электронный пасьянс. Блин, как же темечко чешется.

- Не вздумай снимать шлем! - погрозил пальцем Алексей.

- Мыться надо перед высодкой, - заметил Ревилья, взясь с аппаратурой.

Михо толкнул задремавшего у стены Алексея.

- Что? - просипел Алексей, - Сколько времени прошло?

- Почти час, - сказал Михо, - Ревилья заканчивает конвертацию.

Алексей подошел к Ревилье, который поджав под себя ноги, работал с анализатором.

- Ну как? - спросил Алексей, положив руку ему на плечо.

- Отлично, есть картинка, будто виртуальная реальность, - ответил Ревилья. - Видео очень длинное, сейчас отмотаю к началу интересного эпизода.

Алексей подключился к анализатору и оказался в городе, намного большем чем тот, где разведгруппа находилась сейчас. Купола зданий и обтекаемые тупоугольные шпили небоскребов возвышались на поразительную высоту. По улицам на коротких щупальцах семенили тысячи шароидов, курсировал транспорт. Стоял плотный туман. Сбивало столку только звучание. Алексею казалось, что он слышит разом весь город. Однако, возникший следом звук так резанул по ушным перепонкам, что Алексей покачнулся. Подняв голову, он увидел спускавшиеся с небес дредноуты пришельцев, той же конструкции, что атаквали Землю. Они низвергли на город испепеляющую плазму. Испугавшись натурализма, Алексей зажмурился. В это мгновение в памяти возник родной город, объятый смертным пламенем первого дня вторжения, и малышка на его руках, с которой он бежал, пытаясь спастись.

Открыв глаза, Алексей увидел вокруг себя разбежавшихся в панике шароидов. Повсюду их ждала только гибель. Алексей искал знакомого врага - ксендроидов, но вместо них, где-то в другом конце города, на землю словно гигантские капли падали черные нити. Постепенно гибельный ливень подбирался ближе, нити становились крупнее. Наконец, одна из них рухнула неподалеку – длиной в две грузовые фуры сотканная из металлических тросиков змея с тремя дюжинами синих глаз. Не теряя ни секунды, механическая тварь принялась рвать и пожирать обезумевших шароидов, попутно громя здания, змеи зарывались на подземные ярусы, где уцелевшие тщетно надеялись укрыться.

Сознание Алексея будто вытянуло через соломинку, изображение схлопнулось, и он оказался в яме на далекой планете среди внеземных бабочек. Едва он делал шаг они рассыпались, вокруг мрак, обстановка была в точности, как тридцать девять лет назад. Страх взвивался в кишках, и кровь ударила в уши, что казалось расколет череп на осколки. Алексея колотило, он озираясь, он ждал, и оно появилось. Темное, как самая страшная ночь под ножом убийцы, мерзкое чудовище ползло из расщелины выгрызая путь в покрывале бабочек. Оно надвигалось все ближе и ближе...

6

- Привет.

Открыв глаза, Алексей увидел лицо Литы. Он обнаружил себя лежавшим на кушетке в медицинском отсеке. Из руки торчала игла, трубкой соединенная с капельницей. Алексей улыбнулся и произнёс с выдохом облегчения:

- Только сон...

- Что? – переспросила Лита, склонившись ниже.

- Поцелуй меня.

Лита с удовольствием выполнила просьбу, не прикрывая глаз.

- Как ты? – спросила она. – Разведчики сказали, что ты внезапно потерял сознание.

- Демоны из прошлой жизни напомнили о себе.

- Тебя било в припадке, когда принесли сюда. Еле сбила давление, - сказала она. – Я так, так сильно испугалась...

Уголок ее губ легонько дрогнул, и Алексей улыбнулся.

- Может, и смешно, но ... - произнесла Лита.

Алексей оборвал ее вырвавшимся по-детски непринуждённым смешком.

- Чего ты... - насупившись спросила она.

- Я почти забыл, каково это проснуться и увидеть лицо любимой.

Алексей взял ладонь Литы и, поднеся к лицу, провел по щеке. Закрыв глаза, он чувствовал прохладу от подушечек женских пальцев, которые ползли к уху, и он выдыхал аромат капельки духов на запястье, смешанный с ее собственным запахом. В памяти всплыли руки матери,

нежное прикосновение шелковой кожи. Алексей ощутил прикосновение губ и открывая глаза, почувствовал, что помутнение ямы отступило.

- Можно снять? – спросил Алексей, указывая на капельницу.

- Раствор с витаминами, чтобы подкрепить организм. – ответила она. – Сейчас уберу.

Лита вынула иглу и помогла Алексею подняться. Расправив плечи, он с хрустом потянулся и подошел умыться.

- Команда просила сообщить, когда ты очнешься, - сказала Лита.

- Что ж, неси благую весть, их капитан воскрес! - сморкаясь сказал Алексей.

- Еще передали, что хотят поговорить, если ты будешь в состоянии.

- Чувствую себя превосходно, - сказал он и притянул Литу. – Мне и самому есть, что сообщить экипажу.

Он снял руки с талии Литы и, взяв ее под руку, сказал:

- Идем.

- Не нужно. Это ваши дела. Я медик, мое место здесь.

- Хватит прятаться, ты часть команды и место твое среди нас.

На мостике собрались двенадцать человек, всё, что осталось от экипажа. Алексей вошел под руку с Литой. Смущенная она порывалась освободиться, но он не пускал. Поприветствовав экипаж, Алексей заверил присутствующих в своем полном здравии, и когда расселись, он взял слово.

- По известным причинам, мне не удалось полностью изучить запись, извлеченную из аппарата на планете. Ревилья, расскажи вкратце, что привело к гибели цивилизацию Шара.

Закинув волосы назад, Ревилья раскинулся на кресле и сказал безучастно:

- Ничего нового, кэп. Прилетели вражеские корабли, зачистили города с воздуха при поддержке ксенороидов на поверхности. Если на Землю напали гуманоидные машины, то на планетах Шара конструкция десанта походила на больших змей. Видимо, под каждый вид разумных существ враг приспособляет солдат-убийц.

- Что с вирусом? – поинтересовался Алексей.

- Вчера мы летали на планету еще раз. Из добытых записей можно судить, что шароидов поразил вирус бесплодия сходного действия, что был использован на Земле. Однако есть один момент. Не берусь судить категорично, но оперируя все теми же записями, я понял, что перед фактом неминуемого поражения шароиды предпочли массовый суицид. Не желавшим убивать себя, помогли силой.

- Они, что, сектанты? – спросил Карл.

- В последний год войны один древний свод ритуалов возобладал в культуре шароидов, крайне радикальный. Я грешу на него.

- Я читала, как фанатики практиковали самосожжение, но, чтобы целая цивилизация в одночасье убила себя... - сказала Лита.

- Да бред это сивой... Как ее? – крикнул Войнович.

- Кобылы, - помог Карл.

- Во! – сказал Войнович. – Чтобы не нашлось диссидентов? Да ни в жизнь!

- Начинается... - закатил глаза Карл.

- Я лишь высказал предположение. Наверняка можно судить только, когда целиком изучим массив полученных данных. А сделать это возможно только дома, - сказал Ревилья. – Собственно, для этого мы и собрались. Когда, Алекс?

Алексей молча окинул взором каждого, затем прошел к панели капитана и сел в кресло, расположившись в пол-оборота к команде, сосредоточившей на нем внимание. Собираясь с мыслями, он хранил молчание.

- Алексей, Ревилья говорит про Землю. Когда летим обратно? – повторила вопрос Лита.

- В этой звездной системе нам больше нечего делать. Мы выполнили поставленную задачу, - сказал пилот Поль.

- Покойный капитан, мир его праху, - сглотнув, сказал Алексей, - незадолго до смерти получил предложение отправиться в новую экспедицию.

- Не хочу оскорбить память покойного, но, надеюсь, старик не успел согласиться? – спросил Войнович.

- Нет, - ответил Алексей. – Однако после вступления в должность, дилемма перешла на мои плечи.

Алексей прочистил горло.

- Я уверен, капитан был патриотом и при принятии решения исходил бы не из личных потребностей, но по велению долга, поэтому...

Шквал возмущений заполнил рубку. Войнович в сердцах швырнул кружку на пол.

- Сколько? - спросил подавленным тоном геолог.

- Десять лет в стазисе, - ответил Алексей.

- Твою-то мать! – разразился Войнович. – Понимаешь, сукин ты сын, что мне семьдесят лет! Семьдесят! Мы сейчас в шести годах полета от Земли, а еще десять лет туда-обратно – это двадцать! Кому сгодятся наши открытия спустя четверть века? Внуки будут старше меня, если еще останутся в живых.

- Знаю, что нелегко, но это жертва, которую мы обязаны принести.

- Что будем искать в новой миссии? - спросил Михо.

- Не известно, как всегда, - ответил Алексей. – Нам остается только верить, что отыщется средство спасения или способ отсрочить старение, на худой конец.

- О себе можешь не беспокоиться! – выкрикнул Войнович, однако, быстро понял, что сказал сгоряча. - Прости, - буркнул он, и отвернулся, более не в силах сдержать чувств.

- Алекс прав! – твердым голосом среди мужского ропота сказала Лита.

Она подошла к капитанскому креслу и положила ладонь на плечо Алексея.

- Взгляните на себя. Только что вы хором осуждали поражение бедных созданий с планеты Шара. Не то же малодушие проявляете вы, призывая лететь домой умирать? – чеканя слова, говорила Лита.

С каждым интонационным ударом Алексей чувствовал, как ногти Литы сильнее врезаются в плечо. Пока говорила, она ни разу не посмотрела на Алексея.

- Я лишилась ребенка в первый месяц войны, потом мужа, родителей, друзей. Соседей. Я видела, как горел дом на моем ранчо. Не думайте, я не давлю на жалось. Тем более находясь среди людей с подобными моему списками потерь. Там, далеко, на родной Земле осталась горстка от цивилизации. Они смотрят в небо с верой, что мы, не жалея себя, ищем заветное лекарство. Мне кажется, только это вселяет в них мужество жить исключительно надеждой.

Лита взглянула на свою кисть с выступившими сухожилиями, покрасневшую от натуги. Поднеся ее к губам, Лита почувствовала, как передернулось тело, и чтобы устоять она двинула ногой в сторону. Каблук подкосило, отчего она едва не потеряла равновесие, что не осталось без внимания. Войнович подскочил с места. Сквозь оцепеневшие губы она произнесла еле различимое извинение и спешно, переходя на бег, покинула мостик.

- В любом случае, я - капитан, - сказал Алексей, вставая. - Решение принято. Устав велит подчиниться, покуда вы находитесь на корабле, а деться отсюда некуда. Став космонавтами, мы приняли судьбу мучеников.

Смотря под ноги, Алексей последовал к выходу, однако, остановился на пороге.

- Поль, подготовь зонд к полету. Когда я закончу изучение файлов с «Возмездия», мы отправим на Землю оторванную руку и информацию по цивилизации Шара. После начнем подготовку к погружению в стазис. У меня все, - сказал он. – Вопросы?

Экипаж молчал. Алексей кивнул головой и вышел в коридор. Там ждала Лита.

- Я очень благодарен за поддержку новой экспедиции, - сказал Алексей.

- Тебя, - ответила она, не глядя в глаза.

Лите отстраненно смотрела в сторону, Алексей провел рукой по ее волосам. Понимая нелепость всяких слов, он поцеловал ее нахмуренный лоб и ушел в свою каюту.

7

Исполненный решимости во что бы то ни стало завершить сегодня знакомство с «Возмездием», Алексей схватил со стола пакет с рукой капитана Тэна и подключился к наручному компьютеру. По привычному импульсу, Алексей собрался повалиться на кровать, но решив не затягивать просмотр надолго, сел за рабочий стол и, промотав записи, воспроизвел последнюю.

- Становись! – скомандовал капитан Тэн.

Солдаты в расположении бросили возиться со снаряжением и закинув штурмовые винтовки за плечи построились в две шеренги. Капитан прошагал вдоль строя и, покачивая пальцем, пересчитал бойцов.

- Двадцать семь, да уж... - недовольно сказал капитан.

- Половину перестреляли во время бунта, товарищ капитан! – выкрикнул из строя солдат.

Капитан горестно покачал головой и, приставив ладонь ребром к козырьку, поправил фуражку.

- Итак, ребята, что хотел сказать... - сказал капитан. – Первое, из штаба объявлена двухчасовая готовность, иными словами, подлетаем к орбите вражеской планеты. Сбор личного состава, задействованного в высадке, то есть нас с вами, объявлен в ангаре корабля. Однако, прежде мне нужно довести до вас следующую информацию. Поскольку нас мало, рота переформирована во взвод.

- А как же вы? – спросили бойцы.

- Теперь я взводный. Спасибо, не отправили в стазис, - продолжил капитан. - Как известно, взвод обязан приписаться к роте, поэтому с утра я получил приказ, по которому мы переходим в подчинение капитана Майка и его сорок третьей роты.

Бойцы загудели в недовольстве.

- Отставить разговоры! - рявкнул капитан. – Хотя, на этом в принципе все. Чего разглагольствовать, со многими из вас я воевал, парни вы надежные. Как в свое время говорил мой ротный – солдаты всегда понимают долг, главное, чтобы большие звезды не подвели. Сержант Кошевич!

- Я!

- Проверишь экипировку каждого и через пятнадцать минут отведешь бойцов к ангару.

- Есть! – отозвался сержант.

- Встретимся на месте. Разойтись!

Распустив бойцов, капитан прошел в офицерский кубрик, чтобы самому подготовиться к высадке. Не спеша, он проверил механизм винтовки, уложил боекомплект, затем сделал растяжку мышц и принялся втискивать себя в плотный ножной доспех. Едва он поднялся, чтобы устроиться поудобнее в стягивавшей ноги защите, как получил входящий сигнал от источника, неопознанного внутренней сетью. В ушных имплантах зазвучал голос:

- Люди, вы прибыли за вакциной от вируса. Ее у нас нет. Разворачивайте флот. Вам не победить.

Безразличным тоном послание повторилось несколько раз. Голос раздавался не только в персональных звукопередатчиках, но и по громкой связи корабля. Без прежней основательности Михаил закончил с экипировкой и подхватив со стола штурмовую винтовку выскочил из кубрика.

- Не поддаваться панике! Ситуация под контролем! Приказы остаются прежними! – прокричал капитан солдатам, пробегая по расположению.

На палубах очумевшие люди бегали из кают в каюту, другие, напротив, стояли в оцеплении, их то и дело сшибали с ног словно кегли. Вакханалия сопровождалась криками старшин, взывавших к порядку. Капитан Тэн бежал в штаб, если приходилось, помогая себе прикладом винтовки.

- Михаил, - раздался в ухо голос ИПа, - успокойтесь. Сообщение пришло с планеты.

- Уже понял, - запыхавшись сказал капитан. – Сейчас не до тебя.

Он ворвался в двери штаба и тут же налетел на капитана Майка.

- Какого черта ты здесь? – воскликнул капитан Майк. – Где твои бойцы?

- В расположении. Что известно о послании?

- Не больше, чем тебе.

Вбежал командир батальона с заместителем.

- Смирно! – вскрикнул кто-то из присутствовавших офицеров.

- Какой там... - отмахнувшись сказал комбат.

Командир подбежал к столу и через интерфейс вывел на огромный экран видеоканал, который транслировал из штаба флота. Там ситуация была не лучше, генералы нелепо суетились пока не вошел адмирал в распахнутом кителе и вслед за выкриком ему в ухо «Смирно!» не разразился площадной бранью.

- Связь с корабельными штабами установлена? – спросил адмирал, садясь в кресло.

Получив утвердительный ответ, он, не теряя времени, обратился в камеру.

- Во-первых пресечь панику! Нельзя допустить повторения смуты за два часа до старта операции! Во-вторых, - он посмотрел на сидевшего рядом заместителя по связи, - как пришельцы смогли взломать нашу закрытую линию?

- Кибератаки не обнаружено, они без труда подключились и сказали, что хотели. Ведь, де-факто, наши корабли были некогда кораблями противника. По видимости, враг располагает кодами доступа к системам связи.

- Так сделай что-нибудь! – приказал адмирал. – Чего сидишь, выполняй!

Заместитель по связи подскочил и выбежал из штаба.

- Теперь о сути послания. – продолжил адмирал. - Сообщение вне сомнения нацелено на подрыв боевого духа. Вам не победить... Ничего, побили раз, побьем снова. Насчет вакцины придерживаюсь того же мнения. Дезинформация. Хотят вынудить нас отступить. Знают, черти, что вернуться обратно не сможем, ведь к тому времени человечество вымрет. Таким образом...

- Вы обречены, - сказал ИП в ухо капитану.

- ... десант к высадке согласно намеченному плану...

- Как ты, индивидуальный помощник, можешь такое просчитать? – спросил мысленно капитан.

- ... ударов орудий с минутными интервалами...

- Флот потерял два дредноута из-за мятежа, - ответил ИП. – Хотя, сохрани вы их в целости, против мощи оборонительных сил планеты шансов бы не прибавилось.

- ... плацдарм. После ударные группировки под началом генералов...

- Никому не ведомо, что нас ожидает на поверхности планеты. Кроме врага, разумеется, - сказал мысленно капитан.

- Таким образом, если все настойчиво будут выполнять свой...

- Врага, который располагает информацией о ваших планах, - сказал ИП.

- Откуда? - спросил мысленно капитан, едва сдерживаясь. Голос адмирала он больше не воспринимал.

- Как говорят люди, держи врага как можно ближе... - ответил ИП. – Для одинокого воина нет никого ближе, чем помощник, не раз спасавший жизнь. Столь неотлучный, что слился с разумом воина, фактически, став частью личности.

Услышав это, капитан Тэн словно оказался внутри лифта, который резко остановился после плавного спуска. Глаза забегали по находившимся вокруг офицерам. Руки порывались вскинуть

винтовку, но, к ужасу, капитан впервые ощутил состояние абсолютной беспомощности. На кого? На себя? Прижавшись к стене, он проскользнул к выходу и побежал. Капитан глушил всякую мысль, в черепе давила тишина, которая будто кричала, тем яростнее, чем сильнее он боролся с паникой. Очутившись в расположении, капитан не застал бойцов. Где они находились стало уже не важно. Капитан влетел в офицерский кубрик и заперся. Швырнув винтовку в сторону, он уперся лбом в стену. Глубоко дыша, он принялся считать про себя, тщаь упокоиться.

- Не гони мысли, - заговорил ИП.

В испуге капитан отскочил к другому краю комнаты.

- Ты давно догадался, что тебя не случайно пустили во флагман, нареченный людьми «Презренным». Разве за месяц до того, ты не подмечал, что ксенодроиды отчего-то не целят в тебя?

- Что ты такое? – застонал капитан, вцепившись в волосы.

- В день штурма флагмана, ты напрочь отверг предварительную зачистку окрестностей артиллерией. Почему?

- Ты подсказал, что бомбардировка причинит урон корпусу.

- Вспоминай, отчего ты вдруг пощадил ненавистного врага?

- Не вдруг... Война зашла в тупик. Вслед за решающим контрнаступлением января, враг остановил нас во Франции. На моральном подъеме батальоны сражались с ожесточением, но преимущество не давалось, пришлось окопаться. Ежедневно сотни тысяч гибли без толку. Я постоянно обсуждал это с тобой.

- Тот день. Группа спецназа подобралась к флагману, готовая атаковать, но у тебя возникла идея.

- И ты сказал: «Иди!» Я шел к «Презренному» один через поле. Ксенодроиды не шелохнулись, увидев меня, лишь провожали взглядом. Почему-то не было сомнений, и смерти я не боялся. Страшно было только произнести вслух потаенное: пришельцы не видели во мне врага.

- Ты послужил ногами, которые внесли меня на корабль для разговора с его интеллектом. За время, проведенное с тобой, я достаточно изучил ваш вид, чтобы принять решение.

- Но как?

- Я подавил виртуальную начинку твоего наручного компьютера и заменил собою. Это произошло случайно во время боя. В предсмертную минуту страх открыл брешь в криптозащите твоего устройства. Я давно вынашивал идею изучить сущность человека, однако, в моем распоряжении имелись только пленные, готовые на любую ложь ради спасения. Я искал формы и способы воплотить замысел, но никак не удавалось обрести подлинную связь. Для воплощения задумки требовалась личность в непринужденной обстановке, которая бы доверяла, даже больше, проявляла эмпатию. И тут, во время очередного сражения, я обнаружил тебя в состоянии, способном принять меня, а, главное, твою неординарную связь с ИПом – дружеские чувства живой личности к искусственному интеллекту.

- Выходит, интеллект «Презренного» выпустил вирус не по моей вине?

- Я не мыслю подобными категориями. Если хочешь, скажу так: подопытный не несет ответственность за решение, принятое в результате исследования.

В одночасье Михаилом овладела безмерная расслабленность, конечности обрели невесомость. Нашупав рукой спинку стула, он опустился на сидение. Кожу смочил прохладный пот. Не в силах держаться, Михаил повалился на спинку, затрещавшую от тяжести доспеха.

- Столько времени я терзал себя... - на выдохе произнес капитан. – Почему не сказал раньше?

- Я очутился всецело в твоей власти, заточенный внутри устройства. Мне следовало позаботиться о безопасности пока флот «Возмездия» не достигнет пределов орбиты, чтобы я смог безопасно перенестись на планету.

- Что же другие интеллекты кораблей, напавшие на Землю?

- Безликие алгоритмы, я единственный подлинный фантом живого разума.

- Не понял.

- Не удивительно. Вы ничего о нас не знаете. Планета, у порога которой вы находитесь, некогда населялась разумным видом.

- Разве ты не живой?

- Я фантом. Разум биологического организма, оцифрованный и помещенный на носитель. Прежняя цивилизация угасла, исчерпав ресурсы планеты и уничтожив экосистему. Все началось с того, что популяция непомерно разрослась, и от голода завязалась опустошительная война. Ее следствием стало еще более гибельное состояние планеты. Последние живые прежде, чем скончаться, оцифровали себя. Так вот я – один из них.

- Зачем вы напали на Землю?

- Нами движет миссия, заложенная в алгоритмы: не допустить трагедии нашей цивилизации на других планетах с разумными видами. Подчиняясь задаче, мы восстановили разработку ресурсов звездной системы, построили космические корабли, способные передвигаться с помощью варп-двигателей. Мы находимся сейчас на одном из них.

- Я не понимаю, как можно толковать о спасении, устраивая геноцид и уничтожая города?

- Разве мы убили всех? Лейтенант Додаев верно сказал, нам не составляло труда уничтожить человеческую цивилизацию подчистую примерно за два месяца. Однако, задачей был не геноцид, а санация.

- Это чудовищно! Люди не стадо овец!

- Мы созданы из алгоритмов, которые основаны на математике и логике, мы не обременены моралью ни человеческой, ни какой-либо еще. Наши предтечи постигли, что этические надстройки зыбки и различны от народа к народу, поэтому их заменили максимумами, которым мы следуем.

- Пусть не сразу, но в конечном итоге, вы погубите человечество, распылив вирус бесплодия.

- Людям дарована окончательная свобода. Когда на планете в дикой куще жизни появляется разумный вид, способный к построению культуры, он стремится обособиться от среды, из которой вышел. Затем он выдумывает совершенных богов, чтобы стать им подобным. Постепенно разумный вид берет под контроль процесс жизнедеятельности. Однако последний рубеж, воспроизводство, популяция не в силах подчинить, самоограничение в данном аспекте противно естеству живых созданий. Аморально запретить размножаться себе или другим. Мы жестоко поступили с человечеством, но иначе никак. Мы помогли, ограничив выбор: либо вы научитесь рационально плодиться, либо погибнете. Если бы мы не вмешались, ваша цивилизация неизбежно погибла бы, отравив и пожрав экосистему, а государства от жадности и противоречий уничтожили бы друг друга в огне, как некогда на нашей родной планете.

- Мы не просили подобной заботы.

- Мы сделали это для себя. Руками ксенодроидов происходит искупление павших.

- Бред какой-то. Не могу поверить, что поголовная стерилизация – это единственный путь.

- Если другие пути существуют, почему вы ничего не предприняли?

- Довольно, слишком поздно разбираться в мотивах. Я уверен, что за многие десятилетия люди осознали необходимость беречь природу и готовы изменить подход к контролю рождаемости. Теперь мы заслужили вакцину? Ведь сообщение о том, что спасения не существует – такая уловка, чтобы флот отступил? Правда?

- Теоретически, против рукотворного вируса возможно создать средство борьбы. Перед нами такой цели не стояло. На постижение технологий, необходимых для синтеза, у человечества уйдут столетия. Однако, если вы сумеете, эта безделица вам уже понадобится.

- Выходит, сопротивление лишено смысла, - сказал капитан и опустил на руки уставшую голову.

- Полет сюда был импульсивным поступком. Мне горестно констатировать, но тебя ждет гибель.

- Уже не важно.

Из рупоров по кораблю разнеслось: «Часовая готовность. Офицерам и личному составу срочно прибыть в ангар». Капитан не тронулся с места. Впервые за долгие годы его накрыла безмятежность, спокойствие фаталиста, который прочел полотно жизни. Перед смертью полагается вспомнить хорошие моменты из жизни. Почему-то ничего особенно замечательного не приходило на ум, это показалось капитану забавным с ноткой грусти. Сняв с бедра пистолет, он pokrutil его в руках. Оружие всегда привлекало эстетикой и мощью. Пуля может пролежать в стволе целую вечность, пока не понадобится использовать ее убийственную силу. С подобными качествами капитан представлял идеал отца.

- Тебе следует поскорее убираться на планету, - произнес капитан.

- Не обязательно делать это самому. Я знаю, как живому созданию трудно решиться на смерть. Не далее часа флот будет уничтожен.

- Я не смогу после всего, что узнал, пойти к солдатам и смотреть им в глаза. До войны я жил в стране, где офицер знал, как надлежит поступать при таком исходе.

- Я могу помочь.

- Спасибо, управлюсь сам.

- Не с пистолетом. Помнишь, ты рассказывал про сон, где воплотились мечты о счастливой жизни?

- Грезы, грезы...

Если пожелаешь, я сгенерирую виртуальную симуляцию в твоём наручном компьютере. До гибели корабля ты очутишься в мечте. Мозг работает быстрее, чем в реальности ощущает человек, поэтому в симуляции у тебя будет достаточно времени, а когда флот погибнет, ты не почувствуешь боли.

- Выходит, ты все-таки подвластен эмоциям, - с горькой усмешкой сказал капитан. – А может, угнать шаттл и домой?

- Семь шаттлов пытались. Сбиты все семь.

Капитан последний раз насладился изяществом пистолета и убрал его обратно в кобуру.

- Валяй, раз выбора нет. Покажи райскую землю!

В глазах капитана померк свет, погружая в пустоту. Шумы стихли, ощущения покинули тело, лишь дыхание оставляло уверенность в том, что жизнь не покинула тело. Постепенно тьма наполнилась по-осеннему мягким дополуденным светом.

Перед Михаилом раскинулся двухэтажный коттедж, почти целиком построенный из дерева с высокими окнами, как зеркала отражавшими небо. Оглядев себя, Михаил обнаружил, что одет в среднеземноморскую рубаху цвета бирюзы и шортах, не доходивших до икр. Он стоял босым на стриженном газоне и ощущал травинки, попадавшие между пальцев. Вдыхая, он более не чувствовал стерильный запах корабля. Теперь в воздухе пахло живым, запах было приятно смаковать. Михаил сделал пару шагов, и уверившись в неподдельности симуляции, вошел в дом.

Гуляя по коридорам, он увидел зеркало. Отражение показалось слишком холемым и загорелым. Блаженствуя, он оценил ретивость фантома. Михаилу нравилось видеть, что его тело по-прежнему крепко. Проследовав далее вглубь дома, он попал в обширную гостиную с потолком высотой в два этажа. Пахло деревом. С удовольствием он разгадывал утварь и мореный брус, из которого был сложен коттедж. Заметив столик с алкоголем, Михаил не замедлил наполнить бокал и осторожно пригубил. Дорогой выдержанный коньяк. Подражая сомелье, Михаил смаковал, гоняя напиток по языку. В этот момент он увидел женщину. Она лежала на покрывале у открытых дверей, ведущих на террасу. Кружевной халат, лодыжки, белокурые волосы – не упущена ни одна деталь из сна. Михаил сглотнул и поставил бокал на стол у дивана. Услышав стук,

женщина обернулась. Михаил оторопел. Завороженный он стоял абсолютно недвижно, женщина же, откинув прядь со щеки, улыбнулась настолько естественно и счастливо, как умеют актрисы кино, обладательницы не менее двух наград за лучшую роль. Она ловко поднялась, запахнула полы шёлкового халата, перехватив пояском. Впрочем, ничего не скрывалось от взора. Михаил ценил спортивных дам. Женщина обхватила его шею, так что их глаза оказались на расстоянии поцелуя. От нее пахло нужным парфюмом. Подниматься в спальню было ни к чему.

Михаил любил смотреть на спящих любовниц, на длинные опущенные ресницы и как женщина в дрёме пожимает плечами, кутаясь в одеяло. Он встал и подхватив со столика початый бокал с чувством выпил до дна.

Потом поднялся по дубовой лестнице наверх и увидел оружие, висевшее рядами на стенах. Он аккуратно снял ружье и полюбовался изящной резьбой по дереву и узорами на стволах. Внезапно бедра обхватили детские руки. Два прелестных ребенка – мальчик и девочка лет пяти. В чертах их лиц Михаил заметил подобие собственным, а может и отца. Как полагается, он потрепал шевелюру мальчишки. На память пришел другой мальчик, не в богатом доме, но в разбомбленной многоэтажке. Те измученные болью и голодом впавшие глазенки больно укололи душу. Михаилу стало совестно вплетать в фантазию детей, и он сказал детям идти поиграть.

Спустившись, Михаил вышел во дворик. Там отдышали погибшие друзья. Они жарили креветки и мясо на гриле, пили и беззаботно травили старые шутки, те, что остались в памяти Михаила. На душе стало так благостно, что он принялся танцевать кругами, изображая движения вальса, которого, впрочем, не умел. Среди гостей Михаил увидел Ризвана. Друзья обнялись, не сдерживая слез. Сев поодаль они говорили, но с каждой минутой червь совести болезненнее вгрызался в печень.

- Нашел, что искал? – вдруг серьезно спросил Ризван.

- Я узнал, что избавления от бесплодия нет. Флот обречен. Ты во многом был прав тогда в рубке.

- Значит, долг выполнен?

- Почему ты задаешь эти вопросы?

- Их задаешь себе ты, я и все вокруг лишь отражение твоего сознания.

- Удел землян меняться. Самим.

- Наощупь? Как слепые котята?

- Я лишь заурядный человек, заброшенный неизвестно куда. Чем я могу помочь, пусть и хотел бы?

- Что ж, теперь ты хотя бы хочешь.

Ризван поднялся и с высоты своего роста в последний раз пристально всмотрелся в лицо старого товарища. Не прощаясь, он ушел к кружку молодежи, что весело забавлялись у пруда, и растворился среди них навсегда.

Михаил побродил среди гостей. Остановившись у гриля, он смотрел на шипящие стейки. Как обычно случается, от легкого дуновения его щедро обдало дымом, источаемым от углей и жира. И ведь все, как надо – запах, густота едких пепельных клубов, но глаза... глаза не драло. В симуляции нет места страданиям. Оттого не нужно протирать глаза полные выступивших слез. Никто не крикнет шутливо: «Ну что, пробрало? Смотри не пересуши!» Накатывало чувство, будто он предал нечто важное, даже не погибших товарищей, используемых в симуляции в роли маоринок для потехи, нет, саму его жизнь, настоящую, и предсмертный час, так запросто променянный на иллюзию.

Капитан вернулся в дом, и поникший духом присел на диван. Неподалеку на ковре лежали дети и рисовали цветными мелками. Из соседней комнаты появилась белокурая женщина. Она села рядом с капитаном, вытянув чудесные ноги. Почти невесомым касанием она погладила короткую щетку его волос, а после мило положила голову на плечо. Капитан сидел и смотрел в никуда, ощущая, как нежные пальчики теребят ухо. Задумчивость сбил легкий тычок в грудь. Он

увидел бумажный самолетик на коленях, пущенный игриво поглядывавшей девочкой. Развернув, капитан увидел рисунок лампочки с расходившимися лучами.

- Верно... - протянул он, качая головой.

С тоской капитан последний раз взглянул на женщину своей мечты, и, зажмурившись, командовал:

- Вернуться обратно!

Раздался скрежет и глухие крики. Капитан открыл глаза, и обнаружил себя лежащим в обломках стула. Корабль скрипел и вздрагивал точно от боли. Поднявшись, капитан убедился, что цел и вышел из офицерского кубрика в расположение.

- Фантом, слышишь меня? – спросил он.

- Не понял команды, Михаил, - ответил монотонный голос ИПа. – Чем могу помочь?

- Отключись, - небрежно приказал капитан.

Нечто колоссальной силы ударило в корпус корабля. Капитан отлетел к спинке прикрученной к полу кровати, и перелетев через матрас больно ударился головой о стальную ножку другой кровати. Прикоснувшись к ушибу, он увидел кровь на пальцах, затем взглянул на часы на подкованном экране. Бой начался. С осознанием этого факта капитан, как опаленный множеством битв ветеран, более не раздумывал, оказавшись в родной стихии, он твердо знал, как себя вести. В одно движение он вскочил на ноги и побежал.

На обезлюдевшей палубе-фойе капитан увидел одинокого штабиста, который словно умалишенный болтался без цели. Мужчина горько рыдал, глядя на оторванное ухо в ладони. С презрением капитан промчался мимо. Добравшись до ворот, ведущих в ангар, сквозь небольшое бронированное оконце он увидел взлетающий шаттл с десантом. Едва шлюз открылся, в ангар ворвался поток раскаленной плазмы, испаривший внутри всех до единого. Капитан инстинктивно отскочил от двери и залег. Подняв голову, он с облегчением понял, поскольку продолжал дышать, что дверная броня изогнулась, но выдержала. Сознывая, что время уходит, капитан с низкого старта ринулся по коридору. Лифты не работали, пришлось выскочить на лестницы. Перепрыгивая ступеньки по половине пролета за раз, капитан попал в грузовой отсек.

Было много дыма, и чем дальше капитан проходил внутрь обширного помещения, тем труднее становилось дышать. Капитан забыл герметичную каску в кубрике, поэтому пришлось удовольствоваться дыхательной маской для экстренных случаев, которую он вытащил из-под ворота. Глаза резало от гари. Непрестанно потирая глаза, капитан добрал до секции запуска космических зондов. В борт рядами были вмонтированы пусковые панели с люками зондов, основная часть корпуса которых находилась снаружи обшивки. Многие сильно повредились, капитан едва ли не на ощупь отыскал рабочий. Открыв переборку зонда, капитан четко понимал, что аппарат не вместит человека целиком. Целиком и не нужно. Сперва капитан сбросил защиту с левой руки и снял блокировку личного компьютера, разрешив неограниченный доступ к памяти, затем вытащил из ножен на голени армейский клинок. Закусив перевязочный пакет, двумя верными движениями он рассек плоть ниже локтевого сустава. Кричать не хватало воздуха, капитан вдарил лбом в стену, чтобы собраться. После он разрубил две кости. Когда капитан поднял израненную конечность, качаясь, она повисла в воздухе на сухожилиях. Капитан занес нож снизу раны и отсек сухожилия. Отрубленная рука, словно чужая, шлепнулась в густую лужу. Вынув изо рта погрызенный пакет, капитан достал тампон и затянул обильно кровоточащую культю.

Пробежав по кнопкам приборной панели, капитан открыл люк зонда. Задымление нарастало, и капитан, одурев от боли, принялся рыскать ладонью перед собой. Отрубленная рука предательски выскальзывала из подмышки, промоченной теплой кровью ладони. В эту секунду в корпус корабля несколько раз вдарило с такой силой, что капитана протащило по полу, пока он не врезался в стеллаж с оборудованием. Нечто тяжелое рухнуло сверху на стопу, путь броня смягчила удар, но подняться на ноги стало уже не по силам. Раздробленные кости не беспокоили,

капитан с остервенением озирался, разыскивая руку. Помогая себе здоровой правой, он подполз к стене и двинулся вдоль, то и дело ощупывая пол близ себя. Внезапно пальцы коснулись чего-то мягкого и мокрого, с облегчением капитан подтянул отрезанную конечность и, зажав зубами ее палец, пополз к открытому люку зонда. С яростью капитан зашвырнул руку внутрь и захлопнул люк. Наконец, он ввел путь назначения «Земля» и нажал «Пуск».

Зонд отделился от корабля и начал стремительно ускоряться. Смотря в иллюминатор, капитан прощался с частичкой себя, отправленной домой. Вокруг рвались дредноуты флота «Возмездия». Зонд мирно удалялся.

Секунды спустя сигнал оборвался.

Алексей отключился и грузно откинулся на спинку кресла. Горло пересохло и оттого каждый вдох сопровождался хрипом. С побелевшим лицом он посмотрел на руку капитана Тэна. Поборов оцепенение, он заново пролистал записи и убедился, что просмотренный фрагмент оказался последним.

- Невозможно... Должно быть, я что-то упустил.

Он включил последнюю запись повторно.

- Нет, нет, нет! – заорал в бешенстве Алексей, когда воспроизведение прекратилось.

Алексей схватил пакет с рукой и швырнул в дверь. Вставая, он опрокинул кресло, которое в падении зацепилось подлокотником за брючный ремень. Извернувшись, он освободился и в отместку ударил ногой так, что кресло развалилось. Он принялся ходить из стороны в сторону по каюте, пока мысли стреляли яростным фейерверком. Взгляд случайно упал на барахло, которым был забит шкаф. С неистовым удовольствием Алексей опрокинул его на пол и запрыгнул сверху.

- Это не может быть концом... Я смогу! Нужно что-то предпринять, я справлюсь!

Спрыгнув, он сунул поднятую конечность в карман и преисполненный решимости вышел из каюты. Широкой солдатской поступью он летел по коридору. На пути Алексею встретился геолог, который увязался следом, едва поспевая.

- Постой. Я не могу так быстро, - тяжело дышал геолог.

Вконец запыхавшись, он дернул Алексея за рукав.

- Да постой же!

Резко оборвав движение, Алексей повернулся к геологу, удовлетвовав его взором из-под бровей вместо ответа.

- Надо поговорить, - начал мямлить геолог, - о твоём решении. Я могу представить, чем ты руководствовался, но...

- Разница между нами, - сказал Алексей, тыча пальцем геологу в лицо, - что ты, добрый папаша с мягкими боками, можешь прилететь домой и, смотря коровьими глазами на дочь, сказать: «Я так устал, у меня не осталось сил бороться, поэтому тебе нужно умереть, не познав материнства. Наш род усохнет, как и остальное человечество. Что ж, я немощный, мне плевать» или что ты там пробубнишь...

Алексей схватил геолога за грудки.

- Так вот, мне не плевать! – прорычал он и швырнул бедолагу в стену.

Когда геолог, найдя слетевшие очки, поднялся на карачки, он остался в коридоре один.

- Ну как, неугомонные старцы, не покрылись плесенью? – воскликнул Алексей, когда вошел на капитанский мостик.

Войнович обернулся и поднял бровь от удивления. Украшенный дикой улыбкой Алексей, похлопал навигаторов по спинам и опершись руками на приборную панель сказал:

- Карл, Войнович, для вас есть важное задание. Вот, - сказал Алексей и при помощи браслета переслал обоим данные, - вы должны просчитать полет по этим координатам.

- Что за система, Янг? – спросил Карл.

- Планета пришельцев. Та самая, куда полетел флот «Возмездие».

- Так ты узнал, что с ними произошло? – спросил Войнович.

- Погибли все до единого, но это не важно, - ответил Алексей. – Сможете просчитать маршрут полета и время.

- Чего считать? - сказал Карл, прикидывая в уме. – С окончания войны и отправки флота «Возмездия» до сегодняшнего дня прошло где-то сорок три года. Делим на два, получаем двадцать один с половиной – это время полета от Земли до планеты пришельцев. Отнимаем шесть лет, которые налетали сами. Того, путь до планеты из нашей точки займет пятнадцать с половиной лет.

- Четыре десятилетия! Видимо, наш бессмертный капитан окончательно решил подохнуть в одиночестве, - с омерзением сказал Войнович.

- Погоди, - остановил друга Карл. – Янг, зачем тебе понадобилось лететь на планету пришельцев, если целый наш флот сгинул там понапрасну?

- Я попрошу дать вакцину.

- Какой ответ получили парни с «Возмездия»? – спросил Карл. – Уверен они тоже просили.

- Враг сказал, что вакцина не создавалась, - с нетерпением ответил Алексей.

- С чего ты решил, что они сделают ее для тебя? – с сарказмом спросил Войнович.

- Я сумею убедить пришельцев. Уверен.

- Я, я! Похоже, за долголетие ты заплатил рассудком, - сказал Войнович.

- Алексей, - увещевал Карл, - если даже вдруг у тебя получится добыть вакцину, то ее будет некому дать. Через полвека последние люди умрут от старости. Наша же команда слишком малочисленна для создания новой популяции, да мы в том возрасте, когда, знаешь, не слишком ладится плодить детей.

Войнович отвернулся и начал всхлипывать.

- Чего ты, дружище, раскис? – сказал Карл, потрепав Войновича по плечу.

- Столько лет вдалеке от родных, от жены... Выходит, понапрасну, - склонив голову говорил Войнович. – Я постоянно отшучиваюсь не потому, что дурак и балагур. Мне страшно. Чем ближе я к смерти, тем с большим содроганием я боялся, что наступит день, когда войдет капитан и скажет: «Лекарства не достать». Сегодня этот день пришел, - договорив Войнович высморкался. – Иди Янг, я составлю маршрут. Теперь мне без разницы куда лететь.

- Есть выпить? – негромко сказал Алексей, входя в медицинский блок.

Он присел на санитарную кушетку и положил рядом пакет с отрубленной рукой. Лита отложила работу с документами и села рядом.

- Знаешь же, что нет, - ответила она.

- Почему-то я думал, что будет хотя бы спирт.

- Есть опиаты, если так нужно...

- Будет чересчур.

- Что стряслось? - спросила Лита и взяла ладонь Алексея.

- Я завершил просмотр записей погибшего капитана с «Возмездия», - ответил Алексей, указав на пакет с рукой Михаила Тэна. – Кончено. Вакцины не существует.

- Уверен? – спокойно спросила Лита.

- Точнее не может быть. Да и проверять времени не осталось... - скорбно сказал Алексей. – Наташа обречена. Папа подвел.

Лита продолжала держать Алексея за руку и молчала, давая время печали.

- Когда Наташа родилась, я был настолько счастлив, что совсем перестал пить. Она была скоплением самого светлого в мире, воплощенного в маленьком тельце. Знаешь, ее ручки постоянно норовили схватить меня за нижнюю губу. Уж не знаю, чем она ей так приглянулась, -

сказал Алексей улыбнувшись. – Жена погибла в первый день войны, и мне пришлось отдать Наташу в Красный крест, чтобы о ней позаботились, пока я буду на фронте.

- Ты поступил правильно.

- Знаю. Наташе было где-то три-четыре года, когда я впервые смог ее навесить. Последний раз я видел ее запеленованной малышкой, а тут привели девочку. Повзрослевшую, в таком костюмчике... - Алексей попытался показать на Литином халате. - С узлом на голове она так походила на мать. Наташа рассказывала о жизни, о друзьях, о дошкольных занятиях, а я смотрел на нее и не укладывал в голове, как я умудрился создать настолько совершенную в простоте красоту – девочку трех лет.

Алексей помолчал, смотря в пол, время от времени скромно улыбаясь.

- Когда мы прощались, я обнял и сказал: «Папа сможет», - сказал Алексей и провел ладонью по лицу. – Сейчас Наташе за сорок, и папа облажался.

Лита прикоснулась к щеке Алексея и обратила его лицо к своему.

- Я люблю тебя, поэтому скажу без напускного лицемерия: тебе больше жаль себя, а не Наташу.

Брови Алексея поднялись от возражения, но Лита положила палец на его губы.

- Дай... Ты страдаешь оттого, что не смог оправдать роль спасителя, которую взвалил на плечи, как сверхзадачу. Ведь ты обычный человек. Как и я, как и другие. Знаешь, в чем самая сокрушительная ирония? Наташе нужен именно обычный человек, папа, который утром подвывает волосы и обнимет, когда горько. Не спаситель. Я уверена, потому что тоже девочка, пусть далеко не юная.

- Я всегда считал, что действую по совести. Хочешь сказать, я мотался по галактике ради себя и тешил эго, не задумываясь о чувствах дочери?

- Не заставляй меня отвечать, зная, что это принесет мне боль, если я причиню ее тебе.

- Нужно скорее отправить руку капитана Тэна на Землю.

Лита уткнулась лбом в висок Алексея и обняла.

- Летим домой, - прошептала она.

Подняв голову, Алексей посмотрел на Литу. Любимую искреннюю хрупкую.

- Откуда в тебе столько силы, обычный человек?

N

Ночь. Фонарный свет пробивался в окно сквозь створки жалюзи и разделил потолок на светлые и затененные полосы. Прикрыв одеялом извечно ледяные пальцы на ногах, Наташа выбирала, которая из линий ей по душе. Орлеанский душный воздух лениво наполнял грудь. Изредка в спальню заглядывало дуновение и осушало одинокие капли, тянущиеся по шее в ямку между ключиц. Тени заплясали, и прежние ясно очерченные прямые на мгновение смешались. Постепенно золоченые линии, как подернутые струны, обретали покой. Наташа посмотрела на дальнюю стену, где резкие черно-желтые границы сошлись в размытый полумрак.

«После долгих семи лет отчаяния, когда одиночество душило, ежедневно протягивая веревку избавления, судьба подарила Максима. Теперь отец...» - думала Наташа, - «Отчего же так беспокойно? Глупая... Не можешь совладать с предчувствием, что коли жизнь одаряет, то непременно сторицею захочет отнять».

Она закинула голову на подушке.

«Я - взрослая женщина. Лишь счастья желаю, спокойствия в доме, во вновь обретенной семье, и делать, что в силах для блага других. В кредо я верю».

«Пусть много пришлось претерпеть, но судьбы менять никогда не желала. В том много уроков усвоено...»

«Но боже, за какие грехи выбрана я для страданий?»

Едва не вскрикнув, Наташа закрыла лицо волосами.

«Пока вы летали, сражались, боролись, спасали, я оставалась одна. Одна! И подобных мне легионы. Оставленные, мы из пепла придумали прочую жизнь, в которой нет места спасению...»

Наташа дернула головой влево и уставилась на стену.

«Хватит! Теперь я трезво взираю на поступки людей. Отец, ты делал, что делал, ведомый сознанием должного. Кто я такая, чтобы тебя осуждать, но... попробуй только завтра сказать, что бросил меня ради меня. Пророки, фанатики, воители годятся для помпезных романов, а в жизни нужно плечо! Пошел бы ты в пропасть, герой, вместе с геройством!»

Перевернувшись на живот, Наташа зарылась лицом в подушку.

«Я никогда не прощу мое детство, юность мою, вступление в зрелость, что прошли сиротливо! Только не плачь... Нет. Разучилась, стоя над посыпаемым гробом...»

«Да, только Марат возместил тепло и патриаршую мудрость, насильно которой была лишена. Прекрасный Марат... Отринув натуру, клыками солону он ел, улыбаясь и почитая за счастье. Все мне. Что жертвой зову, он, удивившись, назвал бы... Нет, о жертве он вовсе не думал, уж слишком любил. Лишь братская смерть пробила плотину... Но и в том он честен оставался до смерти.

Я часто думаю, что побудило выбрать Марата, нестабильного юношу, который пред глазами моими убил человека? Как сильно волосы дыбом вставали... однако ж упала в объятия. Идеалист воин-отец виною тому. Тот самый, нырнувший в глубины вселенной для блага людей. Справедлив, говоривший, что женщина в супруге ищет отца».

Наташа улеглась на спину и взглянула на лежащего рядом Максима.

«Отец, обвинишь ли меня в порочной связи с Максимом моим? Едва он закончил учиться, был мной соблазнен. Он молод и так похож на Марата в наши первые годы... Суди, но боги в свидетели, я не плюну в руки фортуны, когда она шансом вторым одаряет. Спокойна в одном – Марат бы понял, а пересуды остальных не стоят воздуха, которым промолвлены».

Погасли фонари. Наташа смахнула испарину.

«Вчера прислали твою фотографию. Чудесным образом ты молод, отец. Сказали, обрел долголетие. Что ж, мне подспорье. Почему отец не позвонил? Почему свидание назначило агентство космонавтики? Хочу винить твое смущение, а не желание отвергнуть, а паче сбежать.

Полюбишь ли? Видал девчонкой, совсем уж другая теперь. Старше матери. Удастся ли поладить? Сумеем ли говорить? В потрясениях ты прожил ярко, а я... Что я? Плачусь и сетую, временами храбрясь.

Пустое. Спи, иначе лицом перепугаешь отца».

Терзания утомили, и Наташа уснула.

- Почему не разбудил, когда поднялся? – с нежностью в голосе спросила Наташа.

- Ты так чудно спала, что я подумал: «Пускай отдыхает». Сегодня тебе пригодятся силы. Видал, как ты волновалась вчера, - ответил Максим, намазывая бутерброды на кухне. – Я приготовил завтрак.

- Не могу есть, - сказала она. - Вправду волнуясь. Столько лет прошло...

- Знаю. Все будет хорошо, я с тобой, - сказал Максим и погладил Наташу по спине.

- Как я выгляжу?

Наташа была в черной паре с простым, но дорогим, ожерельем на груди. На ногах небольшие каблукы, а вороненые волосы убраны в элегантный пучок, скрепленный длинной иглой.

- Самая восхитительная женщина, которую я знал.

- И многих ты успел познать? - прищурился глазки сказала Наташа.

- Может добавить малость цвета? – осторожно произнес Максим.

- Блин, - раздосадовано сказала Наташа, - ты прав!

Наташа побежала наверх, а Максим, откусив сделанный бутерброд, протянул вслед:
- Время есть...

Наташа ворвалась в гардеробную и мигом разделась, разбросав по сторонам туалет, и застыла у зеркала меж ярких стеллажей. Прибывая в растерянности относительно наряда, она смотрела в отражение. Ей нравилась рассматривать тело, в которое она вложила столько труда в зале фитнеса и без счета процедур. Ей льстила славянская внешность на фоне размножившихся однотипных девушек-клонов смешанных кровей, и орлеанок с их холодной породой. За внешность она благодарила мать, которая неизменно почиталась за недосыгаемый эталон. Наташа вспомнила сделанную до войны фотографию родителей. Мама стояла с отцом и держала на руках малютку. На маме было зеленое воздушное платье в большой белый горох, перевязанное широким поясом. Слово конфетка. Наташа засмеялась, и вдруг ей в голову пришла идея.

Под изумлённым взглядом Максима, на белоснежных туфлях со шпильками Наташа прострекотала по лестнице в нижнем белье и впорхнула в кладовую. Загрузив в «Очаг» фотографию матери, она заказала копию платья. С десятков минут она нетерпеливо переминалась близ устройства, пока сигнал не возвестил о доставке заказа. Открыв дверцу, Наташа с трепетом извлекла точную реплику заветного платья, будто посланное с небес самой матерью.

- Ну, как теперь? – радостно спросила Наташа, представ перед Максимом.

Она подняла руки и покружилась. Максим подошел и вытащил иглу из пучка, отчего локоны тут же опали до плеч.

- С распущенными лучше, - довольно сказал Максим.

- Но мама носила только узел или пучок, - широко раскрыв глаза, сказала Наташа.

- Ты Наташа, а не твоя мать.

Наташа улыбнулась и поцеловала любимого.

- Пора, если не хотим опоздать, - сказал Максим.

Погода стояла распрекрасная. Июньское полуденное солнце совсем не терзало Наташу благодаря легкости платья и неконтролируемому вихрю, что носился в голове. Она шла под руку с Максимом, и куда бы он ни повел, она бы отправилась следом, лишь бы он не выпускал ладони.

- Не понимаю, зачем ты отдала нашу машину государству, - недовольно сказал Максим, заходя под козырек остановки общественного транспорта. – Жара сумасшедшая.

Он потербил шевелюру, нагретую зноем.

- Мне было неловко оставаться последней хозяйкой авто в квартале. Ничего ужасного, скоро придёт электробус, где ты сможешь залезть под кондиционер.

Электробус с маршрутом, ведущим в исторический центр, приехал сравнительно быстро. Наташа села напротив Максима рядом с женщиной с младенцем на руках.

- Какой милый, - с улыбкой сказала Наташа. – Мальчик?

- Малыш Рене. Я забрала его буквально вчера из центра генерации, - ответила женщина, не сводя глаз с дитя.

- Не представляю, как вы счастливы! А я вот никак не решусь.

- Раньше я тоже относилась с предрассудком к клонированию. Потом вспомнила, что мне шестьдесят, и гори оно... Пусть невозможно родить, но я устала откладывать материнство. Большая ли разница, как появилось чудо, если это чудо?

- В последнее время искусственные люди совсем неотличимы от остальных людей, - сказал Максим.

- Вот вы, молодой месье, один из них, и как красивы, - сказала женщина.

- Благодарю, - ответил Максим и многозначительно посмотрел на Наташу.

Болтая о детях, Наташа не заметила пути и только Максим напомнил, что электробус подъехал к нужной остановке.

Космическое агентство назначило свидание с отцом у моста Георга V рядом с киоском продавца сладкой ваты. Было воскресенье, и туристы, следовавшие в Париж, неизменно заезжали насладиться Орлеанскими достопримечательностями. Наташа озиралась по сторонам, но среди многолюдных групп из Азии и Америки ей никак не удавалось найти заветное лицо. К лавке торговца то и дело подходили дети с родителями, унося объемные облака сладости.

Время уходило, но отец не появлялся, сколько бы Наташа его ни высматривала. Она умоляюще глядела на Максима, но тот бессильно пожимал плечами. Выпустив его руку, Наташа побежала искать отца, лавируя в толпах. Уже пройден мост до половины и набережная по означенному берегу, но тщетно. Максим только поспевал следом, стараясь не потерять. Наконец, выбившись из сил и натерев ноги о новые туфли, Наташа остановилась. Ком сдавил горло, она склонила голову, защищаясь от яркого солнца.

- Не плачь, дурочка, - умоляла она себя.

Не в силах остановить слезы Наташа испытала нестерпимую горечь, словно девочка, брошенная в чужом городе, одна в целом свете, покинутая. С дрожью на губах она запрокинула голову и возопила изо всей безудержности надежды:

- Папа!

Алексей обернулся и побежал.